М. Д. Янко

Литературное Зауралье

КУРГАН—1960

М. Д. Янко

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАУРАЛЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКОЕ ЗАУРАЛЬЕ»

Курган — 1960 г.

ОТ АВТОРА

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны очерки и краткие биографические справки о писателях, связанных своим рождением, жизнью или отдельными произведениями с дореволюционным и советским Зауральем. Автором использованы материалы курганского, тобольского, московского архивов, местных и центральных периодических изданий, читательских конференций, переписка с писателями, беседы со старожилами Шадринска и Кургана, опубликованные статьи и монографии. Выражаю глубокую признательность В. П. Бирюкову за предоставленную мне возможность пользоваться его архивом.

Как первая попытка рассказать о писателях Зауралья, книга не претендует на полноту освещения литературных фактов. В ней могут быть пропуски, отдельные неточности. Она рассчитана прежде всего на учителей, пропагандистов, работников клубов, изб-читален и библиотек, к которым нередко обращаются с вопросами о литературной жизни Зауралья.

В прилагаемой краткой библиографии читатель найдет сведения о вышедших отдельными изданиями произведениях или сборниках произведений писателей, а также основные критические статьи о них.

С благодарностью приму замечания, советы, поправки от желающих помочь мне в дальнейшей работе по литературному краеведению и прошу направлять их по адресу: Курган (областной), Советская, 131, кв. 16.

*

ЧАСТЬ I

Писатели, связанные с дореволюционным Зауральем

В прошлом Зауралье было мало заметным на литературной карте России. Известно, что царизм, беспощадно душивший всякую живую мысль, сдерживал развитие передовой литературы. До первой русской революции в крае отсутствовала периодическая печать. Недремлющая царская цензура всячески затрудняла деятельность прогрессивных писателей Зауралья. Поэтому многое из литературных начинаний прошлого для нас погибло безвозвратно. Однако имена нескольких писателей, связанных своей жизнью или творчеством с Зауральем, сохранились. Знакомство с их жизнью и произведениями представляет определенный интерес и для современного читателя.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

С Курганом связана одна из последних страниц жизни выдающегося поэта-декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

На формирование политических взглядов Кюхельбекера огромное влияние оказали отечественная война 1812 года, революционные события на Западе и крестьянское движение в России во второй половине XVIII— первой четверти XIX века. Его поэзия, проникнутая

любовью «к земле родимой», несла идеи протеста против самодержавного деспотизма, звала к мужеству и дерзанию, предрекала грядущую свободу народу русскому.

С юношеских лет Кюхельбекера связывала тесная дружба с Пушкиным. «Лицейской жизни милым братом» называл его Пушкин и сохранил к нему на всю жизнь трогательную привязанность, несмотря на размолвки по литературным вопросам. В стихотворении «19 октября 1825 г.» Пушкин посвятил Кюхельбекеру такие проникновенные строки:

Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди, огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Незадолго до выступления декабристов Кюхельбекер — человек, горячо преданный идее борьбы с самодержавием, ненавидевший «барство дикое», тиранию и деспотизм, — был принят по рекомендации К. Ф. Рылеева в «Северное общество» и активно участвовал в восстании 14 декабря 1825 года. После разгрома восстания он пытался бежать за границу, но через месяц был схвачен. Кюхельбекер был приговорен к смертной казни, которую затем заменили двадцатилетней каторгой и наконец заключили поэта в крепость.

Десять лет провел Кюхельбекер в каземате, пока не был выслан на поселение в Баргузин, а затем в Акшу (Забайкалье).

Однако и тяжело больной от длительного пребывания в темных и сырых одиночных камерах, Кюхельбекер не был сломлен. И в крепостях и в ссылке он оставался верен свободолюбивым идеям декабристов. В стихотворении «19 октября 1836 года», верный лицейской традиции, Кюхельбекер вспоминает о «лицейской семье» и, обращаясь к Пушкину, заявляет:

О друг! Хотя мой волос поседел,
Но сердце бьется молодо и смело.

В Курган Кюхельбекер приехал 22 марта 1845 года. В письме от 11 июня 1846 года из Тобольска к известному поэту В. А. Жуковскому он писал: «В 45 году мне разрешили переехать в Курган. В Кургане много хорошего: климат прекрасный, все очень дешево, есть люди, есть книги, но доходов ровно никаких и, вдобавок, я и слеп»[1]).

В. К. Кюхельбекер

На переезд в Курган Кюхельбекер возлагал большие надежды, рассчитывая здесь встретиться со ссыльными декабристами, получать регулярную медицинскую помощь, укрепить здоровье.

Дневник курганского периода жизни ссыльного поэта открывается записью 29 марта 1845 года: «Постараюсь ныне, когда для меня, так сказать, в новом месте началась новая жизнь, быть в ведении своего дневника точным, добросовестным, и сколько то возможно, по теперешнему состоянию моей души, искренним»[2]).

Местные власти не оставляли в покое поднадзорного поэта, боясь его влияния на общественную жизнь города. 2 мая 1845 года Кюхельбекер писал в дневнике: «Сегодня получил я известие, что не позволяют мне жить в городе»[3]). Пришлось поселиться в Смолинской слободе, стоявшей вниз по течению Тобола в двух километрах от

[1]) Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 гг. XIX в. «Прибой», 1929, стр. 310.

[2]) Там же, стр. 295.

[3]) Там же, стр. 300.

Кургана. Здесь Кюхельбекер построил на средства своего родственника В. А. Глинки (мужа сестры Юстины Карловны) небольшой домик, сохранившийся и доныне. «Перебрался в свой собственный дом, и вдобавок больной»[1]), записал Кюхельбекер 21 сентября 1845 г.

Не оправдались надежды и на получение регулярной медицинской помощи. «По слабости здоровья, — писал поэт В. Ф. Одоевскому 3 мая 1845 г., — переведен сюда из Акши. Но в Кургане и во всем уезде один только лекарь, — между тем живу за Тоболом в $1^1/_2$ верстах от города»[2]).

Он делает попытку получить разрешение шефа жандармов, начальника Третьего отделения А. Ф. Орлова переехать в Курган, о чем сообщает в том же письме В. Ф. Одоевскому: «Я думал и думал и наконец решился просить графа Орлова исходатайствовать мне позволение перебраться в самый Курган. Не могут, полагаю, опасаться, чтоб человек дряхлый и больной, который двадцать лет провел в совершенном уединении, стал заводить знакомства и входить в какие бы то ни было связи...

Если же, чего, однако, и думать не смею, мне откажут в совершенном и окончательном переводе в Курган, постарайся по крайней мере, мой добрый друг, чтобы мне при усиливании моих страданий позволено было хоть на время приезжать в город»[3]).

Просьбу Кюхельбекера граф Орлов оставил без ответа.

Занятия сельским хозяйством, чтение, которое становилось все затруднительнее в связи с резко ухудшавшимся зрением, задушевные беседы с друзьями, воспитание сына и дочери да любимая поэзия составляли

---

[1]) Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 гг. XIX в. «Прибой», 1929, стр. 305.

[2]) Отчет Императорской публичной библиотеки за 1863 г. Приложения. СПБ, 1896 г., стр. 71.

[3]) Там же, стр. 72.

круг интересов ссыльного поэта. Он живо интересуется литературой, с радостью встречает каждую хорошую новую книгу. Так, познакомившись со сборником повестей В. Ф. Одоевского «Русские Ночи» (1843), Кюхельбекер пишет автору: «В твоих Русских ночах мыслей множество, много отрадного и великого, много совершенно истинного и нового, и притом резко и красноречиво высказанного, что в глазах моих не безделица (ты помнишь: я всегда дорожил и формою). Словом, ты тут написал книгу, которую мы смело можем противуставить самым дельным европейским»[1]).

Несмотря на запрещение, Кюхельбекер встречается с проживавшими в то время в Кургане ссыльными декабристами Н. В. Басаргиным, А. Ф. Бриггеном, Д. А. Щепиным-Ростовским, И. А. Анненковым, Ф. М. Башмаковым, И. С. Повало-Швейковским. Последний скончался на его руках.

От старожилов деревни Смолиной можно и сейчас услышать предания-рассказы о «ссыльном декабристе», о том, как он трудолюбиво возделывал свой огород, как любил играть на скрипке, как звуки ее привлекали многочисленных слушателей к его домику...

Полицейский надзор, материальная нужда гнетут Кюхельбекера. Он делает две безуспешные попытки добиться разрешения печатать свои произведения, хотя бы без указания имени автора, «дабы изданием этих сочинений и переводов получить средства к существованию, за неимением в виду каких-либо источников для обеспечения содержания с женою и детьми, вследствие совершенного расстройства своего здоровья и потери зрения»[2]).

Минуты душевной слабости, объяснявшиеся разлукой с близкими, друзьями, а также болезненным со-

---

[1]) Отчет Императорской публичной библиотеки за 1893 г. Приложения, СПБ, 1896 г., стр. 69—70.

[2]) Цит. по книге А. И. Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», СПБ, 1905, стр. 215.

стоянием, сменялись уверенностью в торжество великих идеалов, верой в жизнь, людей.

Творчество Кюхельбекера «курганского» периода служит красноречивым опровержением правительственной версии о примирении декабристов с самодержавно-крепостнической действительностью. В стихотворении, посвященном Марии Николаевне Волконской, мужественной русской женщине, последовавшей за мужем-изгнанником в Сибирь, Кюхельбекер пишет:

А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...

Так поднадзорный поэт заявляет о своей верности идеям тех, кто погиб на виселице, задыхался в сибирских рудниках, томился в ссылке.

Скромно, в кругу товарищей по изгнанию, отметил Кюхельбекер в Смолиной свое 48-летие. 10 июня 1845 года он записал в дневнике: «Минуло мне сегодня 48 лет. Печально я встретил день своего рождения, пока не сошлись гости. Я стал выхаживать стихи, да не удалось составить более того, что следует:

Еще прибавился мне год
К годам унылого страданья;
Гляжу на их тяжелый ход
Не ропща, но без упованья.
Что будет, знаю наперед:
Нет в жизни для меня обмана.
Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана»[1]).

Искренняя душевная скорбь много страдавшего человека и поэта, восход которого, совпав с размахом освободительного движения в стране, был «блестящ и

[1]) Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 гг. XIX в. «Прибой», 1929, стр. 304—305.

весел», а последние дни омрачены разгулом самодержавного произвола, слышится в каждом слове этого восьмистишия.

В нескольких стихотворениях, написанных в курганской ссылке, Кюхельбекер обращается к своим лицейским друзьям-единомышленникам. Он помнит о них, говорит с ними, слышит их голоса. В чудесном стихотворении «Работы сельские подходят уж к концу», где, кстати, поэт метко определяет приметы зауральской осени, он, используя прием параллелизма, раскрывает душевное состояние человека, увидевшего много зла на тяжелом пути поисков правды:

Уж стал туманен свод померкнувшего неба,
И пал туман и на чело певцу...

И хотя «все тяжеле путь» и «плечи все больнее ломит бремя», а усталость сковывает движения, он слышит призывы ушедших из жизни товарищей:

...Иди! Иди!
Надолго нанят ты; еще тебе не время!
Ступай, не уставай, не думай отдохнуть!

В стихотворении «До смерти мне грозила смерти тьма», которое поэт писал будучи уже полуслепым, он вновь вспоминает о своих друзьях. «Неутомимым врагом пороков» называет он Грибоедова, «сердец властителем», «мощным чародеем» стиха — от «злодейского свинца» погибшего Пушкина. Глубокая боль за родную землю, потерявшую двух исполинов, слышится в этом стихотворении.

Поэзия Кюхельбекера этого периода полна любви к страдающей «под тяжким игом самовластья» отчизне. Грустными размышлениями о судьбе порабощенной родины проникнуто стихотворение «Усталость»:

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму,
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы — милой отчизны.

Своеобразным мартирологом русской литературы является лучшее из написанных в Смолинской слободе стихотворение «Участь русских поэтов». Приводя в пример жизнь и трагическую гибель Рылеева, Грибоедова, Пушкина, поэт говорит о страшной судьбе передовых писателей крепостной России:

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.
Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...

Глубокая скорбь звучит в каждой строчке этого выстраданного стихотворения. В условиях самодержавного произвола гибнут восторженные, пылкие умы, влюбленные в свободу, способные на весь мир прославить родную страну. Лучших людей шлют на виселицу, другие прозябают в «безнадежной ссылке», третьих подставляют под пулю «любовников презренных». Пожалуй, ни в одном поэтическом произведении прошлого века с такой горечью не говорится о судьбах лучших людей дореволюционной России, поднявших свой протестующий голос против порабощения родины и народа.

В Кургане Кюхельбекер писал не только лирические стихи. Жизнь курганских чиновников-обывателей изображена им в сатирическом стихотворении «Курганиада». В нем упоминается смотритель уездных училищ Каренгин (К...ъ) и управляющий курганскими питейными откупами Ф. А. Мальцев (Агапыч). Начинается стихотворение такими словами:

Премудрый К...ъ, Кургана управитель,
Нахохлившись, идет к Агапычу в обитель...[1]).

Кроме занятий поэзией, случались и другие минуты радости у ссыльного поэта. Светлым воспоминанием

[1]) См. К. Голодников. Декабристы в Тобольской губернии. Тюмень, 1899, стр. 18.

для него была встреча с «первым другом» Пушкина И. И. Пущиным, сосланным в Ялуторовск, куда Кюхельбекер заехал в марте 1845 г. проездом в Курган. Лицейские друзья обнялись, много говорили, Кюхельбекер читал свои стихи.

В письме к Е. А. Энгельгардту И. И. Пущин писал: «Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган со своей Дросидой Ивановной (жена В. К. Кюхельбекера — **М. Я.**), двумя крикливыми детьми и ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове»[1]).

В Смолиной здоровье Кюхельбекера ухудшилось. Пришлось хлопотать о переезде в Тобольск, чтобы попасть под наблюдение врачей. В прошении от 3 декабря 1845 года на имя тобольского губернатора Кюхельбекер писал: «Будучи одержим жестокою глазною болезнью, которая угрожает мне потерею зрения, и не имея здесь средств к пользованию, я осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство исходатайствовать мне позволение отлучиться в г. Тобольск, где я буду иметь возможность найти необходимые для меня медицинские пособия, которые, как я надеюсь, хоть и несколько помогут мне в моей тяжкой болезни»[2]).

После длительной переписки разрешение на временный отъезд из Смолиной, наконец, было получено. В начале марта 1846 г. Кюхельбекер, выехав в Тобольск с женою и детьми, встретился в Ялуторовске еще раз с И. И. Пущиным, которому он, предчувствуя близкий конец, продиктовал литературное завещание, назвав свои произведения для публикации в печати. В стихотворном послании И. И. Пущину Кюхельбекер вспоминает об этой встрече с особой теплотой:

---

[1]) Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 гг. XIX в. «Прибой». 1929, стр. 347.

[2]) Цит. по книге А. И. Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», СПБ, 1905, стр. 215—216.

Вот я вошел в твою смиренную обитель.
И ожил вдруг душой; и вера и любовь
Вновь встретили меня...

В Тобольске он быстро сошелся с известным писателем Ершовым, автором сказки «Конек-Горбунок». Беседы с ним скрашивали последние дни потерявшего зрение поэта.

Тобольск не принес облегчения Кюхельбекеру. 11 августа 1846 года он скончался. Детей, Михаила и Устинью, позднее разрешили взять на воспитание сестре Кюхельбекера Ю. К. Глинке с тем, однако, чтобы «упомянутые дети назывались не по фамилии их отца, а Васильевыми». Это было очередным актом жестокости царя по отношению к ссыльному поэту-декабристу.

Но память потомков сохранила имена первых русских дворянских революционеров, среди которых видное место занимает В. К. Кюхельбекер, поэт-протестант, принадлежавший к славной когорте декабристов.

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

В г. Далматове, Пермской губернии, в семье небогатого купца в 1778 г. родился известный поэт, критик и переводчик прошлого века Алексей Федорович Мерзляков.

По совету родственника родители отдали сына в Пермское народное училище. Там он написал свое первое стихотворение—«Оду на заключение мира со шведами», напечатанную в журнале «Российский магазин». Вскоре Мерзляков был переведен в гимназию при Московском университете. Наставником его стал известный поэт М. М. Херасков. В университете Мерзляков сблизился с В. А. Жуковским и принимал участие в созданном им при университетском благородном пансионе литературном объединении. В 1804 году Мерзляков был назначен профессором кафедры русского языка и словесности Московского университета, позднее читал публичный курс русской литературы.

Вся деятельность Мерзлякова — ученого, критика, поэта была направлена на создание русской национальной культуры, на развитие и расширение духовных бо-

гатств русского народа. Высоко ценил Мерзляков народные песни, видя в них выражение души русского народа, его характера и настроений.

«О! Каких сокровищ мы себя лишаем! — писал он. — Собирая древности чуждые, не хотим заняться теми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! В русских песнях мы бы увидели русские нравы и чувства, русскую природу, русскую доблесть!.. Но песни наши время от времени теряются, смешиваются, искажаются и, наконец, совсем уступают блестящим безделкам иноземных трубадуров»[1]).

Мерзляков был одним из последних крупных представителей классицизма, но живо интересовался и новой литературой — сумел разобраться в новаторстве поэзии Державина, высоко ценил романтические поэмы Пушкина.

А. Ф. Мерзляков

В свое время большой известностью пользовались его переводы греческих и римских поэтов Пиндара, Феокрита, Софокла, Эврипида, Вергилия, Горация и других. Ему принадлежит стихотворный перевод поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». В творчестве Мерзлякова заметно тяготение к устаревшим поэтическим жанрам (одам).

Песни Мерзлякова, в которые, по словам Белинского, поэт перенес «русскую грусть-тоску, русское гореванье», в свое время были очень популярны. Таковы

---

1) «Русская старина», 1879 г., т. 24, стр. 130.

«Я не думала ни о чем в свете тужить», «Не липочка кудрявая», «Чернобровый, черноглазый молодец удалый», «Среди долины ровныя». Некоторые написаны поэтом в содружестве с композитором из крепостных Д. Н. Кашиным. В них поэт, подражая устному народному творчеству, пытался сблизить поэзию с жизнью. Нередко эти песни можно услышать по радио и в наши дни.

Восторженный отзыв о «бессмертных песнях» Мерзлякова дал В. Г. Белинский в своем обзоре истории русской литературы. «Это был талант мощный, энергический, — писал он о поэте. — Какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! Как живо сочувствовал он в них русскому народу и как верно отразил в их поэтических звуках лирическую сторону его жизни»[1]).

Последние годы своей жизни А. Ф. Мерзляков провел в бедности. Умер он в 1830 году.

А. А. ОЛЬХИН

В семидесятых годах прошлого века широкую популярность приобрела песня «Дубинушка», представлявшая переработку стихотворения поэта-шестидесятника В. И. Богданова. В ней звучал голос обездоленного люда, слышалась вражда к его угнетателям, выражалась уверенность в светлое будущее.

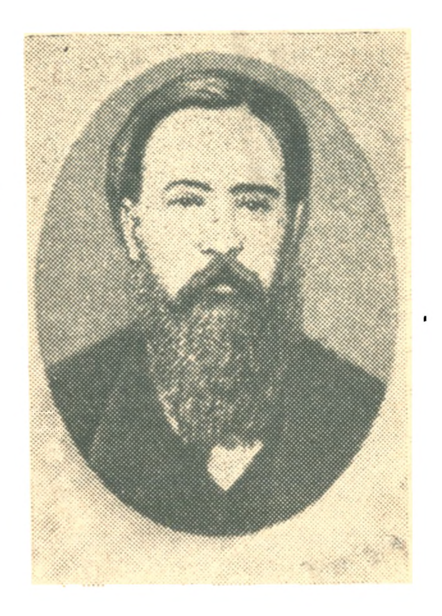
Автором этой песни, породившей много вариантов, был Александр Александрович Ольхин (1839—1897), известный петербургский адвокат, находившийся в близких отношениях со многими революционерами-семидесятниками. В сводке департамента полиции говорилось об А. А. Ольхине следующее:

«Он стал появляться в самых темных кружках, знаться с подонками общества (так жандармерия именовала передовых людей своего времени — **М. Я.**) и в этой темной среде плясал и пел революционные песни,

[1]) В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. М. 1948, т. 1, стр. 49—50.

иногда даже сочинял их. Так он сочинил переделку «Дубинушки» в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их в революционные»[1]).

Ольхин не был членом революционной организации, но оказывал участникам движения материальную помощь, предоставлял им убежище, хранил у себя на квартире нелегальные издания. Его выступления в качестве защитника на политических процессах нечаевцев, Дьякова, участников демонстрации на Казанской площади 31 марта 1878 г., «50-ти» и «193-х» отличались критическими выпадами в адрес властей.

А. А. Ольхин

4 августа 1878 г. революционерами-террористами был убит шеф жандармов Мезенцев. Вскоре Ольхин написал стихотворение «У гроба», посвятив его «поразившему Мезенцева» С. М. Кравчинскому. Стихотворение было опубликовано в первом номере нелегального журнала «Земля и Воля» 1 ноября 1878 г. В нем поэт рассказывает о народных страданиях, оправдывает акт возмездия за кровь и слезы народа.

Свершилась «всенародная казнь» над «бессердечным палачом». Мрачен стоит царь перед гробом своего любимца, мысленно вопрошая: кто мог поднять на него руку? А в ответ появляются видения:

1) Цит. по «Литературной энциклопедии». М., 1934, том 8, стр. 291.

Изможденыв, избиты, в тяжелых цепях,
Кто с простреленной грудью, кто связан,
Кто с зияющей раной на вспухшей спине,
Будто только что плетью наказан.

Они с гневом рассказывают царю о страданиях русской земли. Вон убивается мать над сыном, погибшим лишь за то, что в «угнетенной стране быть он вольным хотел гражданином». Рыдает молодая вдова, схоронившая на каторге мужа. Невеста оплакивает своего жениха, расстрелянного «злодеями», которым он оказал сопротивление, когда они пришли, чтобы оторвать его «от великого дела».

Стонут тяжко кругом и поляк, и еврей,
Стонет труженик слова печальный,
Тихо гаснет в далекой сибирской тайге
Светоч нашей науки опальной[1].

Но возмездие близко, оно придет. «Стон и вопли страдальцев» не останутся без ответа, «ударит час» народной расправы.

Сцена суда над злодеем-царем, исполнителем «кровавых велений» которого был «послушный холоп» Мезенцев, отличается большой драматической силой; в ней сосредоточен огромный заряд ненависти к самодержавному режиму.

По приговору Одесского военно-окружного суда за вооруженное сопротивление полиции в августе 1878 г. был казнен революционер-народник И. М. Ковальский, ранее привлекавшийся по делу «193-х». На это событие Ольхин откликнулся стихотворением «На смерть И. М. Ковальского». В нем он говорит о «неравном бое» с самодержавной властью, жертвой которого оказался еще один герой. Обращаясь к своему поколению, поэт спрашивает: найдет ли безвременная гибель борца отклик в сердцах людей? И с уверенностью отвечает:

[1]) Речь идет о Н. Г. Чернышевском (М. Я.).

Пусть борьба неравна и трудна,
Нам уже идут борцы на смену,
И победа наша решена.

Верой в правоту начатой с самодержавным деспотизмом борьбы проникнуто написанное Ольхиным в 1879 г. стихотворение «Н. А. Морозову». Оно посвящено активному деятелю революционного движения 70-х годов, двадцать пять лет проведшему в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях.

Как призыв, как лозунг звучат короткие строки стихотворения, наполненные пафосом революционного подвига:

Доброй, отзывчивой, чуткой душой
Мир озаряй,
Страстью могучею, твердой рукой
Зло покоряй.

* * *

Если тебя за святою работою
Люди убьют,
Братья придут и окончат с заботою
Начатый труд.

В апреле 1879 г. Ольхин был арестован и выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию, затем привлекался к суду по обвинению «в принадлежности к преступному сообществу», но за недостаточностью улик был оправдан. Тем не менее он был снова отправлен в Вологодскую губернию, а вскоре, в марте 1880 г., за противодействие местным властям выслан под гласный надзор полиции в г. Шадринск.

В Шадринске Ольхин почти сразу же (11 мая 1880 г.) был привлечен к следствию по обвинению в произнесении «дерзких слов против особы государя императора» и по приговору суда подвергнут месячному тюремному заключению.

Живя в Шадринске, Ольхин поддерживал письменную и личную связь с революционно настроенными людьми. В секретном отношении начальника тобольского губернского жандармского управления от 4 августа 1883 г. на

имя тобольского губернатора сообщалось о жителе Кургана титулярном советнике Троицком, «находящемся под негласным надзором полиции, который постоянно разъезжает в Шадринск и Екатеринбург, в Шадринске останавливается у ссыльного Ольхина, скрывавшего у себя в квартире беглых Тулузакова, Иванова и Чемоданову»[1]).

Действительно, бежавшие из Сибири политические ссыльные Иванов, Чемоданова, Тулузаков были арестованы на квартире Ольхина. В отправленном из Кургана на имя ссыльного В. Березневского и перехваченном полицией письме сообщалось среди других новостей: «Лебедева (политическая ссыльная из г. Шадринска — **М. Я.**) писала, что Ольхина снова допрашивали о побеге, и ему было объявлено, что если в течение трех дней не найдет поручателей, то будет арестован»[2]).

Ольхин опять привлекается к ответственности, и в результате срок полицейского надзора, определенный ему в четыре года (по 9 сентября 1885 г.), был продлен еще на два.

Ссыльный Ольхин оказал заметное влияние на общественную и культурную жизнь города. Он живо интересовался литературой, театром. Есть предположение, что он вел переписку с Д. Н. Маминым-Сибиряком, который, по словам его племянника Б. Д. Удинцева, «очень любил Ольхина». Он нередко участвовал в любительских спектаклях, выполняя обязанности актера, режиссера и постановщика. Об этом, в частности, свидетельствует запись В. П. Бирюкова, сделанная им 4 марта 1945 г. со слов шадринской уроженки (1862 г.), дочери аптекаря, Элеоноры Кондратьевны Шорнинг, по мужу Канунниковой:

«Вы спрашиваете, знаю ли я Ольхина... Александра Александровича?.. Господи, да как же не знать Алек-

---

[1]) Филиал Тюменского облгосархива в г. Тобольске. Фонд 152. Оп. 10, ед. хр. 35, лист 1.

[2]) Там же.

сандра Александровича. Да ведь это же мой крестный! Не такой, как обычно, а по театру.

У моих родителей в доме давались спектакли, конечно, любительские. Ну, и я участвовала. Я тогда еще девушкой была. И Александр Александрович тоже участвовал. Он ведь, вы знаете, был сослан к нам в Шадринск. И вот, видно, заметил у меня какое-то дарование и однажды давай убеждать меня:

— Вам, голубушка, надо настоящей артисткой быть.

— Как, спрашиваю, настоящей артисткой?

— Ну, говорит, учиться этому делу и сделаться профессиональной артисткой, так как у вас, знаете, не только призвание, но и талант есть. Да, да, талант!

И вот уговаривать, уговаривать — и уговорил. Так я и сделалась артисткой»[1]).

Осенью 1887 г., похоронив жену Варвару Александровну, Ольхин с дочерью выехал в Нижний Новгород. Там он находился под негласным надзором полиции. Лишь в 1894 г. негласный надзор был с него снят, а в следующем году Ольхин получил разрешение жить в Петербурге. Но дни его уже были сочтены. В 1897 г. он скончался.

И. А. ХУДЯКОВ

Иван Александрович Худяков, один из видных представителей революционно-демократической фольклористики 60-х гг. XIX века, родился 1 января 1842 г. в Кургане в семье чиновника. Его отец был близко знаком с ссыльными декабристами М. М. Нарышкиным, П. Н. Свистуновым, Ф. М. Башмаковым и другими, оказавшими на него большое влияние.

Мальчику не было еще и года, когда отец его был переведен в Ишим. Там Худяков учился в уездном училище, а затем поступил в Тобольскую гимназию.

---

[1]) Гор. Шадринск. Архив В. П. Бирюкова.

«Гимназия,—писал Худяков,—вместо того, чтобы развивать меня физически, нравственно и умственно, выпустила на белый свет физическим и умственным скелетом, и а такие успехи наградила меня золотой медалью»[1]).

Окончив в 1858 г. гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. В это время, по словам Худякова, «брошюры Герцена и вообще запрещенные статьи переписывались неутомимо, ходили по рукам всех товарищей и зачитывались до дыр... Таким образом и я скоро сделался атеистом, а в политическом отношении приверженцем конституции»[2]).

Вскоре Худяков переводится в Московский университет, там принимает участие в студенческих волнениях.

Занимаясь во время летних каникул репетиторством, Худяков с интересом собирал и записывал народные сказки, песни, пословицы, загадки, несшие идеи социального протеста. В 1860 г. он составил «Сборник великорусских народных исторических песен», используя в нем уже публиковавшиеся тексты. В этом же году вышел первый выпуск его сборника «Великорусские сказки». Первый сборник «Великорусских загадок» был издан в 1861 году.

За неявку на экзамены по болезни Худяков был исключен из университета, осенью 1862 г. переехал в Петербург, страшно бедствовал, голодал. Здесь он вступил в организацию революционеров-народовольцев.

И в Петербурге Худяков продолжает собирать, исследовать и публиковать устнопоэтические произведения. В 1863 г. вышли его «Материалы для изучения народной словесности» — собрание болгарских, сербских, финских сказок. В этом же году появилась «Русская книжка», в которой были собраны народные сказки, загадки, песни, былины, а также помещены стихотворе-

---

[1]) Цит. по книге М. М. Клевенского «И. А. Худяков — революционер и ученый», М., 1929, стр. 10.

[2]) Там же, стр. 14.

ния Некрасова, басни Крылова и произведения других русских поэтов.

Худяков впервые использовал фольклор для революционной пропаганды. Этой цели служил, в частности, подбор текстов в его «Самоучителе для начинающих обучаться грамоте» (1865). Составителем были предложены, например, такие тексты: «Было вече — было легче», «Не обижай голыша, у голыша та же душа», «До бога высоко, до царя далеко», «Не строй семь церквей, пристрой семь детей», «Князья в платье и бояре в платье, будет платье и на нашей братье». Сборник включал также рассказы о природе, животных, человеке. В своей автобиографии Худяков писал: «Книга была написана так, что возбуждала интерес к общественным наукам, изменяла весь строй миросозерцания читателя, и я был доволен этим»[1]).

Целям революционной пропаганды служила и книга «Древняя Русь» (1867), в которой сатирически изображалось высшее сословие и духовенство и прославлялось разинское революционное движение.

После покушения Д. В. Каракозова на царя (4 апреля 1866 г.) Худяков был арестован и выслан в Верхоянск. Приехав туда в начале апреля 1867 года, он поселился в юрте, за короткое время изучил якутский язык, составил русско-якутский словарь, записал много якутских сказок, пословиц, написал несколько статей по этнографии.

С 1869 г. Худяков заболел психическим расстройством и 19 сентября 1876 г. скончался.

Имя И. А. Худякова — человека передовых взглядов, страстного борца с самодержавно-крепостническим гнетом — прочно вошло в историю революционного движения России и науку о фольклоре.

---

[1]) Цит. по книге М. М. Клевенского «И. А. Худяков — революционер и ученый». М., 1929, стр. 48.

А. Н. ЗЫРЯНОВ

Александр Никифорович Зырянов — талантливый уральский краевед, ученый-самородок — всю жизнь свою служил родине и народу. Родился он 28 августа 1830 г. О себе писал так: «Отец мой — государственный крестьянин Пермской губернии, Шадринского округа, Далматовской волости, д. Верхне-Ярской, Никифор (Яковлев) Зырянов помер, оставив единственным меня при матери на третьем году.

Мать, по чувству одиночества, приняла в дом отца моего другого мужа из с. Ключевского, той же волости, но тот скоро умер...

Мать, лишенная подпоры, слабая по полу, не могла поддержать хозяйственный быт моего родителя, вскоре переехала на всегдашнее житье в заштатный город Далматов к родителю своему, крестьянину Иванчикову...

Жизнь наша была безмятежна до начала 1851 и 1852 годов, когда в два пожара опустошительные, бывшие в Далматове (в 1852 г. сгорело 550 д.), мы лишились всего, что было, и остались под уровнем общей нищеты народонаселения Далматова»[1]).

Один год Зырянов проучился в Далматовском духовном училище, а с 13 лет он уже исполнял обязанности писца в волостном правлении. Служба позволила любознательному подростку близко познакомиться с народной жизнью, давала обильную пищу его уму. Впоследствии материалы, проходившие через руки Зырянова, были использованы им в очерках по истории народного движения в родном крае.

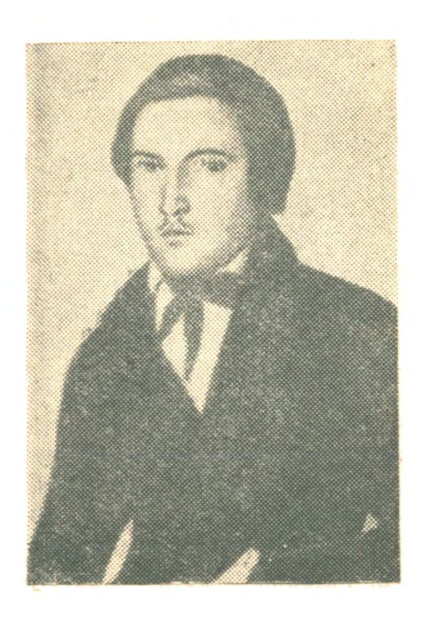
Прилежный в работе, Зырянов, однако, держался независимо с начальством, выступал защитником крестьянских интересов. Местные власти делали несколько

---

[1]) Цит. по ст. И. А. Иванчи и М. С. Кошеварова «Александр Никифорович Зырянов». «Исетско-Пышминский край. Сб. краеведческих статей». г. Шадринск, 1930, стр. 1.

попыток избавиться от беспокойного чиновника. Так, в августе 1852 г. он был арестован помощником далматовского окружного исправника Босяцким за неуважение к своей личности и под конвоем отправлен по месту рождения — в с. Верхний Яр. Зырянову удалось оправдаться, и после этого он служил волостным писарем в ряде сел — Уксянском, Мехонском, Батуринском, Иванищевском.

В 1859 г. им была открыта в с. Иванищевском первая в Зауралье сельская библиотека, в которой насчитывалось до тридцати названий книг. В 1861 г. Зырянов переехал в Далматов, куда перевез и библиотеку, а позднее (в апреле 1876 г.) подарил ее шадринскому земству, положив этим основание публичной библиотеке г. Шадринска.

А. Н. Зырянов

Выйдя из народа и живя вместе с ним, Зырянов люто ненавидел «мирских захребетников». В статье «Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губ. в 1843 г.» он писал: «На истинно богатырских его (народа—**М. Я.**) плечах лежали не одни писаря, с возмутительными выездами их за разными сборами, окрещенными названиями «петровского», «осеннего», «праздничного», «славленого», «супряток», «копотих», «помочей» и т. п., но и попы, дьяконы, дьячки, пономари, просвирни, сироты (в большинстве духовных лиц), пи-

сарши, помощницы, головы, оспенники, становские прислужники, писцы, отставные или служилые приказные, жены их, дети и так далее — словом — вереница неисчислимая!.. Вся эта плеяда «наездников» требовала и просила от мужичьего кошеля не только пить и есть, но, как видно на писарях, и жить в сытости и довольстве»[1]).

Многочисленные связи Зырянова с народом обусловили его деятельный интерес к устному народному поэтическому творчеству. Им записано в различных местах Зауралья (преимущественно на территории нынешних Далматовского и Шадринского районов) множество сказок и преданий, пословиц и поговорок, песен и загадок. Часть материала была опубликована в «Пермских губернских ведомостях» и «Пермском сборнике», а также использована А. Н. Афанасьевым в его четырехтомнике «Русские народные сказки» (вып. I—IV, 1855—1858 гг.). Характерно, что в этом сборнике записанные Зыряновым сказки идут первым вариантом, что свидетельствует о их значительной научной ценности: услышаны они были автором непосредственно из живых уст народа, записаны с соблюдением особенностей говоров населения Зауралья. Некоторые сказки вошли в современные хрестоматии по устному народному творчеству и в сборники русских народных сказок («Баба-Яга и Жихарь», «Кащей бессмертный», «Царевна-лягушка», «Иван-дурак», «Семь Семенов» и другие).

Многие из записанных Зыряновым сказок отличаются социальной заостренностью, гуманизмом, уважением к трудовому человеку. В них прославляются ум, находчивость, смекалка мужика и осмеиваются князья, бояре, купцы. Характерны в этом отношении сказки «Крестьянин и незнакомый человек», «Обед». В последней говорится, например, о жадном барине, объевшемся у мужика парёнками.

В сказках Зырянова звучит живая речь народа, остроумная и меткая, пересыпанная пословицами, прибаутками, крылатыми словами.

---

1) «Исетско-Пышминский край. Сб. краеведческих статей», г. Шадринск, 1930, стр. 8.

Большой интерес питал Зырянов к народным обрядам и песням. Им подробно описан свадебный обряд, бытовавший в Шадринском уезде.

Разнообразны песни, записанные в прилегавших к Шадринску селах и деревнях[1]). Среди них лирические песни о разлуке с родными местами («Прощай, Шадрин-городок»), о занятиях и рукодельях крестьянских девушек:

А где каки деушки?
А ешшо где каки голубушки?
Шадрински — калашницы;
А осеевски — кисельницы.
Тарабаевски — квас продавать.
Тумановски — рукавицы вязать.
Мыльниковски девки — ягодницы.
Воробьевски — сухарницы...

Песня «У избы столбы точеные» поднимает традиционную тему о «девичьей воле» и тяжести женской доли:

Вы не зарьтеся, девки, взамуж-ту идти,
Вы не зарьтесь, не охотьтесь.
Не ровен дурак навернется —
Либо вор, да либо пьяница:
На кабак идет — шатается,
С кабаку идет — валяется,
Он домой придет — расчуванится,
Заставляет раздевать, разболакать...

Рекрутская песня «Пала моя головушка» потрясает драматизмом судьбы «доброго молодца», которому «связали белы ручки, заковали ножки резвые в железы» и привезли в «город Челябу» в рекрутское присутствие:

Повалились у доброва молодца
Русы кудри на могучие плечи,
Со могучих плеч на белы камни...

В «Сборнике» помещено 20 записанных Зыряновым загадок, в том числе загадки-вопросы: «Што на вышку не забросишь?» (Перо). «Што в ящик не запереть?» (Солнце).

Статьи Зырянова по истории революционного движения в Зауралье привлекли внимание многочисленных

[1]) См. «Пермский сборник», 1859, кн. 1, стр. 110—117.

читателей. Ими в свое время пользовался Д. Н. Мамин-Сибиряк, работая над повестью «Охонины брови». Не потеряли своего значения и для нашего времени такие статьи, как «Шадринский уезд в апреле 1842 г.», «Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 г.», «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его».

Одновременно с собиранием устнопоэтических произведений Зырянов занимался археологическими изысканиями: производил раскопки курганов и городищ, трудился над описанием собранного материала. Ему принадлежит несколько статей по археологии и этнографии. «Русское географическое общество», членом которого был избран Зырянов, в 1860 г. наградило его серебряной медалью «за постоянно доставляемые интересные сведения о Шадринском уезде Пермской губернии». За капитальный труд «Промыслы в Шадринском уезде» он был награжден «Вольным экономическим обществом» второй серебряной медалью.

В течение 20 лет Зырянов занимался метеорологическими наблюдениями и собрал ценные сведения о климатических особенностях Зауралья.

Всю свою жизнь краевед-энтузиаст был в материальной нужде, испытывал подозрительное отношение и прямые нападки царских властей. 12 ноября 1884 г. он скоропостижно скончался по дороге из Камышлова в Далматов. Семья его осталась нищей. Его богатый архив и личная библиотека (три воза книг) были проданы купцу на обертки. Уцелела лишь часть рукописного наследства Зырянова, которая хранится в научном архиве Всесоюзного географического общества (Ленинград).

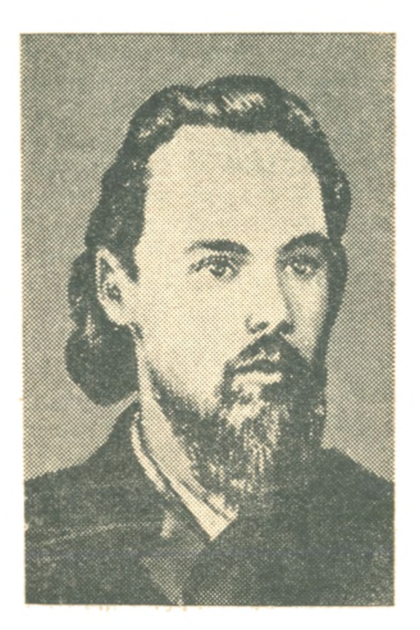
Н. Е. КАРОНИН-ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

«Удивительно светел был этот человек..., искренне веровавший в безграничную силу народа, — силу, способную творить чудеса»[1],—говорил А. М. Горький о писателе-революционере прошлого века Н. Е. Петропав-

[1]) М. Горький о литературе, М., 1953, стр. 142.

ловском (1853—1892), выступавшим под псевдонимом С. Каронин.

Жизненный путь Н. Е. Петропавловского во многом типичен для разночинца 70—80-х гг. XIX в.: учился в духовном училище, затем поступил в семинарию, из которой был изгнан, усиленно занимался самообразованием, участвовал в революционном движении. В июле 1874 года Петропавловский был арестован и заключен в одиночную камеру, в которой провел три года. В октябре 1877 г. он вновь судился по известному «процессу 193-х», обвиняясь «в том, что распространял сочинения, имевшие целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной»[1]). Суд Петропавловского оправдал, но за ним был учрежден полицейский надзор. Вскоре он, достав паспорт на имя Ивана Васильевича Арапова, перешел на нелегальное положение и поселился в Петербурге. Но в феврале 1879 года был вновь арестован, причем при обыске у него найдены «переписка преступного содержания» и извещение о выпуске нелегальной газеты «Начало». Два года просидел Петропавловский в петербургском доме предварительного заключения. В июле 1881 года его выслали в Западную Сибирь сроком на пять лет.

Н. Е. Петропавловский

---

1) М. П. Гущин. «Н. Е. Петропавловский-Каронин». Научные записки Харьковского пединститута, 1940, т. III, стр. 106.

В октябре или начале ноября 1881 г. Петропавловский приехал в Курган. Вместе с ним приехала Варвара Михайловна Линькова. Эта сильная женщина, оставив мужа, «почетного дворянина», связала свою судьбу с судьбой борца-революционера.

Курган начала 80-х гг. представлял собой небольшой уездный город с тремя с половиною тысячами жителей, небольшой публичной библиотекой и многочисленными церквами. В то время здесь жили политические ссыльные Н. Березневский, Н. Диоманди, Н. Долгополов, Н. Чемоданова, Ф. Шефтель. Нелегальная газета «Русское слово» (Женева, 1882, №47) так описывала жизнь политических ссыльных в Кургане: «Все однообразно, скучно, тяжело до одурения. Кругом пустота, бессодержательность... Тяжело, страшно тяжело... Только и живем надеждами. Стесняют, как только можно»[1]).

Первые литературные произведения Петропавловского относятся ко времени его пребывания в крепости. Это были сцены из народной жизни, написанные под влиянием поэзии Н. Некрасова, рассказов Г. Успенского, А. Левитова. В 1879 г. в «Отечественных записках» был напечатан его первый рассказ «Безгласный».

В ссылку Петропавловский-Каронин приехал будучи уже известным сотрудником «Отечественных записок», опубликовавшим более десяти очерков и рассказов. В Кургане он написал несколько произведений, вошедших позднее в цикл «Рассказов о пустяках», — «Праздничные размышления», «Две десятины», «Несколько кольев», «Солома», «Пустяки» — и начал работу над серией рассказов «Снизу вверх».

В «Рассказах о пустяках» изображена русская деревня, обманутая реформой 1861 г. В отличие от народнических писателей, Каронин не идеализировал, а трезво оценивал происходившие в деревне процессы.

Мрачна до ужасов жизнь деревни в изображении писателя. В ярких сценах, немногословных зарисовках показано обнищание основной массы крестьян, рост кулачества, в кабалу к которому идет беднота. Рушатся пат-

---

[1]) М. П. Гущин. «Н. Е. Петропавловский-Каронин». Научные записки Харьковского пединститута, 1940, т. III, стр. 123.

риархальные устои. Но как ни тяжела жизнь, ее обновление неизбежно. Таков вывод, к которому подводит Каронин своего читателя.

Вся жизнь крестьянина Василия Чилигина («Праздничные размышления») проходит в труде, а из бедности выйти он не может. Василий и не мечтает о многом: два пуда муки на месяц для семьи, «лошадь в теле» и «чтобы вполне довольно было скота, птицы и прочего обихода». Но и это только мечты. Он понимает, что «никогда этому не бывать», чувствует себя вечным должником «мира». Семья его бедствует. Сам он постоянно занят мыслью, что «с него намереваются содрать шкуру».

О бедствиях Гаврилы Налимова повествуется в рассказе «Две десятины». Гаврилой владеет неотвязная мысль: любым путем добыть деньги, чтобы арендовать землю. Все его помыслы связаны с землей, которая никогда его не кормила. «Более двадцати лет он пахал, никогда ничего не получая, кроме нечеловеческой усталости, более двадцати лет сеял, собирая плоды в виде неизменной березовой каши, всю жизнь мечтал, как бы побольше вспахать и засеять, и, собирая каждогодно вместо настоящих плодов березовую кашу, приходил в отчаяние...».

Мечта в конце концов осуществилась: путем безмерных унижений и жертв он получил в аренду две десятины, но попал в кабалу к богатеям, превратился в вечного их должника. «Ухлопав свою крестьянскую энергию на добывание земли, он был уже бессилен и настоящей работе мог отдать только уцелевший остаток растрепанных сил».

О безмерном унижении человеческого достоинства говорится в рассказе «Несколько кольев». Работая на распиловке старых бревен, Тимофей Лыков решил попросить у десятника несколько палок и жердей. Тот, прежде чем разрешить, заставляет его сбегать в кабак за ромом, назвать самого себя «червяком», прыгать на четвереньках, лаять по-собачьи. Все выполняет Тимофей беспрекословно и получает колья. Но удача не радует его. В нем зреет протест, но выливается он в то, что, напившись пьяным, Тимофей начинает крушить изгородь вокруг своего дома, которую сделал из полученных от де-

сятника жердей. «Я вам покажу, какой я есть червяк!» — восклицает Тимофей. Стихийный протест крестьянина нашел какой-то выход, но гнев обращен еще не на тех, кто сделал его жизнь невыносимой.

Каронин показывает крестьянина не только тружеником, но и собственником. Причем чувство собственности при определенных условиях берет верх. Иван Чихаев из рассказа «Солома», нажившись на продаже односельчанам в бескормицу соломы, стал с презрением относиться к людям. «Мысли Чихаева сделались зверскими, поступки бессовестными». Страсть к обогащению вытравила в нем все человеческое, изолировала от общества, сделала подозрительным и недоверчивым.

Жизнь разоряющейся темной, бесправной деревни, пореформенные настроения крестьян получили правдивое изображение в рассказе «Пустяки». Перед читателем проходят различные типы: стяжатель Зюзин, заморивший голодом своих домашних, жадный Мирон Ухов, совершенно равнодушный к жизни Егор Горелов. Егор не помнит ни одного дня, который принес бы ему радость или успокоение. «Беспутное время» довело его до полного отупения. «Вялость, апатия сделались неразлучными его спутниками». В безысходной тоске бродит Егор по необъятным просторам Руси, забыв о земле, о крестьянской работе...

Жизнь в произведениях Каронина изображена без внешних украшений. Мастерски сделанный диалог сочетается у него с глубокими размышлениями о судьбах русской деревни, о «мужике». Горькая правда современной художнику действительности проступает в каждом из его рассказов.

Один из цензоров так определял идейную направленность предполагавшегося к изданию сборника произведений Каронина-Петропавловского: «Все рассказы отличаются враждебным направлением против образованного сословия, крестьянство же представлено жертвою его эгоизма и алчности людей денежных. В «Отечественных записках» такие рассказы могли пройти незаметно, но изданные отдельно, они, конечно, подействуют самым вредным образом на низшее сословие, почему цен-

зор и считал означенные сочинения Каронина подвергнуть запрещению»[1]).

Ссылка не сломила политических убеждений Петропавловского, не поставила его на колени перед властью. По доносу курганского исправника начальник тобольского жандармского управления писал губернатору в секретном рапорте от 4 августа 1883 г.: «Из находящихся в Кургане под надзором полиции политических ссыльных — Лебедева и Петропавловский — суть лица вредные...

Петропавловский — человек скрытный и действует через свою сожительницу акушерку Линькову, которая во время практики, не стесняясь, порицает правительство и религию и преимущество отдает швейцарскому правительству. На основании упомянутых обстоятельств я прихожу к заключению о необходимости переместить этих лиц из Кургана, Лебедеву в г. Тару, а Петропавловского в г. Ишим...»[2]).

Тобольский губернатор ответил на это согласием и предложил ишимскому исправнику учредить за Петропавловским «строгий полицейский надзор».

15 сентября 1883 г. Петропавловский переехал в Ишим — еще более захолустное место, чем тогдашний Курган.

На запрос департамента полиции от 27 октября 1883 г. «о поведении, образе жизни и степени политической благонадежности состоящего в Тобольской губернии под гласным надзором полиции Николая Петропавловского» тобольский губернатор отвечал: «Петропавловский и доселе держится того направления, за которое сослан в Сибирь, причем, однако, ничего, особенно выдающегося, в смысле предосудительного, за что следовало бы преследовать Петропавловского по закону, не замечено в его поведении»[3]).

---

[1]) А. П. Поморцев. «Н. Е. Каронин-Петропавловский. Жизнь и деятельность». Диссертация. Л., 1951, стр. 666.

[2]) Тобольский филиал Тюменского облгосархива, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 35, лист 2.

[3]) Там же, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 35, лист 24.

В Ишиме состояние здоровья Петропавловского значительно ухудшилось. Он делает попытку перевестись обратно в Курган, но получает отказ. 23 февраля 1884 г. он пишет губернатору прошение: «Я решился обратиться к вашему превосходительству с просьбой—дозволить мне наступающее лето провести в одной из окрестных деревень с г. Ишимом, что, может быть, хоть несколько поправит мое расшатанное здоровье...»[1]).

В ответ на это губернатор издевательски сообщил через исправника: «Так как Ишим по своим климатическим условиям и малонаселенности мало чем отличается от деревни, то означенное ходатайство оставлено мною без последствий»[2]).

Живя в глуши, Петропавловский внимательно следил за общественной жизнью России, верно оценивая характер событий. В перехваченном полицией письме от 5 марта 1884 г. к ссыльному А. Аверкиеву он так характеризует эпоху 80-х годов: «Вот, например, политические новости. Предполагается постепенно сгладить следы прошедшего царствования: крестьянскую реформу—искусственной поддержкой разложившегося уже дворянства, судебную — уничтожением института присяжных, учебную—переменой устава 63 года, цензурную—введением негласных репрессий. Эта главная тенденция переживаемого нами времени. Что же касается других, более мелких течений, то все они направляются в одну сторону—«ввести порядок»: экзекуция — вот самое подходящее слово для выражения сути нынешнего времени... Что еще? Ничего больше. Экзекуция, порядок — вот что»[3]).

В результате «изучения» этого письма жандармами и губернатором было решено подвергать всю корреспонденцию ссыльного писателя полицейскому просмотру. В письме к Н. Долгополову 13 июля 1884 г. Петропавловский писал: «Моя корреспонденция по распоряжению

---

1) Тобольский филиал Тюменского облгосархива, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 35, лист 34.

2) Там же, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 35, лист 35.

3) Цит. по ст. М. П. Гущина «Н. Е. Петропавловский-Каронин»: «Научные записки Харьковского пединститута», 1940, т. III, стр. 123.

губернатора отныне будет просматриваться, так что на Ишим приходится смотреть, как на могилу...»[1]).

Тяжело переживал Петропавловский закрытие «Отечественных записок». Он остался совсем без средств. Семья кое-как перебивалась случайными заработками Варвары Михайловны. «Я сижу буквально без всякого дела, — писал он Н. Долгополову. — Один — не с кем словом обменяться. Литература прекратилась для меня на целых два года. Вокруг меня буквально гробовое молчание... Прибавьте ко всему этому полное истощение ресурсов денежных...»[2]). Полицейский надзор за ним усилился. За самовольную отлучку на несколько часов из города — ходили по ягоды — Петропавловского посадили на неделю под домашний арест. Жандармы указывали «на продолжающееся враждебное настроение Петропавловского по отношению к правительству». Его просьба о переезде в Томскую губернию была оставлена без последствий.

Живший в то время в Ишиме ссыльный Мачтет писал: «Он (Петропавловский — **М. Я.**) казался совсем изможденным, совсем больным,—до того он был худ и бледен; первая мысль при взгляде на него — была мысль о злом недуге, о последней степени чахотки. Но тогда ее еще не было, — все это было продуктом вконец почти разбитых, истерзанных нервов»[3]).

Однако тяжелобольной, травимый жандармами писатель не опускал рук. Он усиленно занимался изучением быта и жизни сибирских крестьян, пользуясь материалами, которые ему присылали Долгополов, Лаврова и другие. В сентябре 1885 года была закончена серия очерков «По Ишиму и Тоболу». Многое в этих очерках представляет значительный интерес и для современного читателя. Они знакомят с природой, полезными ископаемыми, особенностями земледелия в Зауралье, с культурой и ремеслами населения.

---

1) Цит. по ст. М. П. Гущина «Н. Е. Петропавловский-Каронин». «Научные записки Харьковского пединститута», 1940, т. III, стр. 125.

2) Там же, стр. 125.

3) Гр. Мачтет. «Н. Е. Петропавловский». Русские ведомости, 1892, № 133.

С болью пишет Петропавловский о темноте и безграмотности сибирской деревни. «Большинство деревень имеет только одного грамотного человека — писаря»[1]). Он рисует «потрясающую до глубины души картину»: верхом скачет деревенский староста с полученной из города бумагой в поисках куда-то отлучившегося писаря. Он встревожен, не зная содержания письма. А в бумаге оказывается распоряжение заседателя: «Приказываю тебе ко дню благовещения купить и привезти мне две щуки в три четверти каждая»[2]).

8 июля 1886 года срок ссылки Петропавловского окончился, и он выехал в Казань. Весной 1887 г. писатель вновь приехал на Урал и поселился в Верхнеисетском заводе, где близко сошелся с Д. Н. Маминым-Сибиряком. В октябре 1887 г. он переехал в Нижний Новгород, но и там находился под негласным надзором полиции, которая считала Петропавловского и его жену «безусловно вредными и опасными».

Петропавловский скончался в Саратове 12 мая 1892 г. Его похороны превратились в демонстрацию. По донесению саратовских жандармов, среди венков писателю-революционеру были венки «От рабочих—защитнику угнетенных», «От женщин—защитнику обездоленных».

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

С Курганом связано несколько лет жизни Петра Филипповича Якубовича (1860—1911), видного представителя революционной поэзии 80—90 годов XIX в., беллетриста и критика.

С юношеских лет Якубович участвовал в народническом движении. В 1882 году, окончив историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав, он вступил в партию «Народная воля» и стал одним из организаторов народовольческого «Союза молодежи» и автором прокламации «К русскому юношеству».

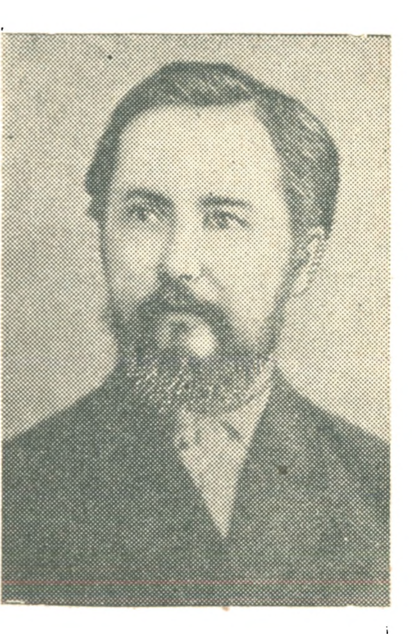
---

1) Н. Петропавловский. «По Ишиму и Тоболу». «Записки Западно-Сибирского отдела русского географического общества», кн. VIII, вып. I, Омск, 1896, стр. 44.

2) Там же, стр. 45.

Активная деятельность Якубовича в народовольческой организации привлекла внимание полиции. В 1884 г. он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и по окончании следствия, тянувшегося три года, приговорен «за участие в преступной деятельности противоправительственного сообщества «Русская социально-революционная партия народной воли» к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение, замененной каторжными работами.

Каторгу Якубович отбывал на Каре, Акатуе и Кодинском руднике, а в апреле 1895 года был переведен на поселение в Курган.

П. Ф. Якубович

Жил Якубович по ул. Канавной, во флигеле, принадлежавшем фельдшеру Новодворову (ныне улица М. Горького, 55; на этом месте сейчас стоит двухэтажный полукаменный дом).

Курган в те годы был небольшим уездным городком с непроезжими от грязи весною и осенью улицами и тучами пыли летом. Монотонно и однообразно проходила жизнь городских обывателей.

Приезд Якубовича вызвал в городе большие толки. К «политическому» присматривались с настороженным любопытством, боясь общением с ним скомпрометировать себя в глазах «начальства». Но радушие и приветливость Якубовича и его жены располагали к себе. В квартире Петра Филипповича стали появляться те, кто особенно интересовался поэзией. Рассказы Якубовича о

Петербурге, о встречах с интересными людьми, чтение стихов — все это увлекало, возбуждало мысль, расширяло жизненные впечатления слушателей. От старожилов Кургана, живших по соседству с Якубовичами, и сейчас можно услышать о их простоте, отзывчивости, большой любви к людям.

Многолетнее пребывание в тюрьмах и на каторге подорвало здоровье П. Ф. Якубовича. В Курган он приехал тяжелобольным. Это обстоятельство, а также болезненное состояние сына Дмитрия, родившегося в Кургане в 1897 г., вынуждали его неоднократно обращаться к полиции с просьбой разрешить выезд на лето в деревню. Начиная с 1896 г., П. Ф. Якубович проводил летние месяцы в деревне Крюковой-Лесниковой, расположенной в 30 километрах от Кургана вверх по течению Тобола, в живописной лесной местности. Однако каждый раз разрешение на выезд приходилось получать с огромным трудом. Причем полицейский надзор обычно усиливался во время пребывания поэта в Лесниковой.

В феврале 1899 г. в связи с арестом политического ссыльного И. М. Зобнина, бывавшего, по донесениям шпиков, у Якубовичей, в квартире последних был произведен обыск. Поскольку, по словам Якубовича, у него «не найдено было ничего подозрительного», он привлекался к дознанию лишь в качестве свидетеля. Но производивший обыск помощник начальника тобольского губернского жандармского управления ротмистр Вонсяцкий вел себя очень грубо и дерзко, и это вынудило Петра Филипповича обратиться в департамент полиции с жалобой на действия Вонсяцкого. Результат оказался для ссыльного самым неожиданным. В секретном отношении департамент полиции Министерства внутренних дел 8 августа 1899 г. сообщил тобольскому губернатору: «По надлежащем расследовании жалоба Якубовича не подтвердилась, а наоборот, оказалось, что квартира названного ссыльного является местом конспиративных собраний поднадзорных и лиц, привлекаемых к дознаниям политического характера, вследствие чего начальник тобольского жандармского управления возбудил хода-

тайство об удалении Якубовича из г. Кургана». И далее: «Департамент полиции имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать уведомить, где в настоящее время находится названный ссыльный, присовокупляя, что, ввиду сообщенных полковником Мацкевичем данных о политической неблагонадежности Якубовича, дальнейшее оставление его на жительстве в Кургане представляется нежелательным и, равным образом признается нежелательным разрешение названному лицу приписаться в курганские мещане, в случае возбуждения им о том ходатайства»[1]).

Сильное нервное расстройство вынудило Якубовича просить разрешения на временный выезд для лечения в Казанскую психиатрическую лечебницу. В телеграмме директора департамента полиции от 21 октября 1899 г. сообщалось тобольскому губернатору: «Ссыльному Кургане Петру Якубовичу с женой Министерством разрешена временная отлучка Казань для лечения»[2]).

Рапортом от 29 октября 1899 г. курганский исправник доносил тобольскому губернатору, что П. Ф. Якубовичу и его жене выданы проходные свидетельства для временной отлучки в Казань. В Курган П. Ф. Якубович более не возвращался.

Талант П. Ф. Якубовича-беллетриста с особой силой проявился в очерках «В мире отверженных». Желание рассказать страшную правду о царской каторге, о проблесках человеческого в преступном мире определило характер и содержание этих очерков.

Первый том очерков был написан летом 1893 года в Акатуйской тюрьме; значительная часть второго тома (глава XIX «Конец «образцовой» Шелаевской тюрьмы») писалась в Кургане. Очерки печатались в журнале «Русское богатство» начиная с сентябрьского номера 1895 г. под псевдонимом Л. Мельшин.

---

1) «Дело о государственном преступнике Петре Якубовиче и о жене его Розе, урожденной Франк». Филиал Тюменского облгосархива в г. Тобольске, фонд 152, оп. 15, ед. хр. 29, л. 101. В дальнейшем: «Дело».

2) «Дело», л. 112.

Тема каторги не была новой в русской литературе. В 1861—1862 гг. появились «Записки из мертвого дома» Достоевского. Жизнь ссыльных изображена в некоторых рассказах Короленко («Чудная», «Яшка», «Убивец», «Соколинец», «Федор бесприютный», «Черкес»). О жизни и быте поселенцев из каторжан рассказал А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин».

Якубович, будучи не только свидетелем, но и лицом пострадавшим, показал быт каторжных «изнутри». Как и «Записки из мертвого дома», очерки Якубовича родились из живых наблюдений, хотя и лишены той глубины психологического анализа, которая отличает произведение Достоевского. Сам автор не претендовал на признание за ними самостоятельного художественного значения. «...Я пишу не художественное произведение, — отмечал он в первоначальном варианте главы «Одиночество», — а правдивую историю действительно пережитого мною и, как живой человек, хотя и старающийся быть беспристрастным, не в силах заключиться в узкие рамки художника»[1]).

Однако сразу же после выхода очерков в свет критика справедливо оценила их как произведение художественное, с присущими ему приемами типизации жизненных явлений.

Все очерки, составляющие двухтомник, объединены местом, временем действия и образом Ивана Николаевича, от имени которого ведется повествование. Рассказчика нельзя полностью отождествлять с автором книги, но во взглядах Ивана Николаевича много авторского, хотя Иван Николаевич более «нейтрален», чем Якубович. Явление это легко объяснимо: автор — «государственный преступник», скрывавшийся под псевдонимом «Л. Мельшин», не мог, конечно, открыто, от своего имени рассказать о виденном и пережитом. Об этом, в частности, писал Якубович из Кургана брату своей жены С. Ф. Франку: «Ты не получишь полного и ясного представления о том, что хотелось мне

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М., 1933, т. 1, стр. 390.

нарисовать и сказать, так как в подцензурном журнале печатается с большими пропусками»[1]).

Иван Николаевич не только умный наблюдатель, глубоко сочувствующий обездоленным людям. Это—активно действующее лицо. Большая любовь к людям определила его отношения с каторжанами. Он хорошо понимает глубокую нравственную испорченность многих из них. Годы, проведенные среди насильников и убийц, и для него были нелегкими. Бывали минуты, когда Иван Николаевич «чувствовал себя почти стариком, бессильным и жалким калекой...». Но вера в жизнь, в человека—побеждает. И он «снова горячо любил мир, где всего несколько часов назад видел одну лишь бесцельную и бессмысленную сутолоку явлений — любил жизнь и людей, которых недавно еще презирал...»[2]). Видя несправедливость тюремной администрации, он открыто встает на сторону каторжан; рискуя навлечь на себя гнев начальства, он горячо настаивает на человеческом отношении к заключенным.

Борьба была неравной. Немало тяжелых минут выпало на долю Ивана Николаевича, судьба которого тоже всецело зависела от произвола тюремной администрации. Его подчас не понимали и те, в чьих интересах он выступал.

Однако большинство каторжан видело в Иване Николаевиче человека большого ума и чуткого сердца, искреннего и правдивого. Многие из заключенных тянулись к нему. Заметный след в сознании каторжан оставляла «педагогическая» деятельность Ивана Николаевича. «Что-то доброе, светлое, теплое... озаряло и согревало не только меня и моих учеников, но и всю камеру. Арестанты как-то невольно приучились с уважением относиться к бумаге и книжке, мысли их настраивались на высший тон и лад», — вспоминает рассказчик[3]).

---

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М., 1933, т. 1, стр. 390.

[2]) Там же, т. 2, стр. 21.

[3]) Там же, т. I, стр. 180.

По образованию и своим нравственным качествам Иван Николаевич стоит выше основной массы каторжан. Наблюдения над жизнью «отверженных» — обездоленных и придавленных жизнью людей, глубокие размышления над их судьбой, взаимоотношениями, психологией позволяют рассказчику касаться таких вопросов, которые имели значительный общественный интерес для своего времени.

Труженик-народ, в представлении Ивана Николаевича, «темен и слеп», а пылающая к нему любовью интеллигенция имеет крайне слабую волю, чтобы помочь ему осуществить идеал «вселенного братства и счастья». Занятый повседневным трудом, народ-«титан ничего не слышит, весь обливаемый собственным потом и кровью»[1]), но, могучий в своем порыве, он сокрушит все стоящее на пути, и горе тем, кто не шел дальше «светлых мечтаний» и «любящего порыва», ограничивая сферой чувств свои отношения с прозревшим исполином. Так рассматривалась автором проблема взаимоотношений народа и интеллигенции.

На каторге были люди разных национальностей: русские, татары, узбеки, черкесы, евреи. Иван Николаевич видит в каждом из них прежде всего человека, имеющего право на жизнь и ее радости. Повествуя о жизни юноши-узбека Муразгали, молодого татарина Кантаурова, рассказчик отмечает их человечность, «рыцарский характер», не позволяющий оставить друга в беде, общительность, душевную чуткость.

Неоднократно касается Иван Николаевич в своих рассказах и «еврейского вопроса». Рассказы о борьбе с тюремной администрацией политических Башурова и Штейнгарта, о морально погибшем юноше Шустере и в особенности о старике Баруховиче проникнуты теплым чувством.

На каторге были и женщины—матери, жены и сестры уголовников, причастные к преступлениям либо добровольно приехавшие вслед за родными, чтобы облегчить их участь. С глубоким сочувствием рассказывает Иван

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М., 1933, т. 1, стр. 250.

Николаевич о их доле, о безмерных страданиях, а порою и гибели.

Касаясь национального и женского вопросов, Иван Николаевич не предлагает каких-либо радикальных способов решения. Бесконечно далек он от трактовки их в социальном плане. Однако стремление привлечь к этим вопросам внимание общественности свидетельствует о демократической позиции рассказчика.

Горячее сочувствие к обездоленным, твердая вера в торжество правды сближают Ивана Николаевича с «молчальником Кротом» — героем поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные». В тяжелом бреду он читает «арестантам-товарищам» горячие тирады Крота о героях-подвижниках, о великом будущем своей многострадальной отчизны: «Покажет Русь, что есть в ней люди, что есть грядущее у ней». «Когда-то в годы восторженной юности, — вспоминает рассказчик, — Некрасов был любимым моим поэтом, и я знал все его лучшие произведения наизусть»[1]).

Разумеется, мысли Ивана Николаевича о «братстве племен», о трагическом разрыве интеллигенции с народом, гуманное отношение к женщине, представление о себе как продолжателе революционных традиций прошлого — все это идет непосредственно от автора, отражает его взгляды, хотя, повторяем, Иван Николаевич говорит не в полный «авторский голос», а о многом и совсем умалчивает.

Взгляды самого писателя особенно ярко проявляются, когда он обращается к именам борцов за народное дело — к поэту и публицисту 60-х годов М. И. Михайлову и «еще более знаменитому автору» «Очерков гоголевского времени» (Н. Г. Чернышевскому — **М. Я.**). С гордостью вспоминает он, что кадинские места «отмечены жизнью людей одной из самых замечательных эпох, и каких людей!»[2]).

---

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М., 1933, т. 2, стр. 234.

[2]) Там же, т. 2, стр. 306.

«Мир отверженных» населен многообразными и сложными характерами. Это убийца Луньков и с ранних лет пристрастившийся к аферам и грабежам, вконец развращенный Шустер, Яшка Тарбаган, вмещавший в себе «самые отвратительные тюремные привычки и извращенные вкусы», и Семенов с его неудержимой жаждой наслаждений и «непримиримой ненавистью ко всем существующим традициям и порядкам»[1]), и «деспотическая натура» — тюремный староста Юхарев и другие. Во многих каторга вытравила почти все человеческое, сделала черствыми, непримиримыми к людям. А ведь тот же Юхарев, «этот представительный, умный и энергичный преступник», попал в Сибирь за то, что выступил в защиту интересов бедноты.

Немало загубленных человеческих жизней проходят перед читателем. Трогательна история безвинно осужденного узбека Муразгали. Трагична судьба каторжанина Андрея Бусова, убившего жену «за обман», и девушки Дуняши, которая, полюбив Андрея, кончила жизнь самоубийством в разлуке с ним. Зачерствевшие в преступлениях и на каторге сердца способны проявлять человеческие чувства. Предложение Ивана Николаевича обучать грамоте было принято каторжанами с восторгом. Многие за короткий срок выучились читать и писать. Состязание по диктанту двух камер привлекло внимание всей тюрьмы. Хотя «екзамент» закончился потасовкой, но у его участников было какое-то приподнятое, праздничное настроение. Глубокой искренностью веет от беспомощных по форме стихов и сочинений заключенных, стремившихся исповедью на бумаге облегчить свою душу.

А как изменяется каторжник, занимаясь любимым делом! Кузнец Пальчиков совершенно преображается на работе, забывая на время об ужасных условиях, в которых он находится. Многие гордятся своей «воль-

---

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М. 1933, т. 2, стр. 187.

ной профессией», мечтают о том, что «выйдет срок» и они опять будут работать «на воле».

Наблюдения над «миром отверженных» приводят писателя к вопросу: что толкает людей на путь преступлений? Мысль о врожденной преступности человека он отвергает изложением биографий заключенных.

Многие каторжане, познав в прошлом царскую солдатчину, обиды и притеснения военного начальства, ожесточились и стали бродягами. Другие, как Юхарев, пострадали за бедноту, защищая ее от сельских мироедов. Третьи, подобно Годунову и Пенкину, обладая «природной неугомонностью и ненасытностью», не могли «примириться со спокойной и ровной действительностью», вступили в борьбу с ней.

В главе «От автора», появившейся во втором издании «Очерков» (1902 г.), обобщая свои наблюдения и собственные выступления в печати, Якубович писал: «По моему глубокому убеждению, **не столько** природа создает преступников, сколько сами современные общества, условия наших социальных, правовых, экономических, религиозных и кастовых отношений»[1]).

Сильная сторона очерков Якубовича — в правдивом изображении жизни людей, отвергнутых обществом. «Когда я писал эту книгу, — признается он, — заветным желанием моим было все время, чтобы этот правдивый рассказ о жизни отверженцев был понят, как голос их адвоката и друга»[2]). Очерки будили критическую мысль, звали задуматься над несовершенством общественных и социальных отношений. Их пронизывает гуманная идея о неизбежном торжестве добра и справедливости над злом и произволом.

Однако писатель не видит реального выхода из нарисованной им страшной картины действительности. Рекомендуемый им способ перевоспитания преступников с помощью власти и силы любви утопичен.

---

[1]) (Л. Мельшин) П. Якубович. «В мире отверженных». М. 1933, т. 2, стр. 352—353.

[2]) Там же, стр. 349.

Современники высоко оценили Якубовича-беллетриста. Находясь под впечатлением очерков, Чехов в письме к Л. А. Авиловой от 9 марта 1899 года писал: «Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшина. Это не так. Мельшин стоит особняком, это большой, неоцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что написал»[1]).

В Кургане П. Ф. Якубович написал несколько критических статей и опубликовал их в журнале «Русское богатство» под псевдонимом П. Гриневич. В газете «Восточное обозрение» он вел «Литературные беседы», подписываясь псевдонимом Аквилон. Эти статьи свидетельствуют о большом внимании писателя к современной поэзии, о горячей заинтересованности в судьбах русской литературы. Полемическая страстность критика сочетается в них с утверждением дорогих для него идеалов. Он внимательно исследует творчество современников, с гневом пишет о декадентской поэзии, утверждая право на жизнь лишь за гражданской литературой.

В Курган Якубович приехал поэтом с отчетливо выраженной тематикой и манерой письма. Здесь он написал и частично напечатал в разных журналах до 30 стихотворений. Большинство из них вошло в третье издание книги «Стихотворения» (СПБ, 1899). Формирование его поэтического голоса происходило преимущественно в неволе—в крепости, по дороге на каторгу и в каторжной тюрьме. Характерно, что из двухсот сорока стихотворений, написанных Якубовичем до курганской ссылки и позднее опубликованных, только сорок относятся к 1878—1884 гг., т. е. созданы до его заключения в Петропавловскую крепость. «Музой был мне сумрак каземата, цепь с веревкой — лиры были струны»[2]).

Так же, как юношескую лирику, стихи Якубовича времени пребывания под следствием и в каторжной

[1]) А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем. М. 1949, т. 18, стр. 107.

[2]) П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, СПБ, 1910, т. I, стр. 90.

тюрьме пронизывают гражданские мотивы. Это же в равной степени относится и к «курганским» стихам.

В глубоких контрастах проходит перед взором поэта жизнь. Стихотворение «Радость, влюбленная в солнце и смех» построено на противопоставлении радости и горя. Радость надменна и крикλива, она «льнет к золоченым палатам», ей недоступно чувство сострадания. Горе людское ютится «в темных подвалах, мансардах глухих», среди голодных, больных и несчастных, среди тех, чьи «силы последние рвутся»[1]). Метафорические образы радости и горя, идущие от устной народной поэзии, вскрывают глубокие социальные противоречия русской жизни конца XIX века.

Горькая и бесправная жизнь тружеников, влачащих бремя «нищеты и печали», изображается в «Песне труда». Требование лучшей доли вложено поэтом в уста тех, счастливее которых живут даже «волы, что пасутся, покончивши труд, птицы небесные, звери лесные...». В стихотворении звучит призыв «сомкнуться и потребовать: «Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь свободных!»[2]). Этот рефрен зовет обездоленных на борьбу за свои права.

Ярко выражена у Якубовича тема родины. Причем родина в его представлении — это не «край изгнанья», не «далекая чужбина», а тот «желанный, сверкающий юг», где течет «Днепр, утопая в вишневых садах». Искренние чувства изгнанника, мечтавшего о возвращении домой, в круг близких и друзей, слышатся в каждой строке стихотворения «Сон на чужбине».

Любовь к своей земле звучит в стихотворении «На родном рубеже», которым открывается цикл курганских стихов. В нем вылились и прорвались в слезах чувства, накопившиеся в душе поэта за время жизни «в краю чужом, угрюмом». На рубеже «полей родных» поэт воспринимает «невнятный шум» бора как «отчизны зов приветный». Долго находившийся в разлуке и

---

1) П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, СПБ, 1910, том 2. стр. 57.

2) Там же, т. 2, стр. 42.

пронесший сквозь невзгоды свое верное сердце, сын раскрывает свои чувства матери-отчизне:

Возьми ж меня, всего, со всею кровью,
Всем пылом дум и волею моей!
Пока дышу, клянусь я петь с любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоих друзей![1]).

Горячим призывом к юности, верой в то, что она поднимет и понесет дальше знамя борьбы, полно стихотворение «К молодости». Поэт приветствует юные силы, полные любви «к родной стране, к народной лучшей доле», несущие без колебания «народу в дар» свою свободу и жизнь. Этот могучий порыв захватывает и остывшее сердце поэта. И хотя его «челн погиб среди ревущих вод», он вновь видит себя в ряду борцов, «снова рад бесстрашно рваться к бою: «Вперед, друзья! Товарищи, вперед!». Как эстафету передает борец молодым свою заповедь:

Верь в свет иной, мечом иным борись,
Но — кто стезёй страданья и печали
Шел до тебя — пред теми преклонись![2]).

В нескольких стихотворениях Якубович касается славных традиций русской литературы, заложенных Пушкиным, Белинским, Некрасовым.

К столетней годовщине со дня рождения поэта Якубович пишет стихотворение «На празднике Пушкина». Среди «венков, огней, хвалебных гимнов» проснувшийся поэт не видит того, «чей горестный удел, достоинство и попранное право» он пел в свой «жестокий век». Он слышит лишь «чужие сердцу звуки», видит «враждебный пир». До него доносится «чуть внятный» голос тех, кто не «бряцает кадилом» на пиршестве пустом, не лицемерит и не лжет. Это голос тех, кто остался верен гражданским призывам поэта, кто не может «слагать хвалы, когда над головою губящий меч с угрозою висит», когда слышен «голодный плач измученных детей» и скорбная тень покрывает «заброшенные поля».

---

1) П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, СПБ, 1910, т. 2, стр. 28—29.

2) Там же, т. 2, стр. 48.

...На оргии лукавой
К лицу лишь им победно ликовать,
Кто над живой глумиться может славой,
Чтоб мертвую цветами убирать![1]).

В стихотворении «Памяти Белинского» Якубович говорит о назначении искусства: только поэзия больших чувств, гражданского накала будет жить в веках, только поэты, «любовь свою чужим отдавшие скорбям», останутся в памяти людей: их «мукам чистым и слезам поклонится потомок отдаленный»[2]).

В ряде произведений поэта слышны мотивы тоски и сомнений. С особенной силой горькое чувство несбывшихся надежд, растраченных мечтаний звучит в стихотворении «Поздняя радость», посвященном В. Н. Фигнер: «Сгибли товарищи смелые, юность, отвага, любовь».

Однако не эти мотивы разочарования и скорби побеждают. Поэт искренне верит в братство людей, которое придет с победой добрых начал жизни («Стихнет бой, замрут проклятья»).

И волны новые придут
На берег, сумраком повитый,
И жизни острые граниты
Усилий их не разобьют![3])

Горькое чувство поражения «светлых мечтаний» сменяется уверенностью в торжестве человеческой правды. Казалось бы, «оборван у музы цветущий венок и звучные песни допеты», — пишет он в стихотворении «Поэзия», — исчез навсегда «гений поэзии», замолкла «свободная, смелая, честная речь». Но нет! Это время зловещего молчания пройдет, зазвучит призывная, гордая песня, а «тучи бессилья и сна промчатся над родиной бедной»[4]).

Несколько пейзажных зарисовок сделано Якубовичем в деревне Крюковой (Лесниковой), куда он неоднократно выезжал с семьей на лето. Все они проникнуты

[1]) П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, СПБ, 1910, т. 2, стр. 60.
[2]) Там же, т. 2, стр. 41.
[3]) Там же, стр. 37.
[4]) Там же, т. 2, стр. 32.

Автограф стихотворения П. Ф. Якубовича «Поэзия».

*

гражданским чувством. Переживания человека в них либо контрастируют с красотами природы, либо сливаются с нею, либо даются как параллель к ее изображению. Природа, в представлении поэта, живет вместе с человеком, откликается на его радости и печали.

Предельной ясностью мысли, скульптурной четкостью фразы, выразительностью каждого слова отличается стихотворение «Тишина».

> Вечер румяный притих, догорая,
> Лист не прошепчет в лесной глубине;
> Тучек перистых гряда золотая
> В недосягаемой спит вышине.
> Тихо мелькнула звезда и другая...
> Ночь надевает свой царский венец...
> — Мука, великая мука людская!
> Стихла ли ты, наконец?

Стихотворение «В деревне» посвящено зауральской природе. Все привлекает здесь взор поэта: «верхи сосновых рощ», «пышнокудрявый лес», от дуновения вечернего ветерка «берез оживших лист». Он слышит, как «вдалеке кукушка прокричала, проплакал ястребок, телега простучала...» И, как в прежние годы, радостное чувство наполняет его душу. Он готов «вновь мечтать о близком царстве света»[1]). В этом стихотворении, как и в остальных стихах Якубовича, присутствует сам поэт со своими мыслями, чувствами, переживаниями, гражданской взволнованностью.

Творчество Якубовича периода курганской ссылки отразило в себе слабые и сильные стороны его поэзии. В эти годы поэт не увидел и не понял «движения самих масс». Отсюда — неверие в новые силы, которые выдвигала на общественную арену русская жизнь конца века, мотивы разочарования и пессимизма. Отсюда и абстрактность призывов, условность образов ряда стихотворений, сравнительное однообразие мотивов его лирики.

Однако и современного читателя многое подкупает в стихах Якубовича. Его поэзия, продолжавшая тради-

---

[1]) П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения. СПБ., 1910, т. 2, стр. 30.

ции Некрасова, несла большое чувство любви к страдающей родине, к бесправному народу.

Гражданский пафос, страстная убежденность в победе добра и справедливости пронизывают его лучшие стихотворения. Поэзия Якубовича — это поэзия искренних, живых чувств, большой страсти. Она звала «души сильные, любвеобильные» на мужественный подвиг во имя свободы и счастья отчизны.

При всех своих недостатках и ошибках, связанных с народническими взглядами, Якубович-поэт близок нам как активный борец с самодержавием и крепостничеством. Сборник его избранных стихотворений в ближайшее время выходит в серии «Библиотека поэта» (Ленинград).

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Дореволюционная жизнь Зауралья получила художественное отображение в нескольких произведениях талантливого бытописателя Урала Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852—1912).

Демократ-просветитель по своим взглядам, Мамин-Сибиряк правдиво изображал в своих произведениях дореформенную и пореформенную жизнь Урала и Зауралья, поднимаясь до огромных высот художественного и критического обобщения. «В произведениях этого писателя, — отмечал В. И. Ленин, — рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным, ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России»[1]).

Уроженец Урала, тесно связанный с народом, знавший его жизнь не понаслышке, а в результате собственных наблюдений и живого общения с ним, Мамин-Сибиряк, «писатель воистину русский», своими правдивы-

[1]) В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

ми книгами помогал «понять и полюбить русский народ, русский язык»[1]).

Д. Н. Мамин (Сибиряк — его литературный псевдоним) родился в заводском поселке Висиме-Шайтанском, недалеко от г. Нижнего Тагила, в семье священника.

Жизнь приисковых рабочих, своеобразный быт приписанного к заводам и пришлого населения, часто проявлявшийся в различных формах народный протест против притеснений со стороны начальства — все это проходило перед глазами мальчика.

Четырнадцати лет Мамин-Сибиряк был отдан в Екатеринбургское духовное училище, затем четыре года провел в Пермской духовной семинарии. Однако карьера священника не прельщала юношу, и он перевелся сначала на ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии, а затем на юридический факультет университета. Не окончив университета по болезни, Мамин-Сибиряк вернулся на Урал. Там и началась его литературная деятельность.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Используя живые наблюдения во время долгих скитаний по родному краю, изучая архивные материалы, тонко чувствуя красоту природы родных мест, Мамин-Сибиряк создает волнующие произведения на материале уральской действительности. Среди них особенно выделяются «Бойцы», «Приваловские

[1]) М. Горький. Собр. соч. в 30 томах. М., 1955 г., т. 29, стр. 277—278.

миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», а также «Охонины брови», «Золото» и «Хлеб», созданные Маминым-Сибиряком после 1891 г. уже в Петербурге.

Широко известен Мамин-Сибиряк и как детский писатель. Им написано более двадцати сказок для детей, в том числе «Серая шейка», «Умнее всех» и «Аленушкины сказки». Глубокое знание жизни и психологии детей, изумительная способность чувствовать и понимать родную природу позволили писателю создать произведения, вошедшие в фонд детской классической литературы прошлого. Среди очерков и рассказов для детей особенно выделяются светлым гуманизмом, теплотой и мягкостью красок «Приемыш», «Емеля-охотник», «На реке Чусовой», «Зимовье на Студеной», «Вертел», «Кара-Ханым», «Ак-Бозат».

Влияние революционных идей шестидесятников, славные традиции русской классической литературы и личное общение с выдающимися писателями Г. И. Успенским, В. Г. Короленко, А. П. Чеховым и А. М. Горьким определили демократическую устремленность творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. В близких отношениях находился писатель с К. Д. Носиловым, который называл Мамина-Сибиряка «самым дорогим и милым земляком». В письме к Мамину-Сибиряку из Шадринска от 6 апреля 1911 г. Носилов с восхищением отзывается о таланте писателя и сердечно благодарит его за гостеприимство[1]).

Сила таланта писателя — в тесной связи с народом, с родной землей. В приветственном письме Мамину-Сибиряку в связи с сорокалетием литературной деятельности последнего А. М. Горький, назвав его «другом и учителем нашим», отметил: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему.

Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас не знакомую нам»[2]).

---

[1]) Библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 157, п. III, ед. хр. 53.

[2]) М. Горький. Собр. соч. в 30 томах. М., 1955, т. 29, стр. 278.

Изображая жизнь и природу Урала и Зауралья, Мамин-Сибиряк, не замыкаясь в рамках местной жизни, выступал как писатель общерусский, внесший свой вклад в художественное изображение родной земли.

В рассказе «Летные» (1886) изображается трагическая судьба бродяг, бежавших с каторги. В нем есть изумительное по своей яркости описание окрестностей Шадринска, где происходят события: «Татарский остров издали походил на громадную зеленую шапку. Река Исеть плыла здесь зеленым плесом, точно в зеленой бархатной раме из вербы, ольхи, смородины и хмеля. Кругом, насколько хватал глаз, расстилалась без конца-края панорама полей, сливавшихся на горизонте с благодатной ишимской степью; два-три кургана едва напоминали о близком Урале, откуда выбегала красивая Исеть, вся усаженная богатыми селами, деревнями и деревушками, точно гигантская нитка бус. Место было широкое и привольное, какие встречаются только в благословенном Зауралье, где весело сбегают в Исеть реки: Теча, Синара и Мияс, эти настоящие земледельческие артерии».

В 1892 г. Мамин-Сибиряк поместил в журнале «Русская мысль» историческую повесть «Охонины брови» — о пугачевском движении на Урале и в Зауралье и о событиях, предшествовавших крестьянской войне 1773—75 гг., известных под названием «дубинщины». В ходе этого стихийного восстания крестьяне далматовского Успенского (в повести — Прокопьевского), Рафаиловского и других монастырей Исетской провинции, вооружившись дубинками (отсюда и название движения), ружьями и самодельными пиками, в 1762—1764 гг. дважды осаждали Далматовский монастырь. Местные власти бросили на усмирение крестьян драгунский полк и потопили восстание в крови[1]).

Мамин-Сибиряк показывает связь «дубинщины» с пугачевским движением, которое он называет «выдающимся явлением в жизни народа», усматривая в этой

---

1) А. А. Кондрашенков. Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х годах XVIII в. М., 1953.

связи общность социальных причин, вызвавших эти исторические события.

Написанию повести предшествовало серьезное изучение исторических трудов, архивных документов, фольклора. Писатель знакомится с материалами о «дубинщине», публиковавшимися в «Пермских епархиальных ведомостях», со статьями уральского краеведа А. Н. Зырянова, помещенными в «Пермском сборнике» за 1856 и 1860 гг.

Стремясь к правде изображения исторических событий, писатель не ограничивался изучением книжных источников. Он неоднократно бывал в Далматовском монастыре и его окрестностях, беседовал со старожилами, записывал предания, связанные с крестьянским движением 1762—1775 гг., посетил Шадринск, изображенный в повести под названием Усторожья.

Описание Усторожья—Шадринска, бывшего когда-то небольшим пограничным постом и служившего местом укрытия при набегах степных народов, является примером немногословного, исторически точного изображения одного из зауральских поселений.

«Город Усторожье был невелик: дворов на шестьсот. Постройки все деревянные, как воеводский двор и старая церковь. Каменное здание было одно — новый собор, выстроенный тщанием, а отчасти иждивением воеводы Чушкина. Все это деревянное строение было обнесено земляным валом, а на валу шел тын из бревен, деревянные рогатки и «надолбы». По углам, где сходились выси, поднимались срубленные в паз деревянные башни-бойницы. Трое ворот вели из города: одни — на полдень, другие — на север, а третьи прямо в орду, то есть в сторону степи».

Сильное впечатление оставляют страницы, рассказывающие об осаде Прокопьевского монастыря пугачевцами и примкнувшими к ним местными крестьянами. Главный герой произведения — народ, заводские рабочие, монастырские крестьяне, восставшие против деспотизма заводчиков, помещиков и монастырского духовенства.

В центре повести — образ мужественного и бесстрашного пугачевского атамана Тимофея Белоуса, беспощадного к врагам, сурового мстителя за народные слезы и кровь. Крестьяне за ним «шли толпами». «Первым летел Белоус в огонь и с пленными расправлялся коротко: «Повесить — и весь сказ». С большим психологизмом показана его любовь к «отецкой дочери», степной красавице Охоне, ставшей наложницей воеводы. Белоус убивает опозоренную девушку, не подозревавшую о глубокой любви к ней грозного предводителя пугачевских повстанцев.

Колоритна фигура слепца Брехуна — неуловимого пугачевского лазутчика. Это он позаботился о том, чтобы не связала Охоня своей любовью Белоуса, чтобы не погибла из-за девичьей красы удалая казачья голова, не пропал молодец для народного дела.

Выразительны угнетатели народа, в руках которых сосредоточена мирская и духовная власть в крае. Это — усторожский воевода Полуект Степаныч, сластолюбивый старец, творивший суд и расправу над участниками «дубинщины» и пугачевского движения. Он властен и строг с народом, крут в расправах с непокорными, но трепещет перед настоятелем Прокопьевского монастыря, боясь его осуждения и проклятия за покинутую жену и связь с «отецкой дочерью».

Жестоким притеснителем крестьян, уповающим больше на воинскую силу, чем на молитвы, показан в повести игумен Моисей, «утеснявший своих монастырских крестьян непосильными работами и наказывавший их нещадно за малейшую провинность». Прототипом образа Моисея явился архимандрит Далматовского монастыря Иакинф (Кашперов), принимавший активное участие в подавлении крестьянских волнений в Зауралье.

Настоящим зверем, беспощадно терзавшим рабочих, выступает владелец Баламутских заводов Гарусов. Неприхотливый, простой в одежде и умеренный в пище, он свои силы и жизненный опыт посвятил наживе. «Рабочих он буквально морил на тяжелой горной ра-

боте и не знал пощады ослушникам, которых казнил самым жестоким образом: батожье, кнут, застенок — все шло в ход». Страшную ненависть народа вызывали притеснения заводчика. «Погоди, отольются медведю коровьи слезы! — говорит замученный Гарусовым Трофим. — Будет ему нашу кровь пить...».

После усмирения восстания все они творят жестокий суд и расправу над участниками движения. «Замирившийся край представлял собою печальную картину, — пишет автор. — Половина селитьбы пустовала, а оставшиеся в целых жители неохотно шли на старые пепелища, боясь розысков и жестокой расправы».

Бурный поток событий, связанный с выступлением монастырских и государственных крестьян, захватил различных людей. Среди тех, кто стал невольным участником этого движения, оказался дьячок Арефа. Арефа сжимается при одном имени грозного игумена Моисея, терпит многочисленные побои и унижения от заводчика Гарусова, со смирением переносит выпавшие на его долю несчастья. Он постоянно чувствует над собой грозу в виде строгой и громогласной дьячихи Домны. Колоритна речь неудачника-дьячка: это яркий сплав местных слов с церковнославянизмами, пословицами и поговорками.

Повесть написана сочным, выразительным языком, тонко передающим характер эпохи. Она проникнута духом народного творчества, в ней слышны отзвуки героических преданий — песен, притчей и сказов, воспроизводивших незабываемые страницы жизни народа.

Идейный пафос повести, выразительная сила ее образов, живой язык привлекли к ней внимание советских музыкальных кругов. Композитор Г. Н. Белоглазов написал музыку к либретто оперы «Охоня», составленному М. Г. Логиновской. В феврале 1956 г. в Свердловском оперном театре состоялась премьера оперы. Отдельные арии и сцены неоднократно транслировались по свердловскому радио.

В 1895 г. в журнале «Русская мысль» появился роман Мамина-Сибиряка «Хлеб». В нем правдиво показа-

но, как нищала и разорялась пореформенная деревня в результате «победного шествия» капитала с его оптовой торговлей хлебом, винокурением и биржевыми махинациями, как разрушался патриархальный уклад.

О замысле романа, о его жизненной основе писатель сообщал в письме от 25 мая 1891 г. А. П. Пятковскому: «Роман будет о хлебе, действующие лица — крестьяне и купец-хлебник. Хлеб — все, а в России у нас в особенности. Цена хлеба «строит цену» на все остальное, и от нее зависит вся промышленность и торговля. Собственно, в России тот процесс, каким хлеб доходит до потребителя, трудно проследить, потому что он совершается на громадном расстоянии и давно утратил типичные переходные формы от первобытного хозяйства к капиталистическим операциям.

Я беру темой Зауралье, где на расстоянии 10—15 лет все эти процессы проходят воочию. Собственно, главным действующим лицом является река Исеть, перерезывающая благословенное Зауралье. Это — единственная в России река по своей протяженности и работе, на протяжении 300 верст своего течения она заселена почти сплошь: на ней 80 больших мельниц, 2 города, несколько фабрик, винокуренных заводов и разных сибирских «заимок». Бассейн Исети снабжал своей пшеницей весь Урал и слыл золотым дном. Центр хлебной торговли — уездный город Шадринск — процветал, мужики благоденствовали.

Все это существовало до того момента, когда открылось громадное винокуренное дело, а потом уральская железная дорога увезла зауральскую пшеницу в Россию. На сцене появились громадные капиталы, и мелкое хлебное купечество сразу захудало. Хлебные запасы крестьян были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки.

Теперь это недавнее золотое хлебное дно является ареной периодических голодовок, и главным виновником их является винокурение и вторжение крупных капиталов. Все эти процессы проходят наглядно, и тема получает глубокий интерес. Я собирал для нее матери-

алы в течение 10 лет и все не мог решиться пустить их в ход»[1]).

В основу романа положены реальные события, глубоко изученные писателем не только по печатным источникам и архивным материалам, но и в конкретных жизненных проявлениях и связях.

Одним из фактов, использованных писателем, является страшный голод, охвативший Зауралье в 1891 г. и окончательно разоривший деревню. В письме к А. Н. Пыпину от 21 октября 1891 г. писатель касался этого события: «...Интересно проследить, как раньше крестьянин оборачивался всем своим и в долгах нуждался только для податей, а от этого зависело то, что у него сохранялись хлебные запасы и покрывались случайные недороды. Когда запасы были распроданы, все хозяйство держится одним годом...»[2]).

Собирая материал в течение десяти лет, Мамин-Сибиряк неоднократно бывал в местах действия своего будущего романа. В описаниях Заполья и Суслона встают приметы городов Шадринска и Катайска. Река Исеть описана под именем Ключевой.

В романе раскрыта хищническая сущность капитала, несущего разорение и гибель трудящимся.

Враждующие между собой хищники-хлеботорговцы, винокуренные заводчики и биржевики едины в своем стремлении к безграничной наживе. Стабровский, Ечкин, Штофф, Драке, Колобовы — это жадные хищники, топчущие всех и все на своем пути. «Эпоха первоначального накопления капитала нашла себе в покойном писателе талантливого изобразителя», — писала «Правда» в номере от 3 ноября 1912 г. в связи со смертью Мамина-Сибиряка. Под его пером, отмечалось в некрологе «Правды», «...оживали страницы прошлого Урала, целая эпоха шествия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем».

---

1) «Русская старина», 1916 г., кн. XII, стр. 421—422.

2) Цит. по книге А. Груздева «Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Хлеб», Л., 1952, стр. 417.

Мамин-Сибиряк показывает борьбу в мире хищников-капиталистов, наживавших миллионные состояния путем вытеснения «хлебной мелюзги». Много страниц отведено описанию деятельности открытого в Заполье Коммерческого Зауральского банка, сравниваемого писателем с громадной паутиной, в которой запутывались и гибли не успевшие приспособиться к жизни мелкие хищники. Описана острая борьба между винокуренными заводчиками Стабровским и Колобовым, хладнокровно спаивавшим крестьян, чтобы повредить конкуренту.

«Широкая деревенская улица была залита народом. Было уже много пьяных. Народ бежал со стеклянною посудиной, с квасными жбанами и просто с ведерками. Слышалось пьяное галдение, хохот, обрывки песен. Где-то надрывалась гармония.

Какие-то пьяные мужики бежали по улице без шапок и орали:

— «Стабровка» три копейки стакан!.. Братцы!.. Три копейки!»

Писатель рисует реалистическую картину голода, охватившего богатый край. Толпы голодных крестьян плелись на заводы в надежде прокормиться. Вымирали целые деревни, особенно башкирские. «Помощи уже ниоткуда не могло быть», — подчеркивает автор.

Стихийное возмущение народа выливается то в «картофельный бунт», то в попытку вконец разорившихся крестьян расправиться с мучным заводчиком Колобовым.

Биография этого человека представляет значительный интерес. Бывший крепостной, «заводской сын», Михей Зотыч Колобов прошел тяжелый жизненный путь. Ему удалось получить вольную за соединение горной речки с заводским прудом. Став свободным, Михей Зотыч развернул энергичную деятельность. На скопленные деньги он построил мельницу-крупчатку и стал быстро идти в гору. Обладая природным умом, способностью цепко ухватиться за дело, он все свои помыслы обратил на обогащение. О его прошлом напоминает лишь простой образ жизни да самобытная речь, расцвеченная блест-

ками народного остроумия, пересыпанная пословицами, загадками, меткими словечками.

Хищником нового обличья является его сын Галактион. Это умный, сильный человек с одной страстью—подмять под себя всех. Осторожно, со знанием психологии людей действует он, постепенно отстраняя на своем пути опасных конкурентов. «Гениальный мерзавец» — так характеризуют Галактиона бывшие компаньоны по Коммерческому банку, оставленные им в дураках. С особенной силой «широта натуры» Галактиона проявилась в голодный год, когда он монополизировал закупку сибирского хлеба и доставку его в голодающее Зауралье.

Основываясь на глубоком знании народной жизни и быта, творчески используя сокровища народной речи, писатель лепит отдельные характеры и массовые сцены.

Появление романа «Хлеб» вызвало многочисленные критические отзывы, в том числе и уральцев. Находившийся в ссылке в г. Кургане П. Ф. Якубович в помещенной в газете «Восточное обозрение» (№ 9 за 1896 г.) под псевдонимом «Аквилон» большой статье отметил актуальность темы. По его словам, «автором взят чрезвычайно интересный момент, когда в край хлынули деньги, как организованная сила, как своего рода армия, когда натуральное хозяйство стало заменяться капиталистическим». Критик подчеркивал великолепное знание писателем «местного языка и нравов» и характеризовал «Хлеб» как «выдающееся произведение прошлого года и в художественном отношении».

Не ослабел интерес к роману Мамина-Сибиряка и в наши дни. Ученый-полевод Герой Социалистического Труда Т. С. Мальцев пишет: «В моей библиотеке не одна тысяча томов политической, научной и художественной литературы. Все свободное время я отдаю чтению. Особенно я люблю нашего знаменитого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, который в романе «Хлеб» с непревзойденным мастерством воспел поэтическую природу и плодороднейшие черноземы центрального Зауралья»[1]).

---

[1]) «На земле курганской». Курган, 1949, стр. 14.

Прошлое Зауралья нашло свое изображение и в таких произведениях Мамина-Сибиряка, как «Наследник», «Зверство», «Крупичатая».

Творчество писателя-гуманиста дорого и близко советским людям — наследникам прогрессивной культуры прошлого.

В. Я. КОКОСОВ

В начале XX века демократический читатель с интересом следил за очерками и рассказами из жизни каторжных, печатавшимися в журнале «Русское богатство» и различных газетах. Автором их был Владимир Яковлевич Кокосов (1845—1911).

Кокосов родился в с. Крестовском, Камышловского уезда, Пермской губернии (ныне Далматовский район). Восемь лет он проучился в Пермской духовной семинарии, там подружился с Ф. М. Решетниковым. В тайном кружке семинаристов читал статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, «Колокол», «Полярную звезду» Герцена и другие запрещенные издания. За участие в кружке в 1861 г. он был отчислен из семинарии «по нерадению к ученью и неблагонадежности», а через год сам попросил исключить его из «духовного звания».

В Петербурге, куда Кокосов переехал в 1863 г., он познакомился с Н. Г. Помяловским. 16 мая 1864 г. он присутствовал на гражданской казни Н. Г. Чернышевского, о котором впоследствии написал интересные воспоминания.

Работая чернорабочим, Кокосов одновременно готовился за курс гимназии и в 1865 г. сдал экзамен на аттестат зрелости.

С помощью С. П. Боткина он поступил в Медицинскую академию, после окончания которой, в 1870 г., был направлен в Иркутск, а затем назначен врачом Карийской каторги. Здесь он служил десять лет.

Кокосов отличался гуманным отношением ко всем каторжанам, а встречи с политическими были, по собственному признанию писателя, для него «нравственным спасением».

Из Кары Кокосов переехал в Акшу, где прослужил 17 лет. Некоторое время он был начальником Читинского военного госпиталя.

Впечатления, полученные на Карийской каторге, заставили его взяться за перо. В 1900 году на склоне лет Кокосов принялся за обработку собранного материала. В майском номере журнала «Русское богатство» за 1902 г. появился его первый рассказ «Не наш», а в 1907 г. в Петербурге вышел его сборник «Рассказы о Карийской каторге» — восемь произведений, в том числе «К воспоминаниям о Н. Г. Чернышевском».

Писатель рисует произвол каторжной администрации («Не наш»), рассказывает об издевательствах властей над человеком («Воспоминания врача о Карийской каторге»), пишет о нравственно красивых людях, скрывающих свою душевную доброту под внешней суровостью («Трофимыч»), о зверствах смотрителя Шарабарина («Ласковый»), о загубленных царской каторгой человеческих жизнях («Яшка»).

Произведения Кокосова правдивы, полны веры в жизнь, в людей, в их духовное возрождение. Они воспринимались передовым читателем как осуждение бесчеловечного царского режима и многообразных форм угнетения человека.

В 1903 г. Кокосов переехал в центральную Россию. Он писал статьи о безжалостной расправе царизма с участниками революции 1905 г., осуждал деятельность карательных экспедиций. Кокосов не принимал непосредственного участия в политической борьбе, но сочувственно относился к жертвам самодержавного произвола. Писатель-демократ, он своими произведениями помогал утверждению в людях чувства собственного достоинства, воспитывал критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю.

Последние пять лет Кокосов жил в Нижнем Новгороде.

В советское время стараниями краеведа Е. Д. Петряева собран биографический материал о писателе. В 1955 г. в Чите вышел сборник его рассказов «На Карийской каторге».

К. Д. НОСИЛОВ

Зауралье — родина известного полярного путешественника, этнографа и писателя Константина Дмитриевича Носилова.

К. Д. Носилов родился 17 октября 1858 г. в селе Маслянском, Шадринского уезда, Пермской губернии, в семье священника. Первые уроки жизни будущий путешественник получил от охотников и рыбаков, часто посещавших дом отца. Он слушал их рассказы, которые открывали перед ним увлекательный и яркий мир природы.

К. Д. Носилов

Живой интерес к природе и людям, любовь к свободе, во многом определили жизненный путь Носилова.

По настоянию отца он поступил в Далматовское духовное училище, по окончании которого стал воспитанником Пермской духовной семинарии, где в то время учился будущий изобретатель радио А. С. Попов. Однако карьера священника не прельщала Носилова. Его увлекали путешествия, ему хотелось все видеть, наблюдать, открывать. Когда в 1877 году за выступления против строгостей казенного режима он был исключен из семинарии, его это мало огорчило. С этого времени начинаются хождения Носилова по Уралу и Крайнему Северу.

В путешествиях перед ним открывался многообразный мир. Он встречался с разными людьми, узнавал жизнь многих народов. После знакомства с Северным Уралом Носилов три года провел на Новой Земле, жил на полуострове Ямал, бывал в Палестине, Турции, Египте, Греции, путешествовал по Западной Европе, слушал лекции в Париже, изучал природу и быт населения Алтая и Восточного Казахстана, ездил в Китай. Это дало ему огромный запас жизненных наблюдений. Увиденным хотелось поделиться с людьми. В 1879 г. в «Екатеринбургской неделе» появился первый очерк Носилова «Путевые заметки».

Уже в этом произведении проявляются его незаурядная наблюдательность, умение видеть типические стороны народной жизни и раскрывать их в запоминающихся образах и картинах.

Носилов пришел в литературу в конце XIX в., перед буржуазно-демократической революцией 1905 г. Это был период всенародного подъема в стране, начало активной борьбы против самодержавно-помещичьего строя. Выступления пролетарских масс активизировали деятельность демократически настроенных слоев населения. К литературному движению, во главе которого стоял Горький, примкнули такие талантливые писатели, как Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк. К литераторам этой ориентации, чье творчество способствовало развитию народного протеста против самодержавного деспотизма, учило ценить и уважать народ, помогало пробуждению в нем общественного сознания и воли, призывало любить могучую трудовую Русь, принадлежал и Носилов. Его произведения вели читателя на окраины страны, знакомили с жизнью «инородцев», расценивали царскую Россию как «тюрьму народов». Много общего у Носилова с демократической литературой и в использовании принципов и приемов художественной типизации жизненных явлений.

Этнографические статьи Носилова, его очерки и рассказы привлекали внимание многочисленных читателей. Они печатались в различных газетах и журналах

(«Детское чтение», «Родник», «Юная Россия», «Всходы»), выходили отдельными сборниками.

Внимательно следил за творчеством Носилова Чехов. Узнав, что он собирается издавать сборник своих произведений, Чехов посоветовал ему обратиться в издательство «Знание»: «Эта фирма, как мне кажется, для Вас подходящая. Она издала много хорошего, между прочим Горького»[1]).

В близких отношениях с Носиловым находился и Мамин-Сибиряк, подаривший ему сборник своих рассказов «Из уральской старины» с надписью: «Дорогому земляку и землепроходцу от Д. Мамина-Сибиряка, 1910 г., 19 янв., Птбург».

Расцвет литературной деятельности Носилова относится к началу XX века. Один за другим появляются сборники его произведений, находившие теплый прием у читателя и требовавшие повторных изданий.

В последние годы жизни Носилов почти отходит от литературы, увлекшись научно-географическими изысканиями. С 1920 г. он участвует в подготовке полярных экспедиций, намечавшихся Советским правительством, публикует ряд статей о Севере. В 1921 г. на специальном заседании Носилов делает доклад о возможностях освоения Северного морского пути. Незадолго до смерти он переехал в местечко Хоста (теперь Пиленково), находящееся на берегу Черного моря. 3 февраля 1923 г. он умер.

Интерес к творчеству Носилова не ослабел и в советское время.

Литературное наследство Носилова обширно. Отдельными изданиями выходили его рассказы: «Галейко», «Юдик», «Клуша», а рассказ «Таня Логай» переиздавался три раза. В 1937—1938 гг. в Свердловске вышло два издания «Северных рассказов» Носилова. В двухтомном сборнике «Рассказы и повести дореволюцион-

---

[1]) А. П. Чехов. Полное собр. сочинений и писем. М., 1950 г., т. 19, стр. 277.

ных писателей Урала» (Свердловск, 1956) помещено семь рассказов писателя.

Очерки и рассказы Носилова, разнообразные по тематике, охватывают большой круг жизненных явлений, раскрывают сложные общественные отношения, рисуют жизнь далеких северных окраин и изображают близкое писателю Зауралье. Многие его произведения посвящены детям. Следуя традициям С. Аксакова, Л. Толстого, Н. Гарина, Носилов, однако, своеобразен в изображении детской души. Он не рассказывает подробно о физическом и духовном росте ребенка. Основное внимание обращено на поступки и поведение юного героя, через которые и раскрывается его внутренний мир.

Рассказы «За саранками», «Волки», «Дедушкины журавли» автобиографичны. В них действует живой любознательный мальчик, который жадно всматривается в окружающий мир, хотя еще по-детски наивно воспринимает его. С деревенскими ребятами Костя убегает в лес, собирает ягоды, делает набеги на птиц, ловит рыбу. Эти похождения закрепили за будущим путешественником прозвище «бродяги». «Мои желания выходили только из сердца, а оно меня тянуло на волю, и я мечтал о свободе путешествий», — писал он в рассказе «Мои первые путешествия».

Запоминается мальчик Тимка из рассказа «Тимка-переселенец». Жизнь заставила его рано возмужать. Спасаясь от голода, Тимка с отцом и матерью едет в кустанайские степи. Мать его умерла дорогой, а отец отправился в поисках счастья в Сибирь, на золотые прииски. Тимку отдали в батрачонки к кулаку. Но он убегает домой, в родную деревню, немало приняв по дороге лишений.

Тема трудового детства раскрывается в рассказе «Семка-ямщик». Десятилетний Семка не по-детски развит, хотя не имел возможности посещать школу. Однако он научился читать у своей сестры. «Как же, — и читаю и пишу. Ничего не уходит», — гордо заявляет он. С достоинством взрослого человека, честно зарабо-

тавшего свой хлеб, он принимает от проезжающих «на водку», чтобы купить себе обувь.

Особое место среди произведений Носилова, героями которых являются дети, занимает рассказ о девочке из семьи приписного рабочего одного из уральских заводов, с именем которой связано открытие золота на Урале («Катя Богданова»).

Бойкая четырнадцатилетняя Катя была коноводом в играх. Ловкостью и выдумкой она превосходила своих сверстников. Не боясь медведей, она отправлялась в дальние горы за малиной. В ее корзинке всегда было больше, чем у других, грибов и ягод. Всех быстрее она умела собирать и разноцветные камешки, которые вымывала заводская речка Мельковка. На этой речке она и нашла однажды тяжелый камешек, оказавшийся золотым самородком. Управляющий заводом, к которому привели Катю, распорядился выпороть девочку на конюшне. Но весть о золоте широко разнеслась по Уралу. Омытое слезами и кровью ребенка, уральское золото стало далеко известно за пределами края.

Рассказ проникнут глубоким сочувствием к Кате, которая вместо награды за свою находку была подвергнута тяжелому и унизительному наказанию.

Писателя привлекают светлые картины детства. Он сознательно избегает изображения тяжелых сторон жизни своих маленьких героев, которые, как правило, принадлежат к трудовой среде. Рассказывая о них, Носилов всегда отмечает благотворное влияние труда на формирование и развитие характера человека.

События в детских рассказах Носилова развиваются на фоне близкой ему природы Зауралья. Он пишет о красавице Исети и зеленых лесах, окаймляющих ее берега, о бесчисленных озерах и речках, придающих своеобразный оттенок зауральскому пейзажу, о летних росистых утрах и тихих солнечных вечерах.

Некоторые рассказы Носилова с детской тематикой несколько сентиментальны, рассчитаны на читателя с обывательским кругозором («Зося», «Медведь о. Серафима»), узок круг затронутых в них вопросов. Но та-

ких произведений немного, они явно кажутся инородными среди его душевных рассказов для детей.

Много очерков и рассказов Носилова посвящено жизни и быту нерусских народов царской России. Используя наблюдения, почерпнутые в многочисленных путешествиях, писатель рассказывает о необъятной, переливающейся красками казахской степи, напоенной ароматом цветущих растений, дает яркие зарисовки своеобразного быта казахов, рисует запоминающиеся образы степных жителей (рассказы «Керимко», «Галейко»). В серии очерков «По Туре, Тоболу и Исети» рассказывается о знакомстве автора с татарами, которые приветливо встречают русского путешественника, гостеприимно делятся с ним кровом и пищей.

В своих «северных» очерках писатель касается взаимоотношений русских и аборигенов Севера. Простые русские люди, селившиеся по соседству с манси, ханты и ненцами, оказывали благотворное влияние на них, знакомили их с земледелием и оседлым скотоводством, несли этим народам культуру.

Гостеприимно встречают местные жители тех русских, которые приходили на север как друзья и братья. Но царские чиновники и торгаши вызывают недоверчивое, враждебное отношение северян. «Русских он (манси Савва — **М. Я.**) не особенно любит, — пишет Носилов в очерке «Вогул Савва», — потому что знает их только со стороны заседателя и купца...». С большим сочувствием пишет путешественник о жителях, «запуганных местным начальством, обобранных нашими купцами, казаками, торговцами» (очерк «Через десять лет»).

Осуждая колонизаторскую политику правительства, писатель призывает помочь народам Севера, облегчить их участь. Но в то же время он не мог себе ясно представить, конечно, каким путем должно коренным образом решать национальную проблему.

Носилов показывает также, как местные кулаки и торговцы помогали русским колонизаторам закабалять бедняков. В результате ежегодных голодовок «остяк поневоле едет к кулаку и забатрачивает себя и свое се-

мейство» (очерк «Остяки»). Богачи-манси, торгуя водкой, спаивают бедноту, наживаясь за ее счет. В рассказе «История одного самоеда» выведен предприимчивый труженик-ненец Фома Вылку, попавший в кабалу к кулаку, в чьих амбарах «бесследно скрывалось» то, что он добывал годами охоты. «Фома объехал весь остров, — пишет Носилов, — перебил сотни моржей, тысячи тюленей, переловил капканами сотни песцов, осмотрел десятки островов, собирая там гагачий пух, но по-старому оставался бедняком, и, казалось, собери он все богатство моря, не вырваться ему из когтей этого кулака, не воротить ему потерянной свободы». Писатель не указывает выхода, но заставляет задуматься над существующими общественными отношениями.

Как друг, умный и отзывчивый, пришел сам Носилов к северным народам, выражая настроения той части демократического русского общества, которая верила, что порабощенные и вымирающие народности могут воспрянуть к новой жизни. «Они способны к культуре, к возрождению, — пишет он в очерке «Остяки», — и никак не должны почитаться нами за пропащее племя, присужденное природой к вымиранию».

Ненцы и манси, ханты и коми — любознательный, предприимчивый и смелый народ. Они любят свой край неисчислимых богатств, край будущего, хотя и очень далекого, по мысли Носилова. Они похожи на исследователей-путешественников, так как любят новое и неизвестное, что несет их промысел, и охота, и путешествия по тайге и тундре. Множество хитроумных приспособлений придумали они для ловли рыбы, птицы, зверя. Северяне умеют глубоко понимать жизнь природы, проникать в ее тайны. Суровая, полная труда и опасностей жизнь закалила их волю. Они привыкли к постоянной борьбе за жизнь, не робеют перед опасностью, бесстрашно пускаясь в далекий путь и по скованной снегом тундре, и по бушующему морю. «Они не боятся даже самой бури в этом ледяном море, когда льды набрасываются друг на друга с грохотом, осыпая друг друга обломками и снегом; когда льдины качаются, как

в люльке, на этих волнах, стонут и скрежещут своими ледяными краями и трещинами и словно грозят смертью» (очерк «На Шараповых Кошках»). Сильный духом северянин спокоен «даже перед лицом самой смерти».

Многочисленные встречи и беседы с ненцами, манси и ханты убеждают писателя в их большом природном уме, трезвом взгляде на жизнь, в мудрой рассудительности. «...Часто казалось,—пишет он в очерке «Ясак»,— что я сижу с русским мужиком, здравый смысл которого, наблюдательность, спокойный взгляд на вещи так и говорят, что он не даром прожил на свете». Жители Севера предупредительны и ласковы, скромны и добры, подкупают простотой обращения, честным радушием, большой человечностью в отношениях между собою, прекрасными душевными качествами. Писатель говорит о поэтической одаренности северных народов, об умении их в песне, пляске, музыке воспроизвести тончайшие наблюдения над жизнью людей и природы.

В рассказах «Из жизни вогулов (Вогульский театр)» и «Вогул Савва и его внуки» описано народное представление — охота на оленей. Импровизированные актеры, перевоплощаясь в охотников и оленей, так правдиво изображают сцену, что слушатели находятся в постоянном напряжении, наблюдая за развитием событий. В особенно драматических местах, когда охотник поражает стрелой самку оленя, а потом детеныша, в публике слышатся тяжелые вздохи, женщины утирают слезы, дети поражены.

«28 марта приходил ко мне Толстой Л. Н., — записал в своем дневнике в 1897 г. А. П. Чехов. — Я рассказал ему содержание рассказа Носилова «Театр у вогулов» — и он, по-видимому, прослушал с большим удовольствием»[1]). В статье «Что такое искусство?» Толстой, передавая содержание рассказа Носилова, определил театральное представление манси как подлинное творчество народа. «И я по одному описанию по-

---

[1]) А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1956 г., т. 10, стр. 546.

чувствовал, — пишет Л. Н. Толстой, — что это было истинное произведение искусства»[1]).

Отмечая прекрасные душевные качества народов Севера, автор далек от идеализации их жизни. Он ведет читателя в грязный, кишащий насекомыми чум, отмечает суеверность жителей Севера, вскрывает источники темных инстинктов и суеверий, показывает постоянную зависимость северян от природы, тлетворное влияние на них шаманов, хищнические устремления царских колонизаторов, держащих их в покорности и страхе. В результате «край беднеет и вымирает», беднота «нищенствует и попадает в батраки», честного труженика ждут «вечная нужда и недоедание, вечная забота о пище, и вечные долги, и зависимость от богатого человека», — пишет Носилов в очерке «История одной полярной зимовки».

С большой любовью Носилов пишет о маленьких жителях Севера. О короткой жизни мальчика-ненца повествует рассказ «Юдик». Любознательный ребенок «с черными любопытными глазами и курчавыми прядями черных, как смоль, волос» пытливо вглядывается во все, что видит. Ему все хочется знать, грамота дается ему легко. Особенно он любит слушать рассказы о больших городах, новых землях, незнакомых людях. Он страстно привязан к природе, прекрасно изучил повадки животных, жизнь птиц, он любуется ими, как художник совершенным произведением искусства. Пытливый ум мальчика жадно впитывает все живое. Юдик мечтает побывать в городе, тянется к книге, знаниям. Но суровая зима и страшный голод рано оборвали его жизнь.

О смелой ненецкой девушке Тане Логай повествуется в одноименном рассказе Носилова. Невысокая, смуглая, с блестящими черными глазами застенчивая девушка, почти ребенок, пользуется большим уважением в крае. Она с детства пристрастилась к охоте, вместе с отцом и братом промышляет песцов, тюленей и даже медведей; Таня ловко управляет собачьей упряжкой, бесстрашно пускается в далекий путь, оберегает семью, когда

[1]) Л. Н. Толстой о литературе. М., 1955 г., стр. 437.

взрослых нет дома. Она горячо любит природу, родную тундру, однообразные красоты которой близки и дороги ей. Молодые ненцы давно заглядываются на удалую красавицу, но Таня предпочитает оставаться в родной семье, не желая «менять свободы и ружья на чум и котлы».

В творчестве Носилова также получили свое отражение жизнь и труд рабочих дореформенной и пореформенной России. В очерке «На алтайском прииске» он с возмущением пишет о невыносимых условиях работы приисковых рабочих-казахов, с гневом обличает владельцев приисков. О полном бесправии крепостных рабочих говорится в рассказе «Катя Богданова».

Многие произведения Носилова посвящены охотничьим приключениям, случаям на рыбной ловле и во время путешествий: «За карасями», «На лабазе», «Медвежье царство», «На юровой», «На важанах». Занимательность повествования сочетается в них с глубоким проникновением в мир природы; рассказы знакомят со смелыми и мужественными людьми, воспитывают решительность и отвагу.

О чем бы ни писал Носилов, в поле его зрения всегда находятся скромные люди, искусники и умельцы, представители трудового народа. Писатель с восхищением говорит о физической и духовной красоте простого человека, о его неутомимости, здоровье и нравственной силе, о яркой талантливости.

Носилова с полным основанием можно назвать певцом северной природы. Никто до него с такой полнотой, выразительностью и силой не изображал своеобразных красот далекого Севера. Природа в таких очерках и рассказах, как «Полярная весна», «Белые ночи», «Полярная буря», «Тундра и ее обитатели», живет, искрится, сверкает переливами северных красок. Другие пейзажные картины, выдержанные в гоголевских традициях, полны восхищения красотами родной природы, светлой радостью человека, наслаждающегося жизнью. «Степь! Степь! — пишет он в рассказе «Керимко», — сколько прелестей в тебе в такое летнее утро, сколько

свежего воздуха, который, словно здоровьем, вливается в грудь, сколько тепла и света — яркого, которым пронизывает тело человеческое, как будто нежа его, вливая в него что-то такое жизненное, бодрящее, вызывая его к деятельности и жизни!..»

Любование красотами природы приводит иногда писателя к утверждению, что образованием и искусством человек «искажает самую природу». Но такие мотивы редки. К тому же писатель не мыслит природу вне творческого воздействия на нее человека, вне связи с его трудовой деятельностью. Характерен в этом отношении рассказ «Вогул Галя». В нем с сожалением отмечается, что пусты красивые берега привольной реки, если по ним не спускаются «серые избушки русской деревни», если вокруг не звучат голоса людей. Природа без человека, оживляющего ее своей деятельностью, мертва.

Особую группу произведений Носилова составляют очерки и рассказы о животных, они полны тонких наблюдений над жизнью домашних животных и диких зверей. В увлекательной и живой форме писатель рассказывает о выносливых, умных и преданных человеку собаках («Яхурбет», «Тасо»), любопытном молодом тюлене («Пип»), о резвых соболях («Соболек»), юрких и подвижных песцах («Песец»).

Произведения Носилова своеобразны. В писателе слились воедино пытливость исследователя, страсть охотника и впечатлительность поэта. Активным действующим лицом его очерков и рассказов почти всегда выступает сам автор. Его отношение к жизни проступает обычно и в прямых высказываниях, и в лирических отступлениях, и в призывах к читателю. Некоторые очерки представляют по форме непринужденный разговор, дружескую беседу с читателем, в процессе которой раскрываются характеры людей, взгляды писателя на жизнь.

Глубокой любовью к родине, к простым людям проникнуты произведения Носилова. С чувством гордости говорит писатель о том, что и на далеком полярном

острове, и в непроходимых дебрях тайги, и среди каменистых ущелий гор «вдруг, оказывается, тут уже был русский человек и все это видел и знает».

Писатель в Носилове неотделим от исследователя, занятого мыслью служить людям своими открытиями. «Мы не открыли полюса, мы не нашли новых островов и стран, — пишет он о результатах своего путешествия на Север в очерке «На берегу Карского моря», — но мы нашли еще кусочек земли, который несомненно даст впоследствии хлеб человеку».

Фактическая и жизненная достоверность — характерные особенности произведений Носилова. В основе каждого лежит обычно конкретный случай, который позволяет ввести в повествование нескольких действующих лиц, раскрыть их характеры, показать интересы и представления героев. Сюжет у него всегда прост, прямолинеен, лишен внешних украшений, создан на строгом отборе характерных жизненных фактов с непременной их оценкой и практическими выводами автора.

Введение в повествование дневниковых записей, воспоминаний делает изложение убедительным и конкретным. Особую живость придают вставные рассказы героев с их яркой речевой характеристикой. Значительную роль в композиции играет диалог.

Демократизму содержания очерков и рассказов Носилова соответствует их язык. В нем слышна мелодия народной песни, ритмика народной сказки, видна пословичная сжатость и выразительность формы.

Гуманистическая направленность произведений Носилова в сочетании с простотой и доступностью изложения и раньше привлекала многочисленных читателей. Многие произведения писателя не потеряли своего значения и в наши дни. Они вызывают гневный протест против национального и колониального гнета во всех его проявлениях и формах, воспитывают чувство дружбы к народам малых национальностей, учат понимать и любить природу родных мест, развивают пытливую жизненную наблюдательность у юного читателя. Луч-

шие очерки и рассказы Носилова увлекают пафосом исследования, романтикой открытий, зовут к труду во имя родины и народа, воспитывают смелость и настойчивость в преодолении преград.

К. К. ХУДЯКОВ

В Зауралье прошла вся жизнь яркого по дарованию талантливого поэта-самоучки Кондратия Кузьмича Худякова.

Худяков родился в 1886 г. в г. Кургане в семье железнодорожного будочника. Восьми лет мальчик остался круглым сиротою и был взят на воспитание двумя тетками из с. Глядянского. Это были старообрядки, до фанатизма преданные «вере». В этой суровой семье прошло трудное детство поэта. Десяти лет он уже пахал пашню, помогал в хозяйстве. Посещать школу не пришлось, грамоте он учился у старика по псалтырю и гораздо позже узнал гражданскую азбуку. С тех пор у юноши появился острый интерес к книгам светского содержания.

Старший сын Кондратия Кузьмича Ф. К. Худяков вспоминает: «Однажды ему попала в руки книжка стихов Лермонтова. Эта-то книжка и повернула его судьбу совсем в другую сторону. Отца поразило: как, оказывается, можно красиво, образно и складно выражать мысли и думы на настоящем русском языке. Ему страшно захотелось самому научиться складывать такие красивые стихи и песни. И он начал пробовать».

Книгам отдавалась каждая свободная минута. Читать приходилось тайком, так как гражданские книги в семье считались «нечистыми». Однажды тетки вызнали про занятия племянника и сожгли его книги. Однако это не потушило страсти юноши к чтению.

После женитьбы, в 1906 г., Худяков переехал в Курган. Началась жизнь, полная забот о куске хлеба. Он конопатил дома, работал грузчиком на железной дороге и пивоваренном заводе, служил фонарщиком, был приказчиком в скобяном магазине, печником.

В 1910 г. Худяков устроился на работу к живописцу Я. Бабину и вскоре усвоил это ремесло, а затем открыл в подвальном помещении небольшую мастерскую вывесок.

Огромная жажда знаний по-прежнему влекла Худякова к книгам. Отказывая себе и семье во многом, он покупал сочинения Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Никитина, Дрожжина и других любимых поэтов. По словам Ф. К. Худякова, за несколько лет (1911—1914) его отец собрал библиотеку, в которой было до сорока имен русских писателей и поэтов (в том числе Мамин-Сибиряк, Короленко, Горький, Маяковский), зарубежные писатели и поэты, словари, «Большая энциклопедия», «История искусств» и различные периодические издания.

К. К. Худяков

В Кургане Худяков познакомился и подружился с наборщиком типографии, будущим известным советским писателем Вс. Ивановым, с поэтом-самоучкой И. П. Малютиным, поэтессой Н. Аркадьиной, поэтом М. Голодным. В воспоминаниях об отце Ф. К. Худяков пишет: «У отца был обширный круг знакомств как в городе, так и в деревне: мастеровые, рабочие, крестьяне, мелкие лавочники, студенты, реалисты, медики, адвокаты, учителя, работники книжного дела, газетные работники, солдаты и офицеры-фронтовики, литераторы, художники».

Большая семья Худякова снимала квартиру в доме по ул. Троицкой (теперь — Куйбышева, 54), жила крайне стесненно. Вс. Иванов, живший в то время в Кургане, рассказывает: «Обитал Кондратий в двух крошечных комнатушках. В одной комнатушке был маленький письменный стол с секретным отделением, им самим сколоченный. Секрет этот был ему нужен, видите ли, для того, что он все время собирался уйти в «политику» и прятал бы тогда в секретном отделении прокламации и воззвания. Но на этом письменном столе писать ему не удавалось: за дощатой перегородкой величавыми и глубокими сибирскими голосами орало множество его детей, жена стряпала еду, соседки доканчивали беседу, о чем начали, идя на базар, — и мой Кондратий уходил писать стихи на сеновал... Бывало, придешь к нему, а сынишка говорит: «Батя на сеновал мыслить отправился»[1]).

Революцию Худяков встретил восторженно. О его политических взглядах красноречиво свидетельствует автобиографическая запись: «С первых дней революции я вступил в партию. Многие товарищи из советских работников знали мои убеждения как левого и вполне сочувствующего большевизму. Я пришел к тому сознанию, что для меня нет иного пути, кроме пути, по которому идет пролетариат России и на который зовет с собою пролетариев всего мира. Пусть будут ошибки, пусть мы даже потерпим поражение, но отступления не будет, мы будем знать, что долг свой честно исполнили, и уже одного этого сознания достаточно нам в награду за борьбу против поработителей рабочего класса. Мы будем ошибаться и учиться исправлять свои ошибки, но не отдадим свою свободу, слишком уж дорогой ценой она нам досталась. Лучше смерть в бою, где-нибудь в бескрайних полях глухой пустынной Сибири, лучше безвестная могила, чем позорная цена рабства».

---

1) Всеволод Иванов. Избр. произведения в 2-х томах, т. 1, М., 1954, стр. 375—376.

Перед поэтом открылись широкие горизонты. Много планов новых произведений вынашивал он. Но задуманное, к сожалению, осуществить не удалось. Весной 1920 г. Худяков заболел тифом и 7 апреля скончался в Курганской городской больнице. Хоронили его друзья из совпартшколы и близкие знакомые.

Еще в деревне Худяков пробовал писать стихи. И живя с семьей в Кургане впроголодь, тратя много времени на поиски работы, он находил все же время заниматься поэзией. В своей автобиографии он пишет:

«Не имея никакого образования, кроме умения писать и читать, я принялся за самообразование и своими собственными усилиями, между работой за скудный кусок хлеба, без всякой системы и посторонней помощи, сумел приобрести кое-какие познания в области литературы».

С 1910 г. его стихи стали появляться в местной «Народной газете», «Курганском вестнике», «Жизни Алтая», альманахе «Пробуждение», а затем и в столичных изданиях: в газете «Правда» (петроградская), журнале «Жизнь для всех», в «Сборнике пролетарских писателей» М. Горького и других. Стихи его нередко печатались под псевдонимами «Сибиряк-Тобольский», «Черный бор», «Степной ворон».

В 1916 г. Вс. Иванов издал первую книгу стихотворений Худякова «Сибирь». Она была набрана и напечатана друзьями поэта — рабочими Курганской типографии в нерабочее время, бесплатно. Один экземпляр книги Худяков послал И. П. Малютину с автографом: «Другу поэту Ивану Петровичу Малютину. Автор. 1 ноября 1916 г., г. Курган». Сейчас книга стала библиографической редкостью.

Вскоре, в 1919 году, Худяков подготовил к печати второй сборник стихов. По сообщению дочери поэта А. К. Максимовой, в его архиве сохранилась бумажка с надписью: «Кондратий Худяков. Вторая книга стихов. Изд. В. А. Поваренкова, г. Курган, 1919 г.». Книга не увидела света: в типографии не оказалось бумаги.

Литературная деятельность Худякова, продолжавшаяся десять лет, развивалась в традициях Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Им было опубликовано около двухсот стихотворений. Многие из них, напечатанные в различных газетах, журналах и сборниках, до сего времени не собраны и ждут своего исследователя.

Сквозной темой творчества Худякова является тема родины, родного ему Зауралья. Поэту нравится бродить утрами по росистой траве, дышать горьковатым запахом полыни, слушать звуки просыпающейся природы. Поэт любит:

...Следить, как тают ночи тени,
Как новый день встает звеня;
И греть уставшие колени
У потухавшего огня...

И в колдовстве истомной неги,
Вдали от шума и молвы,
Дремать под музыку телеги
На мягком бархате травы.

В родных просторах поэт черпает силы. Восхищенный его взор любуется «стальной ширью» могучих северных рек, полетом орла в бескрайней голубизне, бесконечными равнинами, уходящими вдаль, «царственным простором» лугов, пашен, болот, лесов (стихотворение «Сибирь» — 1919 г.).

Да, это ты, моя родная,
Моя суровая Сибирь!..
Твою природу воспеваю,
Тобой живу, тобой страдаю,
Люблю твоих просторов ширь!

В стихотворении выражена горячая вера в грядущее обновление родного края:

Страна колодников, я верю, ты воспрянешь
И сбросишь гнет томительного сна!
Моих надежд ты, верю, не обманешь,
Из края изгнанных — избранных краем станешь,
Моих отцов суровая страна...

О родных местах поэт рассказывает в стихотворении «На Тоболе» (1916):

Июльский день жарою пышет,
Струится маревом река...
В песчаный яр зеленой крышей
Вросла землянка рыбака...

Вокруг запущенного входа
Спустился старенький плетень...
И от суглинок позолота
Легла на вянущий бредень...

В стихотворении «Город Курган» (1915) дана зарисовка бытовой картины, типичной для этого города в прошлом:

Телеграфных столбов частокол
Опоясал твои переулки...
Каланчи так размеренно гулки...
Грязь, урядник, скандал, протокол...

Вот старушка крестится на храм...
Бьет извозчик клячонку нещадно...
Хулиганы бранятся площадно...
В серых будках посты по углам.

Образ родины в сознании поэта неразрывно слит с образом народа-труженика. Народ представляется ему в облике богатыря Ильи Муромца, совершившего ратный подвиг, смявшего и разбившего врагов Руси. Илья Муромец «и поныне все живой...».

И над вражьими погостами
Ходит с севом богатырь,
Бороздит плугами острыми
В летний зной степную ширь...

С горечью говорит поэт о страданиях народа не только от насильников-татар, но и от произвола и злой воли господ и царя:

Эх, не страшен плен татарщины:
Он не столько зол и лют,
Сколько палка нашей барщины,
Плаха черная и кнут...

Он призывает верить в «солнце прекрасное», которое обязательно взойдет над измученным народом («Толща народная», 1919 г.).

Во многих стихотворениях говорится о трудовых буднях крестьянина («Весной на пашне», 1915), рисуются

картины деревенского быта («Осень деревенская», 1915). Поэт немногословен и точен в реалистических зарисовках крестьянского быта. Характерно в этом отношении стихотворение «В избе» (1916). Неуютна, грязна крестьянская хата днем. Играют и ссорятся чумазые дети. «Ложками Филька с сестренкой лупят в ведерное дно». А ночью наступает томительная тишина, прерываемая сонными вопросами детей к бабушке, разговорами взрослых о будущем севе.

Поэт рисует не только тяжкий труд, но и радость людей, заслуживших отдых. В стихотворении «На страде» (1916) он пишет о закончивших работу жницах, с песней возвращающихся на стан:

Провожали рожь поклонами,
Садко солнышко пекло.
По ракитникам за склонами
Эхо песню разнесло...

Обогнули полумесяцем
Золотистое жнивье:
На бугре у перелесицы
Задымилось становье...

Поэт жил вместе с народом, «пил» из одной чаши с ним «горе и радости», испытал его «многострадную» судьбу.

Есть у него стихи о сподвижниках Ермака—смелых, удалых людях, «вольных кречетах», которых заставили «породниться с кистенем» помещичье самоуправство, «мор да порка с каждым днем». («Ватага Ермака», 1916). Удачно найденным ритмом, яркой лексикой, почерпнутой из устной поэзии народа, стихотворение выразительно передает силу, богатырскую удаль и бунтарство соратников Ермака:

Любо в ночку непогожую
Слушать волн гремучий хор,
Чалить струги с ценной ношею
Ветру вольному в упор...

Стихи Худякова оптимистичны. Поэт убежден, что «желанная свобода с братским равенством придут» («Рыцарь мира», 1914), он «видит отблески зарницы, в незакатный верит день» («Дети каменного века»,

1916), приветствует «маячные огни», которые увлекают вперед, зовут через усталость и горе идти к осуществлению задуманного:

И слышу голос я призывный:
«Вперед!.. Сомненья отгони!» —
Вперед, вперед, на подвиг дивный
Зовут маячные огни!..

(«Маячные огни», 1914).

Веря в свой народ, поэт не отделяет его судьбу от судьбы родины, своей страны:

Я верю в чары огневые
Мечты — волшебницы моей:
Восстанет юная Россия
Для новой жизни трудовой! (1916).

В разгар мировой войны Худяков пишет несколько стихотворений, резко отличных от многочисленных виршей, вроде стихотворения Е. Буракова «Сибиряк-воин жене», опубликованного в «Народной газете» за 20 мая 1915 г., где изображалась храбрость русских солдат в духе казенного патриотизма. «Сибиряк-воин» заявляет:

Царю и родине мы служим,
Шрапнель, гранаты — нипочем!

Худяков иначе показывает войну — в смертях, страданиях, крови, ужасах. Он видит «жалких» солдат, лежащих «в грязи окопов», идущих на «грозный бой».

И гибнут новых жертв живые миллионы
В бездушной и тупой механике войны!

(«Мировая скорбь», 1915).

Поэт видит солдат, которые идут «рядами серыми навстречу гибели и смерти» («Выступление», 1915). От взрыва снаряда, разорвавшего морозную тишину леса

...На месте чудной елки —
Сучки, древесные осколки,
В клочках кровавая шинель...

(«Рождественская елка», 1915).

Одним из ведущих жанров поэзии Худякова является пейзажная лирика. С ростом поэтического мастерства он идет от несложных пейзажных зарисовок к глу-

боким обобщающим картинам, находя точные и образные слова для выражения настроений и чувств, обращаясь к таким сложным формам стихотворной речи, как сонет.

Пейзажная лирика Худякова становится лирикой настроений. Картины природы вызывают в его сознании определенные ассоциации, уводят в мир общественных настроений и чувств. Стихотворение «Осенью» (1913) заканчивается словами:

И хочется верить, что лето
Осталось не там, позади...
Как много и красок, и света,
Мой друт, посмотри впереди!

В стихотворении «Весна» (1913) проходит этот же мотив. Поэт верит, что «солнце правды, солнце света разгонит долгой ночи тьму».

Умение найти яркую деталь отличает многие пейзажные произведения поэта. Таковы, например, последние две строчки в стихотворении «Осеннее» (1916):

Глубь небес в эмали синей
Лебедей станицы топит...

В стихотворении «На залежах чернополесья» (1916) одна деталь помогает воссоздать целую картину осени в Зауралье:

Дитя покинутых дорог,
Над пожелтевшею травою,
К меже колючей головою
Приник в тоске чертополох...

Несколько стихотворений Худякова написано в стиле народных песен («Невеста», «Невеста Ермака» и другие). В них поэт сумел передать и чувство печали «красной девицы», чью «волюшку» стережет «зла-коварная свекровь», и тяжелые предчувствия невесты, не получающей весточки от милого с «далекой стороны».

Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, предчувствуя обновление жизни, Худяков писал:

И на общих желтеющих нивах труда
Не услышишь тогда слов проклятья...
Человека-раба уж не будет тогда...

Многие стихи поэта звучат свежо и в наши дни. Они учат любить раскрепощенную родину, трудовой народ, понимать и ценить красоты родной природы.

АНТОН БЕЗРОДНЫЙ

Под таким псевдонимом в 1913—1916 гг. в «Народной газете» и других курганских изданиях печатались стихи Савелия Григорьевича Уткова.

Он родился в 1875 г. в деревне Золотой, ныне Половинского района, Курганской области, в семье бедного крестьянина. Семья жила впроголодь. «Помню один ячменный хлеб, — вспоминал поэт, — и то один хлеб, этот далеко не в достаточном количестве».

С детских лет в мальчике пробудилось огромное желание учиться. «Я во сне и наяву бредил школой и горячо желал учиться, — писал он в одном из писем, — рисовал себе чудные перспективы учения, чуть не со слезами радости набрасывался на первую попавшуюся книжонку, желая найти там что-то такое, что бы объяснило мне, как это люди много знают». Но ходить в школу мальчику не пришлось: знания приобретались урывками, путем самообразования.

Юноша Утков жил канцелярской работой, но все равно находился в крайней нужде.

После 1905 года он начинает сотрудничать в местной «Народной газете». Всего им напечатано более десяти стихотворений. Тематика их в основном связана с крестьянским бытом, с жизнью деревни.

В автобиографическом стихотворении «Дедова пашня» (1913) рассказывается о бесплодных попытках крестьянина-бедняка выбиться из нужды. Дед пахал «самородной сохою», которую вытесал ему односельчанин Кузьмич из березы, что «росла над родной полосою». Но

Лишь на пашне его рос не хлеб — лебеда,
Гибла сила его трудовая.

Потужил дед, решив, что Кузьмич, видимо, без молитвы соху тесал, и обратился к Фомичу. Тот «на диво сработал машину». Пашет дед...

Оглянулся и ахнул, руками развел:
Рожь росла пополам с лебедою.

Отправился дед к Фаддею, а тот посоветовал вернуться к сохе. Послушался старик.

И в труде надрывался, покоя не знал,
А рожь все ж росла с лебедою!..

Не увидел дед светлой жизни:

Кабала, кулаки заедали...
Непогода-нужда, злое горе кругом
Его мощную грудь надрывали...

Так и прошла жизнь — от горя к надежде, от обманутой надежды к бессильным жалобам на судьбу.

Стихотворение «Мой рыцарь» (1914) выражает раздумья поэта о человеке труда, о его славных делах и бездольной судьбе. Это он, труженик,

Туннели-проходы в горах пробивает,
Мосты воздвигает над пропастью круч,
В подоблачной выси пути пролагает
У грани синеющих туч,

Глубокие шахты упорно копает
И водит в морях корабли.
Он в вечном движенье упрямо шагает
От края до края земли...

«Одевая весь мир казной золотою», трудящийся человек нищ, ему нет доли, он «ночует под небом», «ест хлеб из мякины». Но поэт верит в обновление жизни, в иную судьбу труженика, отмечая его «недюжинный ум», «решимость и силу».

Стихотворение «Курган» (1913) посвящено прошлому и будущему Зауралья. Речь в нем идет о памятнике глубокой старины — кургане, находившемся в нескольких километрах от города Кургана, возле деревни Курганки.

Много видел на своем веку курган, что «над Тоболом-рекой возвышается». Засыпали его снега суровою зимою, летом зеленым ковром покрывалась его вершина.

Посещал, знать, курган
Пугачев Емельян,
Да ведь быль сплетена с небылицею.

Помнит курган время, когда

Из далеких степей
Средь курганских полей
Кочевая орда появлялася.

Да свершивши разбой
Иль набег удалой
В дебрях вольная вольница шлялася.

Прошли годы, многое изменилось в жизни. Стал иным и край, прежде безлюдный и дикий:

Уж не князь кочевой,
Не разбойник лихой
Здесь царит полновластным владыкою;

Проносясь на восток,
Паровоза свисток
Нам пророчит культуру великую...

Поэт видит, как обработал «широкую степь» плуг «хлебороба сибирского», и о прошлом родных мест только «в поле ковыль... тихо шепчет, от ветра качается».

В годы мировой войны поэт писал стихи, полные веры в Россию, в ее «лучезарный день» («Сон», «Я верю», «Темная сила»).

Умер Утков 26 ноября 1922 г.

Б. А. ТИМОФЕЕВ

Борис Александрович Тимофеев принадлежал к той части русской интеллигенции, которая вместе с пролетариатом пошла на штурм капиталистического строя, участвовала в боях за утверждение власти трудящихся.

Он родился 18 июля 1882 г. в городе Далматове, бывшей Пермской губернии, в семье врача-демократа. Отец Бориса Александровича блестяще окончил Казанский университет и был оставлен при кафедре. Однако стремление сблизиться с трудовым народом заставило молодого врача отказаться от карьеры ученого и переехать в захолустный городок Зауралья. В Далматове и прошли детские годы будущего писателя.

Тимофееву-врачу, не ладившему с начальством по своим политическим убеждениям, часто приходилось ме-

нять место службы: семья жила то в Шадринске, то в Медыне, Калужской губернии, то в подмосковном селе Люблино.

Борис Александрович учился в Екатеринбургской мужской гимназии, но был исключен за политическую неблагонадежность. Пришлось держать экзамен за курс гимназии экстерном. Прекрасные способности помогли ему выдержать на медицинский факультет Казанского университета. Воспитанный на демократических идеалах, он активно выступает на сходках, собраниях, участвует в демонстрациях и политических волнениях студентов. Это приводит его в тюрьму.

Б. А. Тимофеев

Тяжелая форма суставного ревматизма и начавшийся после освобождения из тюрьмы туберкулезный процесс заставили Бориса Александровича переехать ближе к родителям, жившим в Люблино, и поступить на юридический факультет Московского университета. В это время (около 1904 г.) вернулась из политической эмиграции сестра Вера. Революционные события 1905 г. в Москве и влияние сестры, убежденной большевички, не прошли бесследно. Вместе с братом Вадимом он вступает в боевую дружину и принимает непосредственное участие в баррикадных боях 1905 года.

Прогрессировавший тяжелый недуг заставляет его поехать лечиться в Каир, а затем в Италию, на Капри. Каприйский период жизни Б. А. Тимофеева значителен во многих отношениях. В эти годы (1908—1912) «от-

стоялись» его представления о русской действительности. Он глубоко осмысливал события, участником которых ему довелось быть, — студенческие волнения, московское вооруженное восстание. Это был период окончательного установления его политических взглядов, формирования большевистских убеждений.

На Капри определились литературные склонности и интересы Тимофеева, началась его литературная деятельность. Здесь он встретился с А. М. Горьким, вокруг которого группировалась писательская молодежь. «В то время на Капри, — вспоминал Горький, — жила небольшая группа литераторов: Николай Олигер, Алексей Золотарев, Борис Тимофеев, очень талантливый юноша, изуродованный ревматизмом, который потом и убил его...

Почти ежегодно приезжал Иван Бунин; мелькали Новиков-Прибой, Саша Черный, Илья Сургучев и еще многие... Все были молоды, жили весело; все были очень бедны, но жизнь тогда была дешевой, и кисленькое каприйское вино тоже было дешево»[1]).

Горький пристально следил за творческим ростом молодого писателя, внимательно читал его рукописи, давал советы и наставления. Встречи и беседы с ним явились для Тимофеева большой школой. Знакомство с Горьким оказало огромное влияние на формирование идейно-эстетических представлений Тимофеева.

Письма Тимофеева к Горькому проникнуты чувством горячей благодарности к писателю-наставнику, согреты душевной теплотой. «Знаю, что не так, не то пишу, что мне надо, а что — «будто знал и запамятовал», — пишет он А. М. Горькому из Москвы на Капри 27 ноября 1913 г. — Ох, дорогой Алексей Максимович, хоть бы Вы написали мне какое ни-на-есть вразумительное словечко: сильно я в этой штуке теперь нуждаюсь»[2]). В письме от 21 января 1915 г. он отмечает,

---

[1]) А. М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Том 17, стр. 317.

[2]) Архив А. М. Горького. К-Г-П, 57, 22. 2.

что крепко помнит о теме, подсказанной ему А. М. Горьким.

По возвращении из Италии Тимофеев остановился в Москве и сразу же вошел в среду писательской молодежи горьковского направления. Писатель Д. Н. Семеновский вспоминает: «У меня появились знакомые литераторы: Тимофеев и Новиков-Прибой. Оба недавно приехали с Капри. Оба жили на Таганке в общей квартире. Светловолосый, голубоглазый, сразу располагавший к себе Борис Александрович Тимофеев был автором повести «Сухие сучки» и небольших рассказов. Горький считал его очень даровитым. Тимофеев учился на медицинском факультете, носил выцветшую шинель и в шутку называл себя «вечным студентом»[1]).

Во время мировой войны Б. А. Тимофеев уехал санитаром на фронт, в течение двух лет был очевидцем страданий народа. В октябрьские дни 1917 г. он стал активным участником революционных боев. В это время Б. А. Тимофеев вступил в Коммунистическую партию.

Плодотворной была его непродолжительная работа в издательстве ВЦИКа. Ей он отдался целиком, с присущей ему страстью.

После кратковременного пребывания в Ялте, где он работал зав. отделом здравоохранения, Тимофеев возвратился тяжелобольным в Москву и 13 апреля 1920 г. скончался в расцвете творческих сил, не успев осуществить многого из своих замыслов.

Начало литературной деятельности Тимофеева совпало с поражением первой русской революции и последовавшей за этим реакцией. Но вера в торжество народа слышна уже в ранних его произведениях, написанных под непосредственным впечатлением революционных событий.

В 1909 г. на Капри Тимофеев написал рассказ «Последний приют» — о революционере, мужественном и сильном борце, не пожелавшем открыть палачам свое имя перед казнью. Образ «Жаворонка» — такова была

---

[1]) М. Горький в воспоминаниях современников. Гослитиздат. 1955, стр. 376.

его партийная кличка — вырастает в символ революционного героизма и самоотверженного мужества в борьбе за народное счастье. «Жаворонок» умеет подчинить личную жизнь революционному долгу. Слово и дело у него слиты. «Жизнь требует, — подчеркивает он, — чтобы ростки ее поливались кровью... и не только чужой... Будь готов и свою отдать...»

В № 1 альманаха «Энергия» за 1913 год публикуется повесть Тимофеева «Сухие сучки». Она была написана на Капри в 1911 г. и поднимала важную для своего времени тему: интеллигенция в ее отношении к революционному движению в стране.

События происходят после революции 1905 года в маленьком городке Асееве, по описанию очень похожем на Шадринск, где прошли юношеские годы писателя. Можно предполагать, что название городка взято по имени горы и деревни Осеевой, примыкающих к Шадринску. Описание Калинной слободы, заселенной кузнецами, слесарями и ремесленной беднотой, живо напоминает слободку Калиничеву, составлявшую неразрывную часть дореволюционного Шадринска. За многими действующими лицами повести встают реальные люди: доктор Захар Сергеевич — отец писателя, телеграфист Мелешин — шадринский портной Мелентьев, племянник Мелешина Сергей — террорист Н. И. Попов, убивший в 1907 г. шадринского воинского начальника Куньева[1]).

Однако было бы неправильным сводить содержание повести только к изображению жизни шадринской интеллигенции эпохи реакции, а в действующих лицах ее видеть лишь конкретных лиц, известных писателю. Как подлинно художественное произведение оно охватывает широкий круг жизненных явлений. Повесть посвящена жизни русской интеллигенции в годы безвременья, в ней показаны разные по характеру люди, раскрыты многообразные стороны человеческих отношений. Типический характер созданных писателем картин подчеркнул А. М. Горький в письме редактору альманаха

[1]) Вл. Бирюков. — Б. А. Тимофеев. «Стихи и проза». Литературный альманах Челябинской области, № 6, 1940 г., стр. 204.

Е. Ляцкому: «Дорогой Евгений Александрович! Посылаю повесть Тимофеева «Сухие сучки». Мне кажется, что ее следует напечатать — написана она недурно и должна вызвать в «уездной России» сочувственный отклик. Надо, чтобы телеграфисты, дьяконы, доктора знали, что они не забыты, о них думают, пишут и не одиноки они на обширной русской земле»[1]).

Унылым зимним пейзажем начинается повесть. Мутной пеленой окутывает городишко сизый туман, а вечером тонет Асеев в беспросветной тьме, среди бесконечных полей и лесов.

Однообразно, монотонно текут дни городских обывателей. «Мягкотелые, безучастные ко всему, что творится за пределами родного города, незаметно родятся они, живут скучной, полусонной жизнью и тихо, безропотно умирают».

Но эта тишина, этот покой составляют лишь внешнюю сторону жизни города. То там, то здесь дают о себе знать новые силы. Недаром именитый асеевский купец Ипат Трофимыч Силин встревожен слухами о «повсеобщей забастовке». Недаром энергично действуют шпики, выслеживая недовольных, неистовствуют жандармы: обыски и аресты следуют один за другим. Реакция свирепствует.

По-разному относится к происходящим событиям интеллигенция: некоторые растерялись от неудач революции, другие остались верными революционным традициям народа.

Носителем настроений первой части русской интеллигенции выступает телеграфист Мелешин. Во время революционного подъема он произносил пылкие речи, вместе с другими пел отходную старому миру. Но вот реакция перешла в наступление, и Мелешин упал духом. Его мучают сомнения, кругом чудится опасность. Пугает стук калитки, громкий возглас незнакомого человека. Ему страшно оставаться в тихой квартире с больной женой. Гнетущее чувство страха постоянно преследует Мелешина, его охватывает «непонятное опа-

---

[1]) М. Горький. Материалы и исследования. АН СССР, Л., 1934, т. 1, стр. 361.

сение за свою судьбу». «Вот возьмут и посадят, как Сергуньку, вывертывайся, оправдывайся потом...».

В ожидании чего-то страшного, неизбежного, Афанасий Петрович замыкается в себе, приходит к выводу, что «тихо надо держаться».

Спасение Мелешин видит не в противодействии, не в борьбе, а в приспособлении к сложившимся условиям жизни. Он хочет прикинуться сухим сучком, чтобы сойти за мертвого, обмануть бдительное око. «Прикинься сучочком, а внутри чтоб горело... Снаружи сухонький, мертвенький, а внутри горит, внутри светится... Так и обманем, так и обманем совиное благородие! А сами осторожненько, а сами тихонько, день за днем, без устали, что сами знаем, народу рабочему поведаем... И будет в нашей жизни утешение...», — предлагает он доктору Захару Сергеевичу.

Стремление обезопасить себя, заручиться поддержкой «хозяев жизни» приводит Мелешина в дом купца Ипата Силина, жизненные понятия которого несложны: «Чья сила, тот и прав!». Человек, в его представлении, подлец, и верить ему нельзя. Над народом, который «от делов совсем отбился, все с революциями возится», нужен властный хозяин.

Чтобы сорвать предполагаемую забастовку, Силин предлагает телеграфисту написать воззвание к именитому купечеству и православным христианам. И Афанасий Петрович покорно соглашается, сознавая в душе, что помогает разгрому единомышленников и друзей.

Не желая того, Мелешин становится предателем, выдавая полицейскому шпику сведения о тех, кто выпускает прокламации. Следуя жизненной правде, автор рисует логический конец Мелешина. С горечью думает Афанасий Петрович о том, что жизнь прошла впустую, не так, как мечталось. Пассивное сопротивление привело его к гибели. «Просмотрел свою жизнь», — печально признается он жене. Заподозренный в предательстве, пытаясь оправдаться перед друзьями своей смертью, Мелешин кончает самоубийством.

Мелешин выражает типичные настроения той части русской интеллигенции эпохи реакции, которая отказалась от действия и лишь горько размышляет о «подернувшейся пеплом» стране, проповедуя смирение и приспособленчество.

Носителям теории пассивного сопротивления противостоит в повести интеллигенция, оставшаяся верной народу до конца. Доктор Захар Сергеевич, называя эту теорию «опаснейшим явлением», так говорит Мелешину: «Ты пойми, — ежели все мы замкнемся в себе, притаимся, то что грозит нам?.. Ты говоришь, прикинемся сучками... Хорошо... сопротивление, так сказать, пассивное. Ох, гражданин, тут-то вся и опасность. Пойми ты, голова: прогресс связан с собственными усилиями организма... с его борьбой, понимаешь, борьбой за жизнь».

Тихо уходят из жизни люди, подобные Мелешину. Но борьба продолжается, и ее никто не в силах остановить, хотя царская охранка хватает революционеров, громит конспиративные квартиры.

Повесть Тимофеева утверждает право народа на борьбу за лучшую жизнь, призывая к активным действиям. Горьковское влияние проступает и в оценке автором явлений русской жизни эпохи безвременья, и в изображении города Асеева, напоминающего Окуров, и в словах некоторых действующих лиц. Это, в частности, отметил А. Амфитеатров в письме к Горькому от 2 октября 1913 г.: «Относительно длиннот Тимофеева я распорядился довольно свирепо. А талантлив и умен парень. Только ему уж очень хочется писать под Вас»[1]).

В этом стремлении молодого писателя подражать Горькому сказалась не только пора ученичества Тимофеева, но и духовное родство его с Горьким, близость идейно-эстетических взглядов начинающего писателя к горьковскому пониманию жизни.

О страшной участи бедняка в мире стяжательства и наживы, где и любовь продается за деньги, повествует рассказ «Музыкант Кандырин», напечатанный в треть-

[1]) Архив А. М. Горького. К-Г-П, 3-1-155.

ем номере большевистского журнала «Просвещение» за 1913 г.

Вскоре после приезда на родину в 1913 г. Тимофеев написал несколько рассказов, тематически примыкающих к каприйскому периоду его творчества. Среди них — «Пелагеюшка — раб Христов», «Ковальчук», «Марийка».

Ради большой любви к людям героиня рассказа «Пелагеюшка — раб Христов» отказывается от личной жизни, от притязаний на собственное счастье. Привязанность к людям перерастает у Пелагеюшки в жертвенную любовь к ним. Гуманизм этого рассказа носит абстрактный характер, и само произведение производит двойственное впечатление. Оно привлекает верой в лучшее будущее человека. Но утешительная любовь Пелагеюшки, приправленная христианской покорностью судьбе, приемлемой быть не может.

В рассказе «Ковальчук» идет речь о бежавшем от преследования жандармов русском рабочем, с которым автор встретился на Капри.

Ковальчук — не борец. Он не способен на решительный протест. Он может только плакать и страдать, изливая в жалобах свою душу. Ковальчук принадлежит к той части русских рабочих начала XX века, которые еще не приобщились к активной борьбе. И страдания его в значительной мере объясняются разобщенностью с революционным движением. В истории Ковальчука правдиво показана трагедия человека, разлученного с родиной и семьей.

Рассказ «Марийка» был опубликован в «Пролетарском сборнике» за 1918 г. Это повествование о политическом ссыльном студенте. Отрекшись от прекрасных мечтаний, он остается в глухой деревне ради практических дел, на которые зовет его совесть. На этом пути много невзгод, лишений, и поэтому, не желая подвергать опасности близкого человека, он отказывается от любви приехавшей к нему невесты Марийки и остается там, где он нужнее.

Горьковской простотой и жизненной правдой веет от повести Б. А. Тимофеева «Чаша скорбная». Он писал ее в

разгар мировой войны. На сохранившейся рукописи сделана рукой автора пометка: «15—21 октября 1915 г., 10 октября — 15 декабря 1916 г.».

В письме из Екатеринбурга от 20 октября 1916 г. к организатору дореволюционных большевистских изданий Ангарскому Тимофеев писал: «Два с лишним года провел я на войне, теперь приехал на отдых. Думаю до рождества побездельничать (вернее, заняться другим делом, не военным). Пишу целый агромадный роман из военной жизни! Рад, что за все два года воздержался и не написал ни одного военного рассказа! Ну, а теперь надо «очиститься» от всего, что повидал, а то больно тяжко в себе все носить»[1]).

Отношение к войне у русских писателей не было одинаковым. Одни стыдливо прятались от ее ужасов, уходили от общественных вопросов в мир душевных переживаний. В журналах десятками печатались «ура-патриотические», насквозь фальшивые военные рассказы, оправдывавшие ненавистную народу военную политику царизма. Но вместе с этим в литературе и искусстве был другой взгляд на войну.

В 1914 г. скульптор И. Д. Иванов-Шадр работает над монументальным «Памятником мировому страданию», в котором он изображает человечество, идущее сквозь муки и горе, страдания и слезы к светлому счастью. В 1915—1916 гг. В. Маяковский создает свою поэму «Война и мир», предрекавшую революционное освобождение отчизны от цепей рабства и деспотизма.

Повесть Тимофеева относится именно к этому направлению. В ней изображены события первых лет мировой войны в тылу и на фронте.

«Ранним июльским утром прискакавший в село Боровское стражник вручил старосте пакет. Вскоре забегали десятские, созывая народ.

— Эй, которые чередные! Война герману объявлена. Чтоб сейчас в волость...».

Так пришло в зауральскую деревню неожиданное и страшное известие о войне.

---

[1]) Библиотека им. В. И. Ленина. Москва. Рукоп. отдел, ф. 9, № 102.

Из дому Шибановых уходит на фронт младший сын Федор, оставляя четверых малолетних детей и жену Матрену «в тягости». Старая мать заговаривает его «от стрелы летучия и от всякого железа кованого и некованого...».

Стонал берег от бабьего плача, когда солдат отправляли в город. Задыхаясь, бежали солдатки за удалявшимся пароходом и «истомленные, падали прямо в песок и рыли его скрюченными пальцами».

Из маленького провинциального городка уезжают подпоручик Чубаров, кандидат прав Погожев. Один — на фронт, другой — в военное училище. Чубаров настроен восторженно, он готов «отдать всего себя родине» и уверен, что людей, сильных духом, какими он представляет своих соотечественников, «не расстрелять никакими пушками».

Как необходимость, с которой надо мириться, воспринимает войну Погожев. Война, по его словам, «словно состарила людей», они живут теперь только воспоминаниями и рассказами о прошлом.

В бесхитростных письмах Шибанова к жене скупыми словами рисуются тяготы фронтовых дней: «Жизнь моя сейчас очинно подошла плохая».

Уходят разведчики в немецкий тыл и погибают в рукопашной схватке.

Умирает в госпитале тяжелораненый солдат. Плачет над ним веселая хохотушка, милая сестра Степочка: «За что убили? Господи, за что?».

На руках у санитара Хрусталева истекает кровью солдат, которого он пытается доставить в госпиталь, а самого Хрусталева находят утром с отмороженными ногами.

Умирающий офицер Старцев лежит на солнцепеке в окружении трупов. И резким контрастом бессмысленной смерти человека выступает ликующая весенняя природа: «Буйно пробивалась молодая сочная трава. Цветы нежили в себе вешнее тепло и готовились к обильному осеннему посеву. Майские жуки, безумные от радости, носились друг за другом и пьянели от любви. И только,

как лоскуты защитного цвета, виднелись среди зелени недвижные, изуродованные трупы...».

Пытается застрелиться, а потом сходит с ума скромный, застенчивый офицер Лукин. «Жизнь под вечной угрозой недостойна человека...»,—пишет он в предсмертной записке.

Нет в повести развевающихся знамен, нет бравирующих храбростью солдат и офицеров. Ставшее привычным чувство напряженности и страха, присущее людям, которых постоянно подстерегает опасность, томит всех. Характерна в этом отношении сцена отступления батальона. «Шли по лесной тропинке. Царапали и били по лицу колючие лапы деревьев. Было темно, и приходилось держать цепь по хрусту шагов соседа. Серебристо звучал невидимый ручей, светились под ногами гнилушки. Нога вязла в мокром мхе. Шарахались ночные птицы и заставляли вздрагивать».

Методически, одна за другой, следуют атаки немцев на русские окопы. Рвутся снаряды, уродуя и убивая людей. Вот снаряд попадает в толпу солдат. «Медленно, точно раки в корзине, выползали живые из-под окровавленной кучи изуродованных, изорванных тел. Выставлялась чья-то беспокойно колотящаяся о землю голова, но вместо лица краснело пятно, и рот, захлебываясь и расплескивая кровь, выл страшным животным воем».

Таковы будни фронта, на фоне которых раскрываются характеры основных героев книги.

Чубаров ехал на фронт в восторженном состоянии, с верой в скорую победу, с огромной жаждой жизни. Но война и жизнь — враги. Жизнелюб Чубаров, человек без больших внутренних запросов, постепенно становится противником войны. Ему хочется жить, «жадно смотреть на все», а война может в любую минуту отнять у него эту возможность. Не поднимаясь до осознания социальных причин войны, он всеми чувствами здорового человека теперь осуждает ее. «Я любить хочу, и будь она проклята, война!» — восклицает он.

Иной склад характера у Погожева. Это — сложная, нервная натура, живо реагирующая на окружающие

явления. Первая встреча с ранеными потрясла его, он подавлен событиями войны, но понять причины, верно объяснить ее смысл не может. В результате долгих размышлений Погожев приходит к мысли, что война — неизбежное зло, которое надо перенести, чтобы стать выше и чище. Он признается: «Война сбросила с меня все украшения, все отобрала».

После тяжелой контузии возвращается он в родную семью, пугая домашних своим видом: «Перед ними стоял на дрожащих ногах желтый, возбужденный человек с дергающейся головой и странно прыгающими губами».

Разбит физически Погожев, но не угасла его вера в жизнь и людей. Обращаясь к сестре, он говорит: «Верочка, сестра моя, с тобою вместе мы пойдем навстречу новой жизни. С тобою вместе мы увидим всечеловеческую безмерную любовь».

В этих словах, выражающих горячую веру в обновление мира, раскрывается основной смысл повести, звавшей к новой жизни, освобожденной от социальных бедствий.

На фоне безграничных страданий простых людей даны образы тех, кто использовал войну в своих интересах, наживался на народных бедствиях.

Разглагольствованиями о патриотическом долге и организацией благотворительных маскарадов ограничивают свое участие в войне председатель земской управы, казначей и другие городские воротилы. Их пышные, неискренние фразы о «жертвах» напоминают игру в войну. Интересна в этом отношении сцена в доме казначея, где собралось «избранное» общество. Ратуя за устройство благотворительного спектакля и лотереи, казначейша восклицает: «Будем страдать, будем шить белье, щипать... как ее... ну, эту... Пушечка, да скажи же, что это на войну щиплют? — обратилась она к вошедшему мужу».

Ярко показан купец Карнаухов. Для него война — источник обогащения и наживы. С первых же дней он много говорит о «долге», о защите родины от врага, а сам энергично скупает землю, предполагая, что через

полгода цена на нее поднимется. Когда поползли «слухи о забастовках, о грядущей революции», он истошно кричит: «Престол-отечество в опасности!». И в то же время наживается на перепродаже хлеба, масла, скота, не брезгуя и уголовными махинациями.

Произведение не дает ответа на вопрос, кто же изменит жизнь. Очевидно, это не те люди, которые выступают в качестве главных героев книги. Но вся повесть дышит нарастающим народным протестом против тех, кто подготовил войну и наживался за счет народных лишений.

Не все удовлетворяет в этом произведении. Оно несколько растянуто, встречаются эпизоды, внутренне не связанные с ее идейным содержанием (получение письма унтер-офицером Дрючком от любовницы Поли). Бледны многие женские образы, например, жены Чубарова Ольги Петровны. Но повесть сильна своим гуманизмом, жизненной достоверностью, правдивым изображением страданий народа и тех настроений, которые были характерны для части русского общества в предреволюционные годы.

Произведения Б. А. Тимофеева отличаются светлой любовью к людям. Писатель не стремился найти и подчеркнуть в человеке плохое. Он изображал людей в их силе и слабости, часто отмечал положительные задатки, которые требовали совершенствования и развития. Лиризм в изображении героев — характерная черта стиля Тимофеева. В его повестях и рассказах нет назидательной прямолинейности. Они многогранны, как изображенная в них жизнь.

С горьковской требовательностью относился Тимофеев к своим произведениям. Писал он быстро, но затем тщательно правил написанное, добиваясь краткости, ясности, эмоционального звучания каждой фразы. Сохранившиеся рукописи дают представление о работе писателя.

Б. А. Тимофеев написал около двух десятков рассказов и повестей, часть из которых была опубликована в различных изданиях. В 1919 г. должны были выйти две книги его произведений, однако гражданская война помешала их изданию.

Не все равноценно в творческом наследстве Б. А. Тимофеева, но лучшее из созданного писателем-гуманистом заслуживает внимания современного читателя.

* * *

Литература дореволюционного Зауралья не исчерпывает себя на этом. И менее известные писатели и поэты также внесли свой скромный вклад в литературную жизнь края. К их числу следует отнести А. Комогорова, Л. Коровину, А. Филиппова, Н. Аркадьину, Ф. Рябова, М. Пахаря, сотрудничавших в местных изданиях «Курганский вестник», «Народная газета», «Юг Тобола» и других.

---

*

ЧАСТЬ II

Литературное Зауралье советского времени

После Великого Октября в стране возникла новая литература, кровно связанная с народом, с задачами перестройки жизни на началах социализма и коммунизма. Революция вызвала приток новых, свежих сил в литературу, дала могучий размах народному творчеству, пробудила к жизни немало талантов. Отеческая забота Коммунистической партии об идейно-художественном росте литературы, о том, чтобы она удовлетворяла постоянно растущие требования и духовные запросы народа, обеспечивает ее непрерывное движение вперед. Социалистический реализм, позволяющий правдиво и многосторонне изображать жизнь в ее революционном развитии, стал основным творческим методом советской литературы.

Талантливые люди из рабочих и крестьян уже в первые годы Советской власти группируются вокруг городских и уездных газет, на страницах которых печатаются их очерки, фельетоны, рассказы.

Немало сделал по организации первых советских газет на Урале и в Зауралье В. Я. Кобелев (1895—1926), писавший под псевдонимом Яков Кряж. С 1923 года и до конца дней своих он, будучи редактором шадринской окружной газеты «Рабоче-крестьянская правда», заботливо собирал вокруг нее молодые писательские силы. Его перу принадлежит много фельетонов, рассказов, повесть «Порыв к звездам». В произведениях Якова Кря-

жа отражена жизнь зауральской деревни середины 20-х гг. с ее стремительным ростом и развитием новых отношений.

Вместе с литературой всей страны развивается и литературное движение в Зауралье, охватывая все уголки нашего края, выявляя немало свежих писательских имен.

Особенно заметен рост писательских сил Курганской области в послевоенный период и, в частности, в последние годы. Так, если в 1954 году в области насчитывалось около 30 человек, активно выступающих в литературе, то в 1959 году число их возросло до 60. Причем только членов литературного объединения при редакции областной газеты «Советское Зауралье» теперь 24 человека. Литературные группы созданы при редакциях ряда городских и районных газет (Шадринск, Куртамыш, Далматово, Мишкино, Петухово, Белозерка, Щучье). Более ста человек пробуют свои силы на литературном поприще. За последние пять лет издательство газеты «Советское Зауралье» выпустило в свет 16 книг местных писателей и поэтов тиражом 260 тысяч экземпляров. Вышло четыре номера сборника «На земле курганской», в которых представлены повести, рассказы, очерки и стихи местных писателей. Чаще стали появляться в областной газете литературные страницы. Молодежная газета «Молодой ленинец» охотно предоставляет свои страницы начинающим писателям, поэтам, очеркистам. Городские и районные газеты нередко печатают очерки, фельетоны, стихи местных литераторов.

К 40-й годовщине Октября вышел специальный номер газеты «Литературный Курган», в котором представлено 29 писателей и поэтов. Этот рост молодых писательских сил симптоматичен, он является свидетельством больших возможностей, которыми обладает литература Зауралья, идейно и духовно связанная с литературой всей страны.

В. В. ИВАНОВ

В Кургане началась литературная деятельность известного советского писателя Всеволода Вячеславовича Иванова.

В. В. Иванов родился в 1895 г. в поселке Лебяжьем, Павлодарского края, Семипалатинской области, в семье сельского учителя. Мальчик окончил только сельскую школу, год проучился в низшем сельскохозяйственном училище, а с четырнадцати лет начались его хождения «по Руси» в поисках заработка.

В. В. Иванов

После многолетних скитаний по Сибири и Уралу Вс. Иванов в начале 1915 г. пришел пешком из Челябинска в Курган и устроился наборщиком в типографию газеты «Курганский вестник». «Перед тем как остановиться в Кургане,—вспоминал Вс. Иванов, — мне довелось довольно долго странствовать по Сибири. Жил я и в поле, жил в ночлежных домах, в ярмарочных балаганах, в трущобах Омска, Екатеринбурга, Челябинска»[1]).

Типография Кочешева, где работал Вс. Иванов, находилась по улице Береговой, в сыром подвале, в маленькие окна которого едва проникал свет. Условия труда были крайне тяжелыми. Грязные, оборванные, усталые наборщики за ничтожную плату целые дни проводили у наборных касс.

Несмотря на каторжные условия труда, Вс. Иванов много читал, особенно увлекаясь произведениями Горького. «Горький тогда для меня был, — отмечает писа-

---

[1]) Вс. Иванов. Избранные произведения в двух томах, том I, М., 1954, стр. 376.

тель, — один светлый и радостный восторг, бесконечное удивление перед человеком, победителем природы»[1]).

Огромный запас жизненных впечатлений требовал выхода, и юноша решает писать.

В конце 1915 г. в курганском еженедельнике «Народная газета» был напечатан первый рассказ Вс. Иванова «В святую ночь». Вслед за ним были написаны «Сны осени», «Рао», «Золото», «Ненависть», «Северное марево», «Нио», «Хромоногий», «Писатель», «Сын человеческий», «Сны Ермака», «Черт», «Над Ледовитым океаном», «На горе Иык», «Зеленое пламя», «Мысли, как цветы», «Чайник», «Две гранки», «Дед Антон», «Вертельщик Семен», «В зареве пожара» и другие. Рассказы публиковались преимущественно в петропавловских газетах «Степная речь», «Приишимье», частично в курганской «Народной газете».

Горька судьба Антона («Дед Антон»). Отдав сыну все имущество и сделав его купцом, старик был выгнан им из дому. Дальше кухни сын его не пускает, высылая в виде милости заплесневелую краюху.

Зачерствело сердце самодовольного сына-торгаша, равнодушно оно к судьбе старого больного отца. И тот идет от него к бедным и отзывчивым людям, неся в душе горькое чувство обиды на жизнь.

В надежде «на лошаденку деньги промыслить» пришел из деревни Семен Платонов («Вертельщик Семен»). В поисках работы он «совсем обнищал». Но однажды ему повезло: из двух десятков толпившихся у ворот типографии безработных выбрали и поставили вертельщиком его.

Услужлив и трудолюбив Семен, но вместе с тем робок и жалок. Глаза его всегда смотрят «пугливо, трусливо и грустно». С товарищами по работе он как-то не сошелся. Когда от него потребовали поставить магарыч, как это полагается после первой получки, Семен замялся: «Я-то ничо, да шибко деньжонками прослаб...». С этого начались неприятности: на ногу ему «случайно» уронили тяжелую плиту, прищемили в дверях руку, побили в глухом переулке...

[1]) Вс. Иванов. Избранные произведения в двух томах, том I, М., 1954, стр. 377.

В довершение ко всему его выбросили из саней, когда на рождестве он поехал со знакомым вертельщиком в деревню. Семен обморозил руки и ноги. А когда поправился и пришел на работу, оказалось, что он уже не нужен.

«Как же теперь, значит... — мямлил Семен.

Конторщик что-то фыркнул и занялся своим делом».

В рассказе зримо встает прошлая жизнь, с ее равнодушием к судьбе простого человека.

Гневным протестом против бесчеловечных условий жизни звучит рассказ «В зареве пожара».

В полутемной каморке сапожника Лаврентия ютится с тремя детьми солдатка Марья. Страшная нищета и бедность окружают ее. «Как-то особенно сильно бедной и жалкой кажется эта каморка с мокрыми, прокоптелыми стенами, с полуразвалившейся печью и горбатыми досками полатей...».

Тяжелое горе постигло солдатку. Играя, свалился с печки ее младший сын Гринька и умер. Рыдающую мать пытается утешить Лаврентий: терпи, пройдет, забудется горе. Но у изможденной женщины нет уже больше сил терпеть. С болью и гневом она кричит: «Пробили колом сердце — пройдет? Коли мне дышать нечем, коли мне еще на двоих смотреть надо, как они с голоду... Тоже пройдет?.. ».

Значительный интерес представляет рассказ «На Иртыше», написанный в 1916 г. В нем речь идет о босяке Буране, который ненавидит спокойную, сытую жизнь обывателя. Это человек с богатыми задатками. Но бесцельно растрачиваются его большая сила и молодецкая удаль. Рассказ отличается простотой сюжета (поездка на лодке по Иртышу) и яркой музыкальностью языка.

Этот рассказ Вс. Иванов послал в Петербург А. М. Горькому и в октябре 1916 г. получил от него сердечное письмо: «На Иртыше» — славная вещица. Он будет напечатан во 2-м сборнике произведений писателей-пролетариев»[1]). А. М. Горький нашел у молодого писателя дарование, настойчиво советовал заняться чтением

[1]) Вс. Иванов. Избранные произведения в двух томах, том I, М., 1954, стр. 379.

и работой над языком. Он просил писать и присылать ему написанное, обещал читать, критиковать и лучшее печатать.

Впечатление от письма Горького было огромным. Хотелось написать что-то сильное, яркое. С новой энергией принялся Вс. Иванов за работу. В течение двух недель он написал «штук десять рассказов и всю эту огромную кипу отправил сразу Горькому»[1]).

В январе 1917 г. Вс. Иванов получил второе письмо от Горького, в котором он советовал заняться изучением Чехова, Тургенева, Лескова, отмечал слабую грамотность юноши — засоренность языка местными словами. Горький учил его видеть в жизни человеческое, светлое, хотя и покрытое грязью.

Это письмо помогло Вс. Иванову критически взглянуть на свои произведения. «Я понял, — вспоминает он, — что дело не в нарядной и фосфорической славе, а в труде и в искусстве, и что путь к искусству — мучителен, тягуч, крут и сладостен. Я начал учиться»[2]).

Горький и в дальнейшем оставался чутким другом и требовательным наставником молодого писателя. Именно он поддержал будущего автора «Партизанских повестей», «Бронепоезда 14—69», «Пархоменко» и других произведений, вошедших в классический фонд советской художественной литературы. По справедливому замечанию К. Федина, «Всеволод Иванов испытал не только нежную заботу Горького, но и всю меру его требовательности, заставившей добиваться полноты и прочности успеха»[3]).

Первым читателем рассказов Вс. Иванова был поэт-самоучка и его близкий друг Кондратий Кузьмич Худяков, «человек нежной и живой фантазии, дивного упорства и острого таланта»[4]).

---

1) Вс. Иванов. Избранные произведения в двух томах, том I, М., 1954, стр. 379.

2) Там же.

3) К. Федин. Горький среди нас. М., 1943, стр. 90.

4) Вс. Иванов. История моих книг. «Наш современник», 1957, № 3, стр. 124.

С 1916 года Вс. Иванов проявляет себя как журналист. В петропавловских газетах «Степная речь», «Приишимье» систематически публикуются его заметки и статьи из курганской жизни.

Весть о падении самодержавия Вс. Иванов и его товарищи по типографии встретили восторженно. С целью «поддержать революцию» наборщики огромными буквами напечатали текст телеграмм о событиях в Петрограде. Они с огромной радостью читали первый полученный в Кургане номер газеты «Известия». Писатель так вспоминает о тех днях:

«На душе было необычайно легко, и казалось, что все вокруг улыбается, дышит весело, все полно светом и теплом. И долго-долго не покидало меня это бодрое и высокое чувство радости, смелости, уверенности в силе человека, в его правде, в его доблести и стремлении всей душой биться за правду, мир, справедливость»[1]).

Увлекаясь искусством, Вс. Иванов, по его собственному признанию, в то время «плохо был подготовлен к политической деятельности». Однако рабочие типографии сразу же после Февральской революции выдвинули его в Курганский комитет общественной безопасности, в Совет рабочих и солдатских депутатов и в Государственную думу. Вскоре он был избран делегатом на конференцию рабочих печатного дела Западной Сибири, которая должна была состояться в Омске.

Незадолго до отъезда из Кургана Вс. Иванова по его инициативе была закрыта газета «Курганский вестник», принявшая к тому времени контрреволюционное направление, а типография Кочешева конфискована в пользу государства.

В Курган Вс. Иванов больше не вернулся. В Омске, где он тоже работал наборщиком в типографии, потом вступил в один из отрядов Красной гвардии и в Октябре 1917 г. участвовал в разоружении кадетского корпуса, продолжалась его литературная деятельность. Летом 1919 года вышла первая книжечка его рассказов «Рогульки».

---

[1]) Вс. Иванов. История моих книг. «Наш современник», 1957, № 3, стр. 126.

В начале 1921 г. он приехал в Петроград с удостоверением, выданным газетой «Советская Сибирь», в котором было сказано: «Командируется в распоряжение Горького».

И. П. МАЛЮТИН

Я пришел к вам из толщи народной,
Из глуши новгородских лесов.
Жизни светлой, разумной, свободной
Я искал еще с детских годов.

Как хотелось мне света и знанья!
Но кругом все была темнота.
И напрасными были желанья,
Не сбывалася долго мечта...

Так писал поэт-самоучка Иван Петрович Малютин, рассказывая о своих исканиях добра и правды.

И. П. Малютин

И. П. Малютин родился 11 апреля 1873 г. в деревне Пята, Череповецкого уезда, Новгородской губернии, в семье малограмотного крестьянина-сапожника. «С самых ранних лет я превратился в няньку, — вспоминает Иван Петрович, — возился с ребятишками мачехи, которых было четверо. Кроме того, нужно было помогать отцу в сапожной работе. В школу ходить не хватало времени»[1]).

Постигнув грамоту по церковнославянской азбуке, мальчик увлекся книгами. Они рассказывали про иную жизнь, знакомили с добрыми, отзывчивыми людьми. Но читать приходилось лишь по ночам, тайком от мачехи.

---

[1]) Иван Малютин. Воспоминания. «Советский писатель», М., 1958, стр. 5.

«Я смастерил из маленького чернильного пузырька коптилку: согнул из жести трубочку, вставил ватный фитилек, приладил пробку. И как только все в нашей старенькой избушке засыпали, я тихонько пробирался за печку, открывал подпол, осторожно спускался туда.

Там около стены лежали спрятанные от мачехи книги и листочки бумаги. Я зажигал коптилку и располагался на холодной земле. Коптилку ставил на книгу и передвигал ее, как только прочту несколько строк, она освещала не всю страницу, а лишь небольшой кружок...

Медленно двигается чтение, а время незаметно перешагивает за полночь. Холодно, хочется спать, но жаль оторваться от книги. Знаю, что утром надо рано вставать, качать ребенка; буду дремать, будут колотушки...»[1]).

Впоследствии поэт так отозвался о своем детстве:

Теплой ласки, милой сказки
В раннем детстве-малолетстве
Я не знал.
И никто-то надо мною, бесталанным сиротою,
Песен дивных-переливных
Не певал.

Восемнадцати лет он ушел на «чужую сторону»: стал работать плотогонщиком на Шексне и Волге.

В 1892 г. Малютин поступил на фабрику «Большая Ярославская мануфактура», работал чернорабочим, грузчиком, пильщиком, сторожем, а через некоторое время был «определен» на выдачу книг в библиотеку-читальню. С жадностью читал сам, стремился сделать книги достоянием читателей-рабочих. На фабрике в то время были подпольные кружки, в них читали запрещенные книги. Малютин не остался от этого в стороне. Несмотря на конспирацию, о деятельности Малютина и других кружковцев стало известно полиции. Иван Петрович вспоминает:

«Однажды в полночь в январе 1902 г. в дверь моей каморки постучали... Сердце сжалось от предчувствия че-

---

[1]) Иван Малютин. Воспоминания. «Советский писатель». М. 1958, стр. 5—6.

го-то недоброго... Я отворил. Предчувствие оправдалось: в комнату вошло несколько мундиров и какие-то посторонние люди. Обыск продолжался несколько часов. Увели меня в участок и составили протокол, в котором говорилось, что я обвиняюсь в каком-то «вредном направлении», но при обыске—говорилось дальше в протоколе — «ничего предосудительного найдено не было». Я все ждал, что вот-вот сейчас отпустят домой, но вышло как раз наоборот — водворили в Ярославскую городскую тюрьму...»[1]).

Вернувшись в 1905 г. из ссылки, Малютин работал переплетчиком в типографии г. Череповца, много читал, пропагандировал революционные книги среди рабочих, пробовал писать.

С детских лет проникся И. П. Малютин уважением и любовью к книге. «Книга всю жизнь была и осталась моим лучшим другом, — говорит он. — Этой любви к литературе не могли загасить никакие, даже самые трудные обстоятельства. Я всегда дружил с книгами и думал о писателях, о величии человеческого ума, о создании человеком прекрасного»[2]).

Первое стихотворение его «Бедная Настя» было опубликовано еще в 1895 г., но регулярно он начал печататься лишь с 1910 г., переехав в Курган. Здесь в «Народной газете» и «Курганском вестнике» появилось его несколько стихотворений за подписью «Жук».

Весна и лето 1911 г. в Зауралье были засушливыми. Погибли хлеба, во многих местах не поднялись даже травы. Падал скот, окончательно нищала деревня. Это нашло свое отражение в нескольких стихотворениях Малютина («В Кургане», «В засуху» и другие). В них слышна боль за страдающего труженика. Поэт разделяет с ним общее горе, ему «тяжело и грустно смотреть» на обездоленного хлебопашца, благополучие которого зависит от капризов природы. Народ представляется

---

[1]) Иван Назаров. Встречи и письма, Владимирское книжное изд., 1957, стр. 104.

[2]) Иван Малютин. Воспоминания. М., 1958, стр. 7.

поэту богатырем, волю которого сковал жестокий недуг:

Дать бы добрую чару ему,
Как Илье, крепкой браги испить,
Дать бы пищи духовной ему,
От глубокого сна разбудить...

Простыми, идущими от сердца словами, рассказывает поэт о засохших травах, почерневших полях, о бескормице, о «горьком горе», посетившем деревню («Где ни послушаешь, вздохи да жалобы»). Безотрадна судьба разоряющейся крестьянской семьи:

Сколько тяжелой невидимой муки
Сердцу придется носить.
С горя в работе опустятся руки,
Страшно покажется жить.

Он пишет о жизненных контрастах своего времени:

У богатых в окнах розы,
Круглый год цветут цветы:
Не страшны для них морозы.
А в подвалах — горе, слезы
И лохмотья нищеты.

Глубоким сочувствием к обездоленным проникнуто стихотворение «Заиграла зорька». Начинается оно в плане излюбленного в устной поэзии параллелизма:

Заиграла зорька, утренняя зорька,
На востоке бледной, узкой полосой.
Над больным ребенком мать рыдает горько
И кропит малютку жаркою слезой.

Рыдает над спящими «на лохмотьях грязных» детьми «горемыка-мать», видит она безрадостное будущее своих детей, которых ждут «муки да страданья, бедность и неволя, горькая нужда». И к чувству тяжелой обиды на жизнь присоединяется святое негодование против тех, кто отнял у ее детей все радости жизни: «в сердце закипают злоба и вражда».

Утренний пейзаж, как бы обрамляя стихотворение, позволяет поэту показать бедность и нищету семьи тружеников:

Утренняя зорька глянула в окошко:
Жутко, неуютно, грязно, духота...

Стихи Малютина полны призыва к борьбе против гнета, невежества, тьмы.

Гимном науке, знаниям, творчеству звучит стихотворение «Собрату».

Иди вперед на славный бой,
Буди униженного брата,
Борись с незнаньем и нуждой
И ложь рази, как супостата!..

Горячей верой в торжество светлых идей гуманизма проникнуто стихотворение без названия:

Пусть смеются над нами враги,
Пусть клевещут и злобно шипят, —
С поля брани, мой друг, не беги,
Верь: идеи добра победят!

Живя в Кургане, И. П. Малютин близко сошелся с одаренным поэтом-самоучкой К. К. Худяковым и известным советским писателем Вс. Ивановым, дружеские отношения с которым у него сохранились и по сей день.

В 1912 г. в барнаульской газете «Алтайский край» было напечатано стихотворение Малютина «Памяти П. Ф. Якубовича-Мельшина». С гневом говорится в нем о преследованиях поэта-революционера «бездушными палачами», запрятавшими его в «далекий край», за его любовь к «затравленной псами» родине, к «измученному народу».

И горько ты скорбел, и крик сердечной боли
Порой срывался с уст и нарушал покой
Вампирам, пившим кровь народную на воле,
Гасившим правды свет безжалостной рукой.

За публикацию этого стихотворения газета была оштрафована на сто рублей, а редактор предупрежден.

Через некоторое время в той же газете было напечатано стихотворение «Два потока». В плане разговора-спора двух потоков Малютин касается в нем острых социальных вопросов своего времени.

Все люди равны, одинаково созданы «для любви и счастья». Но у одних «хоромы пышны и богаты», «поместья, нивы и леса». Они страстно ненавидят тех, цель которых «разделить поместья, уравнять землицу...». Другой поток гневно обвиняет своего спутника:

Для чего вы силой захватили в руки
Над народом бедным и бесправным власть?!
Жизнь себе подобных превратили в муки
И на труд народный вы живете всласть!

В таких спорах

...от созданья мира меж собой враждуя,
Два потока рядом мчатся по земле...

За опубликование этого стихотворения Малютин и редактор были арестованы и заключены в Барнаульскую тюрьму, а газета закрыта.

О беспредельных богатствах «благодатной Сибири», ее широких просторах, многоводных реках и вечно шумящей «тайге глухой» говорит поэт в стихотворении под выразительным названием «Страна будущего».

Если б дать ей просвещенье,
Пробудить от сна природу, —
Позавидовал весь мир бы
Той сторонке и народу!—

восклицает он, ясно видя великое будущее Сибири.

О значении дореволюционных стихов Малютина хорошо сказала писательница Т. Л. Щепкина-Куперник в письме к нему: «Так тогда писали мы все, подготовляя незаметно каждой строкой, каждым словом все, что случилось в России»[1].

Первые стихи Малютина были не всегда удачны. Поэту не хватало знания языка, стихи были художественно маловыразительными, необразными. Короленко, кото-

---

[1]) Иван Малютин. Воспоминания. М., 1958, стр. 111.

рому Малютин послал несколько своих стихотворений, писал ему: «...Стихи Ваши прочел. К сожалению, ни одно для «Р. Богатства» не подходит. Стихи—дело очень трудное, если не смотреть на них по-дилетантски (был бы, дескать, размер да рифма). Вы еще совершенно не владеете поэтической формой, и даже просто язык у Вас очень неправилен...»[1]).

Этот дружеский, прямой отзыв не обескуражил начинающего поэта, не оттолкнул его от литературы. Малютин стал строже относиться к своему творчеству. Характерно, что через 10 лет тот же Короленко отзывался о его стихах уже по-другому: «Стихи, теперь присланные, совершенно литературны»[2]).

Революцию И. П. Малютин встретил как осуществление вековых мечтаний народа. В стихотворении «Родине» (1917 г.) он пишет о гибели «произвола», который «страданьями нашими жил» и душил «народную правду». Стихотворение «Проходили века» (1919 г.) посвящено победе революционных начал. Ощущением новой жизни проникнуто стихотворение «Посмотри»:

Посмотри, как небо чисто,
Посмотри, как солнце ясно!
Слышь, как птицы голосисто
Распевают: жизнь прекрасна!

Малютин пишет о раскрепощенной Советской властью женщине-труженице, которая «правит трактором в колхозе, реет птицей в облаках...», с гордостью говорит о ее славных делах.

В стихотворении «Капели» говорится о росте советской Родины, могучей силе ее людей. Звенят, как и в прежние годы, весенние капели...

Но жизнь людей другая.
И с каждою весной,
Все силы напрягая,
Крепится новый строй.

---

1) Иван Малютин. Воспоминания. М., 1958, стр. 12.

2) Там же, стр. 13.

Силой, уверенностью в победе проникнуто стихотворение «Родным с фронта», написанное в начале Великой Отечественной войны. Обращаясь к «любимой матери», «родному отцу», «дорогой жене», молодой солдат заявляет о своем желании выполнить священный долг. Боевым завещанием звучат его слова:

В рудниках, на полях, у фабричных станков
Пусть спорится работа, кипит.
Наш народ-богатырь озверелых врагов
Разобьет, расшибет, разгромит!

Так вместе с народом и страной идет по жизни поэт-патриот.

В архиве И. П. Малютина имеется интереснейшая переписка с известными революционными деятелями, писателями, людьми искусства — Н. А. Морозовым, В. Я. Шишковым, С. П. Подьячевым, В. И. Качаловым, А. М. Горьким, А. А. Фадеевым, В. В. Ивановым и другими.

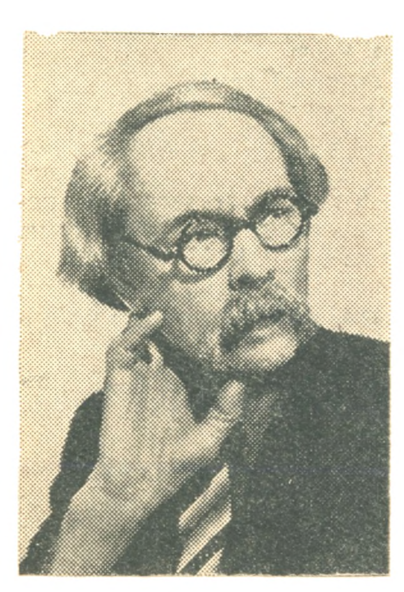
Ныне И. П. Малютин — пенсионер. В 1958 г. он принят в члены Союза советских писателей. Живя в Челябинске, он, несмотря на преклонный возраст, много трудится: пишет воспоминания, статьи, стихи, ведет переписку с десятками людей. Продолжается жизнь, полная творческого горения, служения народу, родине, литературе.

В. П. БИРЮКОВ

Тысячи студентов гуманитарных вузов нашей страны, изучая устное народное творчество, встречаются с именем уральского фольклориста Владимира Павловича Бирюкова. Его сборники устнопоэтических произведений и труды по краеведению получили широкую известность.

В. П. Бирюков родился 22 июля 1888 года в селе Першино, Далматовского района, Курганской области. Отец его служил секретарем-счетоводом в ссудно-сберегательном товариществе и одновременно исполнял обязанности псаломщика в местной церкви. В доме постоянно толпились посетители, слышалась меткая, об-

разная, пересыпанная острыми словами народная речь, в которой звучала насмешка над мирскими захребетниками, ненависть к богачам, попам, полиции и власти. Пытливо вслушивался будущий писатель в живой язык народа, жадно вбирал меткие и сочные слова, запоминал пословицы и присказки.

В. П. Бирюков

По собственному признанию Владимира Павловича, он «родился собирателем». С детских лет у него проявился огромный интерес к собиранию коллекций камней, старых марок и монет, костей ископаемых животных. Постепенно собранных материалов накопилось большое количество, и в 1910 г. он открыл в Першино первый на Урале сельский краеведческий музей.

Родитель отдал сына в Камышловское духовное училище, а затем в Пермскую духовную семинарию. Эти учебные заведения готовили служителей церкви. Однако, вопреки желаниям и стремлениям руководителей семинарии и наставников, из стен ее вышли и такие выдающиеся представители русской науки и литературы, как изобретатель радио А. С. Попов, математик И. М. Первушин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. П. Бажов, путешественник и писатель К. Д. Носилов.

Выросший в тесном общении с народом, В. П. Бирюков мечтал о служении ему. «Уже в ранней юности, — вспоминает он, — у меня зародилась мысль о том, чтобы как можно больше сделать людям. Только при со-

знании полезности твоей жизни можно умирать спокойно».[1]).

В Пермской духовной семинарии будущий писатель познакомился с революционной литературой, принимал участие в студенческих забастовках, издавал и редактировал подпольный ученический журнал «Наши думы», экземпляры которого бережно хранятся в его архиве.

В силу атеистических убеждений В. П. Бирюков не пошел по дороге, намеченной отцом. Мечта получить высшее образование привела его в Казанский ветеринарный институт, который он окончил в 1912 году. Глубокий интерес к археологии, участие в экспедициях и раскопках побудили его поступить в Московский археологический институт. Его он в 1915 году окончил с золотой медалью, получив звание ученого археолога.

Солидная научная подготовка позволила теперь В. П. Бирюкову глубоко и целенаправленно заняться археологическими изысканиями на Урале и в Зауралье. Значительную часть своего времени он проводил в экспедициях и походах.

Вернувшись в сентябре 1917 года в родное село из армии, где он служил ветеринарным врачом, В. П. Бирюков перевел созданный им музей из Першино в Шадринск, объединив в научном хранилище музейные экспонаты, местный архив, художественную галерею и библиотеку. Руководителем Шадринского научного хранилища, составившего основу теперешнего краеведческого музея, он работал до 1931 года.

В 1923—1924 гг. при Шадринском хранилище под редакцией В. П. Бирюкова выходило два журнала: «Журнал Шадринского общества краеведения» и «Шадринское научное хранилище», в которых печатался первый его большой труд «Очерки краеведческой работы».

«И что только ни делал я здесь! — вспоминает краевед. — Собирал разного рода экспонаты, устраивал всевозможные выставки, политические, юбилейные,

---

1) Д. А. Панов. Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков. Шадринск, 1958, стр. 7.

художественные, кустарно-промысловые, сельскохозяйственные, в том числе и по садоводству, организовывал экскурсии, читал публичные лекции по краеведению на ежегодных сначала уездных, а потом окружных педагогических курсах, сам организовывал полумесячные курсы и многое, многое другое».[1]).

Интерес к прошлому своего края, к богатству его недр сочетается у писателя с пытливым вниманием к жизни и быту уральских жителей, к их сказам и песням, пословицам и загадкам, к живому народному слову.

С 1902 г. Бирюков начал собирать и записывать устные поэтические произведения. В поисках меткого слова он совершает многодневные походы по Уралу и Зауралью, заходит во все уголки, где звучит образное народное слово, где можно услышать и записать новую песню, пословицу, прибаутку, рассказы непосредственных участников великих событий. «Мне, как собирателю фольклора и местного словаря, всегда так скучно в плацкартных и мягких вагонах, — признается В. П. Бирюков. — То ли дело ехать в общем вагоне! Тут подлинная жизнь трудового народа, пусть даже с некоторыми темными ее сторонами. Сколько было записано мной во время этих поездок местных слов, метких выражений, пословиц, поговорок, бытовых и всяких других рассказов, в частности, сказов о Петре Великом. Да разве перечислить все, что записано мной в этом поезде Шадринск—Свердловск!»[2]).

Повседневная живая связь с родным краем, который он вдоль и поперек исколесил с котомкой за плечами и записной книжкой в руках, творческое общение с народом позволили Бирюкову накопить богатейшие материалы по народному устнопоэтическому творчеству, характеризующие жизнь и быт Урала и Зауралья в прошлом и в советскую эпоху. Собранное им представ-

---

[1]) Д. А. Панов. Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков, Шадринск, 1958, стр. 15.

[2]) Там же, стр. 22—23.

ляет своего рода энциклопедию знаний о родном крае и населяющих его людях.

Стремясь сделать свои материалы достоянием общества, В. П. Бирюков в 1934 году передал Челябинской библиотеке громадную коллекцию старых книг и уральской периодики. Об этом сообщала «Правда» 18 апреля 1935 г. в статье «Подарок уральского краеведа»: «Ученый краевед Урала В. П. Бирюков передал безвозмездно Челябинскому городскому Совету свою личную библиотеку, состоящую из 80 тысяч экземпляров книг, брошюр и годовых комплектов различных газет. Эту библиотеку т. Бирюков собирал 32 года. В числе книг — периодические издания Урала, начиная с 1789 г. В библиотеке имеется 10—12 тысяч годовых комплектов различных уральских газет — издания белогвардейских «правительств» и т. д.».

Во Владимире Павловиче Бирюкове счастливо сочетаются качества собирателя с данными исследователя и писателя. Собранные материалы не лежат мертвым грузом, а используются им в газетных и журнальных статьях, брошюрах, книгах. Бирюков написал не одну сотню журнальных и до тысячи газетных статей, около тридцати книг, брошюр и листовок.

Первая печатная заметка В. П. Бирюкова появилась в «Пермских ведомостях» еще в 1905 году. Однако только после революции перед ученым-краеведом открылись широкие перспективы. Усилились его творческие связи с народом. Писатель теперь получил возможность публиковать записи устнопоэтических произведений, которые в условиях самодержавного режима не могли увидеть свет, так как выражали подлинные думы и чувства трудового народа, его враждебное отношение к власти помещиков и капиталистов.

Многолетнюю свою деятельность ученый обобщил в книге «Очерки краеведческой работы», вышедшей в Шадринске в 1923 году. В живой, доступной форме он рассказывает в ней о роли краеведческих изысканий в познании родины, дает многочисленные практические советы по организации различных видов краеведческих

занятий. Труд этот получил высокую оценку на Всесоюзной конференции по краеведению. Воспитывая деятельный интерес к научно-краеведческим занятиям, эта книга сыграла значительную роль в развитии краеведения в различных районах Российской Федерации.

Первый большой сборник устнопоэтических произведений, собиравшихся Бирюковым многие годы, — «Дореволюционный фольклор на Урале» — был издан в Свердловске в 1936 году. Эта книга впервые давала связное представление о многообразии тематики и жанров уральского устного поэтического творчества, знакомила читателей с духовной культурой трудящегося населения Урала.

Много интересных материалов собрал В. П. Бирюков о писателях-уральцах, имена которых в условиях царской России были незаслуженно забыты. Результатом явилась книга «Литературное наследство Урала. Поэты второй половины 19 столетия». (Свердловск, 1937 г.).

Многолетние поиски сведений о жизни и деятельности таких писателей, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. Д. Носилов, Б. А. Тимофеев и других, позволили исследователю показать творческие связи многих из них с нашим краем, а некоторых из писателей и поэтов «открыть» заново.

В 1940 году Челябинское издательство выпустило книгу В. П. Бирюкова «Уральские сказки». Крупным событием в советской фольклористике явилась изданная в 1949 году в Челябинске книга «Фольклор Урала. Исторические сказы и песни (дооктябрьский период)». Сюда вошли песни, легенды, предания и сказы, записанные Бирюковым в Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской областях и Башкирской АССР. Они расположены в соответствии с историческим принципом, выделены наиболее важные периоды отечественной истории, нашедшие отражение в устном творчестве народа: татаро-монгольское нашествие, крестьянские восстания под водительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, Отечественная война 1812 года,

реформа 1861 г., революция 1905 г., первая империалистическая война.

Эта книга — первое в истории уральской фольклористики собрание исторических жанров устного поэтического творчества — дает живое представление о «чаяниях и ожиданиях», думах и чувствах народа. Каждая глава открывается краткой вступительной статьей, которая знакомит читателя с эпохой, отмечает главные тенденции определенного исторического периода.

Книга «Урал в его живом слове», изданная в Свердловске (1953), обобщая и расширяя прежние издания записей дореволюционного уральского фольклора, дает строгую научную классификацию собранного материала. В ней представлены многообразные жанры устнопоэтического творчества Урала и Зауралья: песни, народные и литературного происхождения, сказки и анекдоты, воспоминания и устные рассказы, пословицы и поговорки, прибаутки и частушки, народная пантомима и драма. По своему идейно-художественному богатству сборник не имеет подобных в истории советской фольклористики Урала.

Интересен раздел «Труд и быт дореволюционных рабочих». В нем представлены пословицы и поговорки, частушки и песни, рассказы и сказки горнозаводских и приисковых рабочих Урала. Явившись первым собирателем уральского рабочего фольклора, В. П. Бирюков записал и сохранил для потомства немало ценнейших устнопоэтических произведений рабочего класса, решительно отвергающих версию буржуазных ученых-фольклористов о якобы духовной бедности и художественной невыразительности устного творчества рабочих. Словарики старателей, камнерезов, горнозаводских рабочих, которыми сопровождается публикация устнопоэтических произведений, знакомят со спецификой рабочих профессий, раскрывают своеобразный быт тружеников дореволюционного Урала.

«Кто хочет знать историю и быт какого-нибудь народа, — отмечает В. П. Бирюков, — тот должен прежде всего изучить его язык. Это — ключ к пониманию души

народа, его прошлого, его чаяний на будущее»[1]). Чтобы познакомить читателя со своеобразием лексики говоров Урала, ходячими словами-терминами, составляющими языковый колорит устнопоэтических произведений, писатель вводит в книгу особую главу «Язык рабочих и крестьян Урала». Здесь есть интересные образцы языковой терминологии, архаизмы, народные определения жанров устного творчества, географические пословицы и поговорки, коллективные прозвища, уральские фамилии.

Книга снабжена солидным научным аппаратом.

Курганский областной Дом народного творчества в 1955 г. издал брошюру В. П. Бирюкова «Памятка собирателю устнопоэтического творчества на Урале». Это— образно написанная методика собирания устного поэтического творчества, которой пользуются многие студенты, учителя, работники культурно-просветительных учреждений.

Результатом неутомимого труда явилась книга В. П. Бирюкова «Урал советский» (Курган, 1958) — живая история советского Урала за 40 лет. Материал расположен в соответствии с пройденными нашей Родиной важнейшими этапами: «Начало Советской власти», «Гражданская война», «Социалистическая промышленность 1921—1941 гг.», «Социалистическое сельское хозяйство», «Великая Отечественная война», «Послевоенная стройка». Принцип историзма, положенный в основу книги, прочно спаял ее части в единое целое. Сам писатель об этом говорит так: «Книга эта — мозаика, сложенная из отдельных маленьких цветных частичек, дающих представление в своей массе о целом — о жизни Советского Союза и его огромной части — Уральского края за время со дня Великой Октябрьской социалистической революции»[2]). В этот сборник вошли важнейшие жанры устного народного творчества, получившие осо-

---

[1]) «Урал в его живом слове». Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердл. кн. изд., 1953 г., стр. 181.

[2]) В. П. Бирюков. «Урал советский». Изд. газеты «Красный Курган», 1958 г., стр. 4.

бенное распространение в советскую эпоху: пословицы и поговорки, песни и частушки, а также воспоминания и народные рассказы, записанные Бирюковым от рабочих, колхозников, студентов, учителей, школьников, пенсионеров, домашних хозяек из многих сел, деревень и городов Курганской, Челябинской, Свердловской и Пермской областей. Они дают живое представление о думах и устремлениях советских людей, раскрывают их чувства и взгляды. Собиратель смело, но со вкусом и вниманием вводит в круг устнопоэтических произведений воспоминания и рассказы, расширяя таким образом жанровое многообразие сборника.

Открывается сборник разделом «Начало Советской власти». Много устнопоэтических произведений, созданных на самом Урале или занесенных сюда из других мест, посвящено в нем В. И. Ленину и его соратникам — М. И. Калинину, Я. М. Свердлову, К. Е. Ворошилову, Серго Орджоникидзе. Среди них — воспоминания людей, видевших Владимира Ильича, народные рассказы о нем, песни, частушки и сказки.

Чудесный народный сказ «Искра» раскрывает огромную силу воздействия большевистских идей на умы и сердца трудящихся. «Кто газету возьмет, — говорится в сказе, — на того искры большие и малые сыплются, дождем льются. Возьмет газету буржуй — ему искры глаза смертно колют. Возьмет газету рабочий или крестьянин — так искры его согревают.

И ни одна искорка от той «Искры» даром не упала...»[1]).

Песня «Уж как бывшая крестьяночка», сложенная работницами Уральского завода тяжелого машиностроения на мотив некрасовских «Коробейников», повествует о безотрадной в прошлом женской доле и о полной творческих радостей жизни советских женщин.

О героической борьбе трудящихся за установление Советской власти на Урале и в Зауралье, о стойкости и мужестве повествуют воспоминания участников граж-

---

1) В. П. Бирюков. «Урал советский», изд. газеты «Кр. Курган». 1958 г., стр. 19—20.

данской войны и песни, сложенные в частях Красной Армии и в партизанских отрядах. Особенно много песен маршевых и лирических, отражающих пафос победоносных походов армии рабочих и крестьян и чувство народной любви к защитникам нового строя.

Полна глубокого лиризма переложенная на музыку композитором В. Г. Захаровым песня «Прощание» («На коне вороном выезжал партизан»), сложенная рабочим Белорецкого завода Н. А. Рыковым.

Не может не вызвать интереса народный вариант песни Тана-Богораза «Под частым разрывом гремучих гранат», справедливо отнесенной к произведениям устного творчества. Вообще песни литературного происхождения нередки в книге. Их появление здесь правомерно. Следовало только во всех случаях отметить их истоки в подстрочных сносках или примечаниях.

Рассказы, частушки и песни о строительстве промышленных предприятий на Урале дают живое представление о первых годах социалистической индустриализации, о бурной энергии народа, своими руками создавшего первоклассную промышленность страны Советов.

В грозные годы Великой Отечественной войны советский народ выражал в песнях и сказках, частушках и пословицах свою веру в победу над черными силами фашизма, готовность до конца отстаивать Родину.

В книге помещено несколько сказов и воспоминаний, много песен, частушек, поговорок и крылатых слов о фронтовых делах и тыловых победах уральцев. Особый интерес представляют народные варианты знаменитой «Катюши» М. Исаковского и пословицы о героическом труде уральских рабочих и колхозников в годы войны: «Не жалей, Урал, рук, гни фашиста в крюк!», «Мастерами из Тагила немцам роется могила» и другие.

Тема послевоенного строительства отражена в народных рассказах, песнях, частушках. В них выражено новое в отношениях между тружениками города и деревни, слышится гордость советских людей за преобразования, совершенные по воле партии. Несколько записей

посвящено известному колхозному ученому Т. С. Мальцеву.

Книга В. П. Бирюкова «Урал советский» отличается богатством идейного содержания и композиционной стройностью. Она завершает многолетний труд ученого по собиранию и публикации фольклора Урала и Зауралья.

В. П. Бирюков увлеченно занимается также большой общественной и педагогической деятельностью. Он часто выступает с докладами и лекциями перед населением, студентами вузов Свердловска, Челябинска, Кургана, не говоря о Шадринском педагогическом институте, где краевед ведет специальный семинар.

Обширная переписка связывает писателя-краеведа с крупными учеными, научно-исследовательскими учреждениями, с энтузиастами-краеведами, учителями, аспирантами — со всеми, кто интересуется живым словом народа, жизнью и бытом Урала.

В архиве писателя — дневники за 55 лет, фольклорные фонды, летопись Урала, история городов Урала, библиографическая картотека по ураловедению (около 25 тысяч карточек), материалы к словарю уральских говоров (свыше 40 тысяч карточек) и многое другое.

Как ученый-краевед, фольклорист, писатель и диалектолог В. П. Бирюков формировался в условиях Советской власти. Это определило такие свойства его личности, как тесная связь с народом, преданность великим идеям коммунизма, стремление своим трудом участвовать в жизни нового общества.

Более 150 приветственных телеграмм из разных мест страны получил В. П. Бирюков 22 июля 1958 г., в день своего семидесятилетия. Юбиляра приветствовали партийные и советские организации, коллективы заводов и фабрик Курганской области, музеев и издательств Урала, писали ученые, писатели, студенты, учителя, рядовые читатели его книг. Во всем этом сказалось народное признание трудов писателя-краеведа.

Е. А. ФЕДОРОВ

Большинство произведений Евгения Александровича Федорова связано с Уралом и Зауральем.

Е. А. Федоров родился 15 января 1897 г. в селении Видзы, Ковенской губернии. «Еще в раннем детстве, — вспоминает писатель,— я познал тяжелый труд и невзгоды жизни. Несмотря на чудовищную трудоспособность, отец так и не смог до самой смерти выбиться из нужды. Был он пахарем, пильщиком, плотником и детей своих заставлял работать вместе с ним от зари до зари».

Е. А. Федоров

Отроческие годы Федорова прошли на Южном Урале, в станице Магнитной, среди тружеников-казаков. Уже с этого времени у него зародилась любовь к народным песням, преданиям, сказкам, пословицам. Впоследствии к этой поре своей жизни Федоров обратился в автобиографической повести «У горы Магнитной». Рассказ в ней ведется от лица мальчика Иванушки, характер которого раскрывается на фоне сложного переплетения общественных событий и человеческих судеб.

С 15-летнего возраста началась самостоятельная жизнь будущего писателя. В 1912 г. он отправился в Петербург в надежде найти работу и учиться. На помощь из дому рассчитывать не приходилось: семья жила бедно. Только однажды отец прислал два рубля и родительский совет: «Посылаю тебе все, что могу. Уплати за ученье, ку-

ли штаны и смотри, сынок, в столице есть девки разгульные, не траться на них».

Чтобы прокормиться, пришлось браться за разные дела: Федоров работал в типографии, был переписчиком, чертежником, репетитором, нивелировщиком, корректором. С большим трудом ему удалось получить среднее образование. Во время империалистической войны он был мобилизован на фронт, а затем зачислен в военное топографическое училище, которое окончил уже после революции.

Рано пробудилось у подростка влечение к литературе. В 1912 г. в московском альманахе «Громовые раскаты» был опубликован его первый рассказ «Случай с Никиткой-ревизором». «Однако эти раскаты не потрясли никого,— вспоминает писатель.— Гроза не состоялась, и слава не пришла. И тогда я понял, что труд писателя необычайно труден, требует больших знаний, культуры и опыта».

С первых же дней Октября Федоров с оружием в руках боролся за утверждение новой жизни.

В гражданскую войну защищал завоевания Советской власти, командуя эскадроном полка имени Степана Разина прославленной Чапаевской дивизии. В октяоре 1919 г. он участвовал в освобождении Кургана от белогвардейских банд Колчака, в ночь перед боем вступив в ряды Коммунистической партии.

После тяжелой контузии Федоров был демобилизован. Он сдал экстерном экзамен на звание инженера, а затем был на руководящей работе на Урале, в Горьковском крае, в Ростове-на-Дону, Ленинграде. После окончания Института красной профессуры работал старшим научным сотрудником в Академии наук СССР. Все это время продолжал также заниматься творчеством.

Еще в 1918 г. журнал «Пламя», редактором которого был нарком просвещения А. В. Луначарский, опубликовал несколько рассказов Федорова. Однако систематическая литературная работа началась после окончания гражданской войны. В третьем номере журнала «Красная новь» за 1921 г. была опубликована его повесть «Байтас».

В тридцатые годы уральская тематика становится ведущей в творчестве писателя. В 1936 г. вышла первая книга повестей и рассказов Федорова «Соломонея» с предисловием В. Я. Шишкова, а в 1937 г. Федоров был принят в Союз советских писателей.

С середины 30-х годов в творчестве Федорова утверждается историческая тема. Путь исторического романиста, по собственному его признанию, определила сатирическая повесть «Шадринский гусь», изданная Челябгизом в 1937 г.

«Шадринский гусь» — яркая сатира на «екатерининский» век, на чиновников-хапуг, «пивших кровь народа тысячами ртов жадных и нечистых» (А. И. Герцен), на купцов-живодеров, выглядывавших, «где можно урвать, зажилить, поднаграбить». Правда, важное историческое событие второй половины XVIII в. — пугачевское движение в Зауралье — не получило в повести глубокого раскрытия. Однако всем ходом повествования автор подводит читателя к мысли о неизбежности расправы над народными притеснителями.

Автору удался образ писца Епишки — пьянчуги, ловкого обиралы, типичного представителя «крапивного семени». Заискивающий перед воеводой Голиковым, он криклив и надменен с людьми нечиновными; наделен умом, хитер и смекалист. С обозом шадринских гусей Епишка добирается до Санкт-Петербурга, доходит до императрицы. С тех пор «шадринский гусь нашел дорогу в торговую аглицкую землю». Богатым купцом стал бывший писарь, раздобрел, великую важность напустил на себя. Умирает Епишка, объевшись гусей, которые принесли ему богатство, позволившее занять видное место среди именитого шадринского купечества.

Повесть уводит читателя ко времени чиновничьих и купеческих бесчинств. Своеобразен ее язык: автору удалось найти точные и выразительные слова, позволившие живо воспроизвести и лексику воеводских распоряжений, и разговорную речь «чиновничьего племени», и степенные рассуждения купцов.

Тепло встреченный читателями «Шадринский гусь» выдержал более двадцати изданий.

В исторической повести «Картофельный бунт» описывается стихийное возмущение крестьян против бесчисленных притеснений и поборов в 40-х годах прошлого века в Зауралье, в Батуринской слободе. Во главе батуринцев встал отставной лейб-гвардеец Федяшин. На вопрос исправника, чем недовольны собравшиеся на площади крестьяне, Федяшин отвечает: «Как может быть недоволен мужик, ваш-благородь? — в голосе солдата звучала насмешка. — Он непременно должен быть доволен, — много господ о нем печется. Первый — поп, второй — писарь, третий — голова, — вот он! — кивнул на козлы солдат. — Четвертый вы, господин исправник, пятый — окружной начальник, шестым нам дали господина министра, седьмым о нас заботится сам царь-государь. Выходит — семь!

— Семь! — откликнулись в толпе.

В окне звонницы вновь появился неугомонный Федосеич и насмешливо крикнул:

— Верно! Один с сошкой, а семеро с ложкой. Во как!».

В первом большом романе «Горная дорога» (Л., 1939), переизданном в 1959 году в Свердловске под названием «Вдоль голубых Уральских гор», рассказывается о героическом походе красных уральских партизан по тылам белых, о их мужестве и бесстрашии, смелости и беззаветной преданности революции. Роман увлекает героикой подвига, энтузиазмом, которым полны участники славного похода.

Жизни и судьбе талантливых уральских умельцев посвящено несколько исторических произведений, составивших сборник «Уральские повести» (Л., 1941). Под таким же названием в 1954 г. в Ленинграде вышел второй сборник, куда вошли и повести «У горы Магнитной» и «Кыштымский зверь».

В течение 15 лет трудился писатель над трехтомным романом-эпопеей «Каменный пояс». Им были исследованы архивы Москвы, Ленинграда, Тобольска, Челябинска, Свердловска, Перми, Нижнего Тагила и других городов, изучен журнальный и газетный материал, отражающий развитие Урала в прошлом. Одним из ис-

точников романа явились устнопоэтические произведения, в частности собранные и опубликованные В. П. Бирюковым и записанные самим писателем. Изучение архивов и посещение тех мест, где развертывается действие романа, позволили писателю исторически конкретно и живо изобразить глубокие контрасты жизни конца XVIII — первой половины XIX в. на Урале, показать возникновение, развитие и разложение русского капитализма, исторически неизбежный выход на жизненную арену нового «хозяина гор» — рабочего класса, из среды которого вышли многочисленные изобретатели и умельцы, искусники и мастера, обладавшие пытливым умом и щедрым сердцем.

О судьбе народных талантов автор пишет в повести «Черепановы». Многие светлые умы не имели возможности принести пользу родине. Типична судьба мастера Ефима Черепанова и его сына Мирона. На предложение Черепановых построить «сухопутный пароход», облегчающий труд людей, заводчик Павел Демидов отвечает оскорблением. Ему выгоднее пользоваться дешевым трудом крепостных, чем поощрять рабочую смекалку.

Писатель показывает большую любовь работных людей к делу своих рук. По-молодому сияют глаза у старого рудокопщика Козелка при виде шахты, которую «своим трудом, мозолями да смекалкой выпестовали...».

Как ни беспросветна жизнь демидовских холопов, как ни старались «хозяева» уничтожить у них всякие проблески живой мысли, простые люди верили в лучшее будущее. Эта вера выражена и в сердечных разговорах крепостных и в поэтическом тайном сказе о «ключе земли», который дается человеку, «когда по правильному пути за своей долей пойдет...».

Потрясают картины дикого произвола заводчиков в повести «Кыштымский зверь» (М., 1946). В центре ее — Григорий Зотов, «могущественный кыштымский властелин», наживший плутовством, обманом и бесчеловечной эксплуатацией огромное состояние. Деньги дают ему неограниченную власть. Перед ним раболепствуют чиновники, полицию он держит в руках. Умный и деятельный, он все свои желания подчинил обогащению.

Стонут, надрываясь, работные люди, посылают с ходоками жалобы на хозяина-зверя, а помощи нет. Посланцев хватают, судят, отправляют на каторгу. Круто расправляется кыштымский заводчик с непокорными: «камень на шею — и в заводской пруд».

Слухи о бесчисленных преступлениях Зотова случайно дошли до Петербурга. Встревоженный министр, опасаясь второй пугачевщины, посылает в Кыштым следователя. Легким наказанием — ссылкой в Карелу — отделался Зотов за истязания и смерть многих людей .

Запоминается образ кузнеца Клима Косолапова, вставшего во главе поднявшихся работных людей, человека смелого, волевого, мужественного.

Повесть «Кыштымский зверь» привлекает остротой и динамичностью сюжета, живыми характерами, правдивым изображением быта уральского населения.

Роман «Большая судьба» (Барнаул, 1953) посвящен создателю «русского булата» Павлу Петровичу Аносову.

В сложных условиях формируется талант Аносова. Много душевных сил, энергии и здоровья потратил он на поиски нужной родине булатной стали, но искания изобретателя наталкиваются на косность и равнодушие горных чиновников и самого царя, на враждебность иноземцев, стоявших во главе горного дела в России. Любовь к отчизне поддерживала его. В романе даны выразительные характеры умельцев, которые помогли Аносову осуществить задуманное: следопыт-охотник Евлашка, старый литейщик Швецов, граверы Бушуев и Бояршинов.

Гимном уму, мужеству и духовной чистоте русского человека, во все времена преданно служившего родине и народу, звучит это произведение Е. А. Федорова.

В двухтомном романе «Ермак» (Л., 1956) раскрывается одна из ярких страниц истории нашей родины, относящаяся ко времени освоения русскими людьми суровой Сибири, находившейся под властью сибирского ханства. Во весь рост дан образ Ермака — патриота, полководца, государственного деятеля. Народная поддержка помогла Ермаку решить важную государствен-

ную задачу — присоединить Сибирь к русскому государству. Поэтому глубоко знаменательны слова, которыми заканчивается роман: «Слава великому русскому народу, утвердившему мир и процветание на сибирской земле!».

Написанные о далеком прошлом Урала и Сибири произведения Е. А. Федорова дышат современностью, перекликаются с нашими днями. Эта связь выражается и в оценке событий с позиций советского человека, и в эпизодах, завершающих такие произведения, как «У горы Магнитной» и «Большая судьба».

И в метких репликах, и в лирических отступлениях, и в взволнованных рассуждениях писателя виден человек, хорошо изучивший прошлое своей страны и глубоко заинтересованный в ее будущем.

Идейное содержание, выразительные образы, меткий и сочный язык исторических произведений Е. А. Федорова, несмотря на отдельные недостатки (длинноты, эпизоды, не развивающие сюжет), привлекают внимание многочисленных читателей в нашей стране и за рубежом. Его произведения переведены на несколько европейских и китайский языки.

В годы Великой Отечественной войны Е. А. Федоров участвовал в обороне Ленинграда, был в партизанском отряде. Им написано несколько рассказов и повестей на современные темы: «В горах Урала», «Солдаты Феликса» (о чекистах), «Комбайнеры», «Трактористка Евласова», «Рассказы о Кирове», «Терентий Мальцев» и другие. Сейчас писатель трудится над новым романом о нашей современности.

Советское правительство отметило заслуги писателя перед Родиной, наградив орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

В связи с награждением вторым орденом Трудового Красного Знамени и многочисленными приветствиями по этому случаю уральцев Федоров писал в редакцию газеты «Красный Курган»:

«Душевные слова приветствия дошли до меня в тяжелые дни моей болезни и явились лучшим лекарством.

Они не только радостно взволновали меня, но вселили новые силы и родили жгучее желание скорее встать в строй и с еще большей страстью и плодотворнее работать для процветания милого Зауралья»[1])

Н. А. ГЛЕБОВ

В автобиографической повести Николая Александровича Глебова «Детство Викеши» отражено прошлое Зауралья с его разительными противоречиями. На этом фоне показано становление жизненных представлений подростка, сумевшего вырваться из затхлого мира торгашества и выйти на ясную, светлую дорогу.

Н. А. Глебов

Н. А. Глебов родился 14 февраля 1899 г. в семье крестьянина села Косулино, Куртамышского района, Курганской области. Главою семьи был дед, державший в страхе не только домочадцев, но и все село, старостой которого он был в течение ряда лет.

С семи лет Глебов работал в хозяйстве деда — пас в ночном лошадей, боронил пашню. Во время поездок в волость и по ближним деревням дед нередко брал с собой любимого внука. Уже тогда в сознании мальчика запечатлелись глубокие контрасты в жизни зауральской деревни.

После ссоры с родными отец переехал с семьей в Куртамыш, где открыл постоялый двор. «На постоялом дво-

---

1) «Красный Курган», 20 февраля 1957 г.

ре, — пишет в своей автобиографии Н. А. Глебов,— начинают появляться богатые статейщики (крупные землевладельцы, арендаторы государственных земель), бойкие краснорядцы, степенные хуторяне, беглые попы австрийской веры, спившиеся чиновники и «зимогоры» — лица без определенных занятий. Вся эта разношерстная публика была для меня как бы открытой книгой, где с каждой страницы выступал страшный мир стяжателей и обездоленных».

Учение пришлось прервать после окончания двухклассного училища: в хозяйстве нужен был работник. Однако начавшееся в школе увлечение чтением не прошло бесследно. Книги учили разбираться в людях. Общение с политическими ссыльными и прибывавшими в Куртамыш с фронтов империалистической войны ранеными стало для будущего писателя большой школой жизни.

Революция, затем гражданская война окончательно определили жизненный путь Глебова. Мобилизованный в армию Колчака, он с группой солдат переходит на сторону Красной Армии.

После войны Н. А. Глебов работал избачом в с. Глядянском, а в 1925 г. стал штатным сотрудником газеты «Красный Курган». С этой работой связано начало его литературной деятельности. Он пишет очерки, фельетоны, рассказы. Первый его рассказ был опубликован в 1925 году.

Широкую известность получила повесть Н. А. Глебова «Карабарчик» (1948), выдержавшая несколько изданий в нашей стране и опубликованная в Китайской Народной Республике. В ней показаны судьбы двух мальчиков: алтайца Кирика и русского Яньки Кобякова. Оба жили впроголодь, испытали произвол богачей. Связанные чувством волнующей дружбы, они приняли посильное участие в революционных событиях и вошли в жизнь крепко, по-хозяйски, как люди, имеющие на нее право. Бездомный сирота Кирик и батрацкий сын Янька едут учиться в город, чтобы вернуться в родные горы.

Повесть увлекает героикой борьбы, остротой и драматизмом жизненных конфликтов, стремительным развитием сюжета.

Повесть «Асыл» (1955) по изображенным в ней событиям и революционно-романтической устремленности примыкает к «Карабарчику». В центре произведения — народ, поднявшийся на борьбу за новую жизнь.

Автор вводит своих юных героев казашку Асыл и русского мальчика Диму в круг развивающихся событий большого исторического значения: казахское восстание в Тургайской степи осенью 1916 года, установление Советской власти в Тургае, борьба с попытками свергнутых классов вернуть потерянное. Он показывает, как участие в этой борьбе закаляло характеры ребят, формировало их революционную стойкость и мужество.

Сложная, богато насыщенная событиями проходит перед читателем жизнь смелой казахской девушки Асыл. Мы видим, как она мужает, как крепнет ее сознание под влиянием жизненных испытаний.

В повести немало жизненно правдивых сцен. Привлекают внимание пейзажные картины — изображение бескрайной Тургайской степи и в солнечное утро, и в жаркий летний день, и в осеннюю непогоду.

В 1954 г. в Кургане вышел сборник рассказов Н. А. Глебова «Флаг над рощей». Рассказы первой части сборника объединяет идея глубокого воспитательного значения: труд помогает становлению характеров, воспитывает правильный взгляд на жизнь у советских детей. Герои рассказов — дети и подростки, комсомольцы и пионеры. Сюжеты развиваются правдиво, они взяты непосредственно из жизни. Но порою автор заставляет своих героев больше рассуждать, чем действовать; зачастую они говорят языком взрослых.

Несомненной удачей Глебова являются пейзажи Урала и Зауралья. Писатель умеет немногословно и просто, но вместе с тем поэтически выразительно рассказать и о летнем утре, занимающемся над пионерским лагерем, и о таинственной жизни озера, и о свежести просыпающейся природы.

Вторую часть книги составляют рассказы о животных — «Белогрудый волк», «Колокольчик в тайге» и другие. Глебов рассказывает, какой глубокой привязанностью платят животные людям за заботу о них, какими верными друзьями человека они становятся в ответ на его ласку и внимание.

В 1954 г. в Челябинском книжном издательстве вышла первая часть романа Н. А. Глебова «В предгорьях Урала», а в 1957 г. вторая — «В степях Зауралья». В том же году обе части были изданы в Кургане одной книгой под названием «В степях Зауралья». Как и в лучших своих повестях, писатель изображает жизнь родного края на переломных этапах истории: Октябрьская революция, гражданская война, восстановление разрушенного хозяйства.

События рисуются в хронологической последовательности, что делает развитие сюжета особенно напряженным. В основу романа легла борьба двух начал — антинародного, паразитического, и трудового.

Реалистично показан мир стяжателей. Здесь и богатый хлеботорговец Никита Фирсов, и заимщик Ферапонт Толстопятов, и скотопромышленник Бекмурза и концессионер датчанин Тегерсен. Они враждуют между собой из-за добычи, но едины в своем стремлении к обогащению и наживе.

Выразителем революционной воли народа выступает в романе коммунист Григорий Иванович Русаков.

К рабочему слесарю, сосланному за революционную деятельность в Марамыш, тянется пытливая молодежь. Беседы с Русаковым помогают ей разобраться в событиях, различать друзей и врагов, определить свое место в жизни. Революционная убежденность Русакова делает свое дело: немало крестьян помогают в дни революции утверждать власть Советов.

Русаков встает во главе уездного комитета партии большевиков, готовит трудящихся к решающим битвам за народную власть. И в дни победы Октября, и в тяжелое время контрреволюции в Зауралье Русаков вместе с народом. Своей верностью большевистским идеям, нравственной чистотой он притягивает людей, как маг-

нит крупицы железа. Русаков весь в действии, в борьбе. К сожалению, его внутренний мир раскрыт недостаточно глубоко.

Процесс разложения семьи в условиях торгашества показан в истории Андрея Фирсова, который порывает с этим миром. Его жизненный путь определило общение с политическими ссыльными, чтение запрещенной литературы. Порвав с отцом, медленно, с трудом отказывается Андрей от привычных, воспитанных с детства представлений. На многое ему открыл глаза Русаков. На фронте вокруг Андрея группируются революционно настроенные солдаты. Он выполняет важные поручения большевистской партии. Однако во второй части автор увлекается рассказом о приключениях Андрея, попавшего в стан врагов под именем поручика Топоркова, и это в известной мере лишает образ жизненной убедительности.

Сейчас Глебов работает над третьей книгой романа, в которой будет рассказано о восстановительном периоде в Зауралье и начале социалистического строительства в городе и деревне.

Книги Н. А. Глебова нашли своего читателя. Они с интересом обсуждаются на читательских конференциях в учебных заведениях, в рабочей и колхозной аудитории.

«Несмотря на преклонный возраст, — пишет Н. А. Глебов в автобиографии, — я полон творческих замыслов и желаний быть полезным для нашей социалистической родины. Захватывает, зовет на трудовые подвиги величественная картина семилетнего плана развития народного хозяйства. В ней я вижу зримые черты коммунизма, ради которого буду трудиться не покладая рук, пока бьется в моей груди сердце».

С. А. ВАСИЛЬЕВ

Широкую известность получили стихи и песни Сергея Александровича Васильева. Они звучат по радио, исполняются на школьных вечерах, вошли в репертуар коллективов художественной самодеятельности города и села. Вся поэзия Васильева обращена к современности.

С. А. Васильев родился 17 июля 1911 г. в Кургане. На широких зауральских просторах прошли первые годы его жизни. «Именно здесь, — писал он в своей автобиографии, — на холмистой равнине, перемежающейся березовыми колками — березовыми рощицами, утиными озерами и широкими большаками, пролетело мое босое сиротское детство»[1]).

Лишившись отца, он рано начал трудиться: пахал, боронил и косил.

С. А. Васильев

Еще ко времени учения в Курганской школе-семилетке (1924—1926 гг.) относятся первые стихотворные опыты С. Васильева, поддержанные «добрым и зорким человеком», учителем русского языка А. Н. Шаровым. В 1927 г. Васильев переехал к сестре в Москву и вскоре поступил в Центральный Дом искусств им. Поленова, где обучался актерскому мастерству. Одновременно с этим он работал сторожем, дворником, санитаром. После окончания учения поступил рабочим-ремонтником на Первую Московскую ситценабивную фабрику, затем работал в труппе Мюзик-холла.

В эти годы крепнет «школьное» увлечение стихами. Окружающая юношу жизнь давала много впечатлений. Стихи С. Васильева стали появляться в центральных комсомольских газетах и журналах. В 1933 г. вышла первая книга молодого поэта «Возраст», названная им позднее «холостым выстрелом». Успех пришел в 1935 г.,

[1]) Сергей Васильев. Стихи. М., 1958, стр. 5.

когда были опубликованы и тепло приняты читателями и критикой стихотворения «Голубь моего детства» и «Анна Денисовна». Произведения эти свидетельствуют о пристальном внимании поэта к жизни, о духовной его связи с народом. С этого времени поэзия, по собственному признанию Васильева, стала его «единственной целью и утешением».

Огромный след в поэтической биографии С. Васильева оставил А. М. Горький, который его «послал учиться в Литературный институт, выпустил на поля «толстых» журналов».

Тематика произведений Васильева многообразна. Он живо откликается на события внутри нашей страны («Крымский мост», «Проход»), за рубежом («Тянь Гуй-ин, первой китайской девушке, ставшей машинистом паровоза»), обращаясь к прошлому, рисует творческие дерзания русского человека (поэма «Первый в мире»).

С. А. Васильев — участник Великой Отечественной войны: сначала рядовой-ополченец, потом армейский поэт. Его патриотические стихи, выражавшие твердую веру советского народа в победу, печатались в «Правде», «Красной звезде», «Крокодиле», «Литературной газете» и других периодических изданиях, переводились на иностранные языки. Стихи этих лет отличаются суровой простотой, силой мысли и большим чувством. Таковы стихотворения «Наташа», «Мы встретимся снова», «Трое у костра», «Нашей женщине».

Поэма-трилогия «Портрет партизана» — это выразительное и сильное повествование о людях с солнцем в крови, о могучем и гордом народе-богатыре, взявшем власть в свои руки. Замысел этого произведения возник во время странствий Васильева по родному Зауралью. Поэта поразил увиденный им однажды в избе колхозника портрет молодого партизана эпохи гражданской войны. Рассказ о нем явился отправным моментом в создании эпической поэмы из народной жизни.

Гимном индустриальному Уралу, его труженикам-героям, создавшим в годы Великой Отечественной войны грозную и могучую технику, громившую фашистские полчища, звучит поэма «На Урале».

Широко известен С. Васильев и как поэт-песенник. Многие песни написаны им в содружестве с композиторами А. Новиковым, И. Дунаевским, В. Мурадели, М. Блантером, З. Компанейцем, Н. Богословским, К. Листовым и другими. Такие песни, как «Подмосковье», «Дорожная», «Песня о трех капитанах», «За Уральскою грядой», проникнуты радостным восприятием мира, чувством гордости за родную страну и ее людей.

Особую группу произведений С. Васильева составляют пародии и эпиграммы. Они свидетельствуют о большом сатирическом даровании поэта, об умении использовать острое, живое слово в борьбе с недостатками развивающейся литературы.

Живя в Москве, С. Васильев не порывает связей с Зауральем. Стихотворения «На лыжах», «Зима», «На реке Тобол» навеяны встречей поэта с родными местами, общением с литературной молодежью края.

Немало произведений посвятил С. Васильев жизни и людям Зауралья, труженикам колхозных полей, меняющему свой облик родному краю.

Воспоминаниями детства полно стихотворение «Прямые улицы Кургана». Впечатления детских лет, рассказ о дорогих и после двадцатилетней разлуки местах — все это сливается в единое чувство любви к Зауралью, к советской Отчизне. Поэт умеет найти простые, задушевные слова, чтобы рассказать о прекрасных изменениях в жизни.

Меняющему свой облик Кургану, широким просторам зауральских полей посвящена песня «За Уральскою грядой».

Поэта радует сияние электрических огней, освещающих родной город, встающие корпуса новостроек:

Иду ли я по улицам широким,
Или стою у яра на краю, —
Гляжу вокруг с волнением глубоким,
Знакомых с детства мест не узнаю.
Ласкает взор живых огней сиянье,
Где были избы — ныне чудеса:
Прямых кварталов радостные зданья
И молодых заводов корпуса.

Пейзаж родного края неотделим от трудов человека, создающего материальные блага жизни.

А выйдешь в поле — нивам нет границы,
Богатства их попробуй сосчитай.
Шумят колосья солнечной пшеницы,
Суля большой, высокий урожай.

Выразительная картина открывается взору поэта, умеющего тонко чувствовать и передавать природу Зауралья:

Синеет лента бронзового бора,
И чередой, спеша издалека,
Неторопливо смотрятся в озера
Плывущие над степью облака.

Несколько стихотворений С. Васильев посвятил выдающемуся колхозному ученому Герою Социалистического Труда Терентию Семеновичу Мальцеву. Поэт гордится успехами упорного и волевого земляка, который ведет многолетнюю борьбу за обильный урожай хлебов, за пшеницу, «которой зной и стужа нипочем» («Счастливая звезда»).

В стихотворении «Колхозный ученый» Т. С. Мальцев показан в неустанных поисках, «в труде и горении».

Все он чего-то ищет, славя и умножая
Силу советских пашен, молодость урожая.

В задушевном «Письме земляку» поэт раскрывает «мысли полет живой» колхозного новатора, показывает результаты его неустанных трудов:

Плещет пшеница волнами
На ветерке степном,
Клонит пригоршни, полные
Выстраданным зерном.

Дарование С. Васильева находится в поре своего расцвета. Читатели ждут от него новых произведений, в том числе и таких, в которых во всем многообразии встанет сегодняшний день Зауралья, живущего единой жизнью со всей Советской страной.

О своей ответственности перед читателем поэт хорошо сказал сам: «Долг мой перед народом велик. Про-

жито уже сорок шесть лет, а лучшее еще не написано, но к лучшему я стремлюсь. К этому меня обязывает высокое звание советского поэта и моя принадлежность к великой Коммунистической партии Советского Союза»[1]).

И. Т. КОРОБЕЙНИКОВ

Иван Терентьевич Коробейников родился в 1908 г. в с. Острова, Юргамышского района, Курганской области, в семье сельского сапожника, знавшего к тому же переплетное и столярное дело, страстного охотника и рыболова.

Первое представление о художественной литературе мальчик получил, слушая отца, который после трудового дня любил почитать вслух какую-нибудь из принесенных для переплета книг. Очень рано пробудился у него интерес к художественному слову, возникло желание писать. Этому способствовала его первая учительница, издававшая вместе с ребятами рукописный журнал, на страницах которого помещались собранные ими пословицы, загадки, их рассказики и стихи.

И. Т. Коробейников

Учась в Челябинске, в средней школе, Коробейников продолжал свои литературные опыты. В них отразился светлый взгляд юного поэта на мир. В стихотворении «Зеленя», напечатанном в свердловской комсо-

---

1) Сергей Васильев. Стихи. М., 1958, стр. 13.

мольской газете «На смену», раскрывается мироощущение молодого человека нашего времени:

Я пою в стихах не о печали,
Я веселый молодой поэт.
У меня в груди степные дали
И манящий синегранный свет.

В стихотворении говорится о промелькнувшем детстве и о завтрашних радостях, которые сулит жизнь обновленной страны.

В стихотворении «Письмо товарищу» эта мысль выражена более четко:

Зачем же прошлое жалеть,
Зачем же льнуть к тому, что было,
Тогда как солнечная медь
Нас новой жизнью напоила!

Стихи не всегда удавались. Юноше не хватало жизненного опыта, глубоких наблюдений, недоставало нужных слов, точно выражающих мысль. Лучше получались стихи и рассказы, написанные о пережитом, прочувствованном, хорошо знакомом. В основу первого напечатанного рассказа «Матя-охотник» был положен действительный случай. С тех пор принцип жизненной правды стал основой творчества писателя.

Прошло около двух лет после окончания школы. Наступила весна 1928 года. Коробейников едет в родное село и сразу же оказывается в гуще больших событий, связанных с коллективизацией сельского хозяйства в Зауралье. По горячим следам он пишет повесть о становлении колхоза — «В семью». По совету поэта-земляка Я. Т. Вохменцева исписанные 500 страниц ученических тетрадей были посланы в Московское издательство. Повесть была одобрена, и автор вызван в Москву, где под руководством опытного редактора работал над ее завершением. В 1935 году эта повесть под названием «Застоинцы» вышла в Московском издательстве художественной литературы. Автор получил от читателей много писем, в которых отмечались достоинства произведения молодого писателя и дружески критиковались недостатки.

Рассказы Коробейникова все чаще стали появляться на страницах газеты «Челябинский рабочий», печатались в челябинском альманахе «Стихи и проза».

В 1937 г. Коробейников сдал экстерном экзамен на звание учителя начальной школы и стал работать в школе. Тяжелая болезнь дважды заставляла Коробейникова прерывать учительскую деятельность. Он работал избачом, заведовал сельским клубом и сельской библиотекой.

В годы Великой Отечественной войны Коробейников написал три пьесы, исполнявшиеся коллективами художественной самодеятельности Юргамышского района. В 1945 году он вступил в члены Коммунистической партии Советского Союза.

В начале пятидесятых годов писатель вернулся к повести «Застоинцы». После трех лет напряженного труда, используя советы читателей и собственные наблюдения, он написал на ее основе роман «Голубая Елань», значительно расширив произведение, введя новые главы, углубив характеры. Роман вышел в 1956 г. в Кургане.

В основу романа положены факты, связанные с переходом деревни на путь социализма. Материалом послужили прежде всего наблюдения над жизнью села Острова, где родился и живет писатель. В произведении раскрываются местные, зауральские события, характерные для всей страны и отражающие типичные особенности первых лет коллективизации. В напряженно развивающемся сюжете, в запоминающихся сценах передается накал классовой борьбы в зауральской деревне той поры, показаны сложные условия, в которых создавались первые колхозы.

Полон лютой злости к утверждающейся нови кулак Василий Гонцов. Односельчане называют его «волком», «живоглотом». Его стяжательская натура проявляется во всем. Он одалживает соседям хлеб, чтобы иметь в страду даровую рабочую силу. Держит вместо жены домработницу, считая, что «так дешевле». Не останавливается он и перед прямым грабежом. Это Гонцов вывез из опустевшего монастыря тяжелый золотой киот

и установил его в переднем углу своего просторного дома.

Весть о начавшемся объединении крестьян в колхозы Гонцов встретил злобно. Он готов уничтожить всех, кто стоит на его пути к обогащению. Но Гонцов — хитрый и коварный враг. Понимая, что силы его слабы, он резко меняет тактику и выступает в роли одного из организаторов колхоза, втайне стараясь развалить его, дискредитировать в глазах односельчан идею объединения. «Надо сеять раздор, ненависть, разжигать жадность», — думает он.

Он надевает на себя маску, но временами не может сдержать ненависть к колхозному строю. «Я в морду бы их бил, — признается он в компании подвыпивших друзей, — а мне надо колхозника из себя корчить».

Однако новое побеждает. Хищник и убийца Гонцов бежит от справедливой расправы за преступления перед народом.

Сын Гонцова, Костя, унаследовал от отца немало качеств «гонцовской породы». Самолюбивый и настойчивый, он упорно «пробивает дорогу». Он пролез в комсомол, мечтает о вузе. Знания ему нужны, чтобы быть выше своих сверстников, на которых он смотрит пренебрежительно, как на «деревню». Как и отец, Костя — враг, но более скрытный и коварный. Мстительный и злобный, Костя бежит с отцом, пытаясь уйти от ответственности.

Интересен образ крестьянина Степана Грохова, который, несмотря на беспримерное трудолюбие, так и не мог до вступления в колхоз выбиться из нужды.

Не на год-два входит Степан в новую жизнь. В объединении тружеников он видит «дело народное, а раз народное, значит, правильное». Были у Степана и сомнения: как пойдет работа в колхозе, удастся ли вступившим в него отрешиться от чувства собственности... Но Степан крепко верит в партию, призывающую к «повороту жизни», чувствует себя ответственным за утверждение колхозной нови.

В гуще острой классовой борьбы оказался рабочий-двадцатипятитысячник Андрей Батов, посланный

партией в Застойное. Нелегкий путь прошел коммунист Батов, вынеся из пережитого убеждение: «Жизнь надо переделать». Весь свой разум, волю, душевные силы отдает он тому, чтобы вести людей вперед, помочь им по-новому устроить жизнь. Нелегко убедить вросших в собственность крестьян отрешиться от старого. В колхозе скрытно действуют враги. Но Батов ясно видит поставленную партией цель, и во имя ее он сплачивает народ и, учась у него, руководит им.

Избач Алеша Янов, принципиальный и прямой человек, является ревностным проводником политики партии в деревне. У него еще не хватает жизненного опыта, не всегда удается зажечь слушателей, но Алеша живет новым, помогает его победе над старым, отживающим.

С детства мечтал Ваня Тимофеев о подвигах, о служении народу, много прочел книг о жизни и людях. В начале коллективизации романтика новых дел увлекла его на строительство Челябинского тракторного завода. Вернувшись в деревню, он вступает в колхоз и энергично борется за его укрепление. Жизнь оказалась значительно богаче и ярче той, о которой Ваня читал в книгах. Участие в борьбе за утверждение этой жизни обусловило расцвет душевных сил молодого человека.

Не все удачно в романе. Бледны некоторые образы (учитель Вадим Шарапов). Автор увлекается диалектизмами, обильно уснащая ими речь героев. Он не свободен от декларативности в раскрытии отношений между некоторыми действующими лицами.

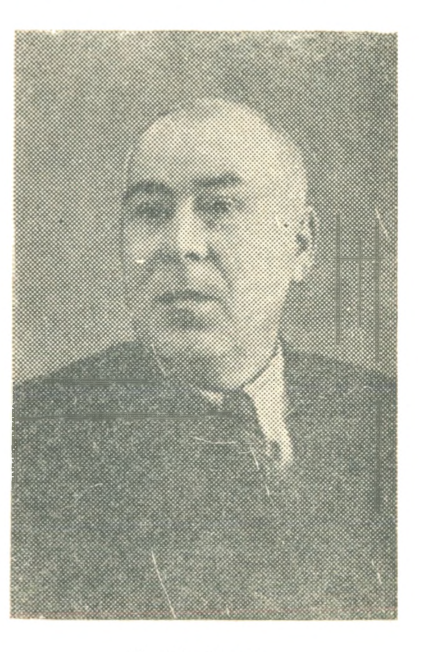
Однако большая жизненная правда, яркие образы и сочный, выразительный язык привлекают внимание читателя к «Голубой Елани». В июне 1958 г. И. Т. Коробейников был принят в члены Союза писателей СССР. Он — участник Первого съезда писателей Российской Федерации.

Положительные отзывы критики и читателей побудили продолжить работу над романом. Во второй книге, над которой сейчас трудится писатель, будет показан период организационного и экономического укрепления

колхоза, а в третьей — зауральская деревня в годы Великой Отечественной войны.

Я. П. ВЛАСОВ

В шести километрах от районного села Каргаполья, Курганской области, есть маленькая деревенька Шляпниково, окруженная дремучим сосновым бором, за которым раскинулись бескрайние луга, пашни с многочисленными березовыми колками. В этой деревне в 1903 г. в семье труженика-крестьянина родился Яков Пантелеевич Власов. Семья была многочисленной: в одно время за стол садились до 14 человек.

Я. П. Власов

С детства появилось у Власова влечение к книге, настойчивое желание учиться. После многочисленных просьб мальчика отец отвез его в Каргапольскую пятиклассную школу. Власов окончил ее с похвальным листом весной 1916 года, а на следующий год сдал экзамен в Мехонское высшее начальное четырехклассное училище и окончил его в 1919 г.

В Зауралье в это время происходили важные события. Вокруг партии большевиков против контрреволюции объединились все, кому были дороги завоевания Октября.

Шестнадцатилетний Я. П. Власов стал одним из первых комсомольцев и руководителем комсомольской ячейки в деревне. Начались дни, полные горячих дел, напряженного труда: работа в ЧОН и на трудовом

фронте, помощь сельским коммунистам, подготовка клубных постановок и многое другое. Затем учение в Шадринской совпартшколе и комсомольская работа.

К 1920 году относится первая статья Я. П. Власова «Молодежь и Октябрьская революция», напечатанная 7 ноября в шадринской уездной газете «Деревенский коммунист». Затем последовали очерки: «Деревенские были» и «Путевые записки». С 1926 г. Власов стал журналистом. Он долгое время был собкором газет «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий», затем «Красный Курган», ряд лет редактировал шадринскую районную газету.

В декабре 1932 года в Свердловске вышла первая книга Я. П. Власова — о хлебозаготовках в Каргапольском районе — «Ударники хлебного фронта». Позднее в разных газетах и уральских альманахах было напечатано несколько его очерков.

Мысль написать художественное произведение о революционных событиях в Шадринске возникла у Власова в середине 30-х годов. Тогда же он начал усиленно собирать материал для будущей повести «На берегах Исети». Жизнь в деревне, газетная работа, углубленное изучение октябрьских революционных событий в Зауралье, свидетелем и участником которых он был, помогли ему. Моральную поддержку начинающему писателю оказывал Павел Петрович Бажов, неоднократно советовавший ему упорно работать над повестью, настойчиво идти к намеченной цели.

К июню 1941 года было написано уже более 500 машинописных страниц. Но началась Великая Отечественная война, и работа над повестью была прервана. Только в 1948 году Власов вернулся к ней. В результате настойчивой работы седьмой вариант книги вышел в 1952 году в Кургане.

Автором было получено более ста писем читателей, одобрительно отзывавшихся о книге и сделавших ряд критических замечаний. В городах и селах области состоялось более десятка читательских конференций. Успех окрылил начинающего писателя. Он значительно

переделал повесть, и она вышла вторым изданием в Воениздате в Москве в начале 1958 года.

Второе издание повести «На берегах Исети» значительно отличается от первого. В него введено десять новых глав, столько же переделано заново, часть глав изъята. В книге не осталось ни одной страницы, где бы не были произведены изменения или поправки. Все это сделало повесть композиционно стройнее, живее, полнокровнее стали ее герои, выразительнее и ярче язык.

В книге описаны подлинные события, происходившие в 1917—1919 гг. в Шадринском уезде и г. Шадринске, выведенном под именем Зауральска. С большой точностью изображены съезд фронтовиков, организация артели, внезапный захват Шадринска белыми, бой под Далматовом, освобождение города от колчаковцев и другие эпизоды.

Многие герои книги имеют прототипов. История большевика Журова перекликается с фактами революционной деятельности в Шадринске Андрея Александровича Жданова. Член ЦК партии эсеров и депутат Учредительного собрания от Шадринска Николай Здобнов, впоследствии порвавший с эсерами и ставший видным библиографом, явился прототипом образа Задорнова. Бровин списан с полковника Архангельского, командира 139-го запасного пехотного полка. Поротов — в основном шадринский анархист Петров. Рисуя образы членов семьи Сергеевых, писатель использовал наблюдения над жизнью своего отца и братьев.

Вместе с тем повесть «На берегах Исети» не дает точного описания лиц и событий, в ней, как и во всяком художественном произведении, присутствует художественный вымысел, опирающийся на достоверные факты.

Революционное движение в Шадринске и уезде писатель раскрывает в тесной связи с общерусскими событиями. В повести представлены два лагеря: лагерь правды, справедливости и революционного долга (большевики Артем Горшков, Андрей Журов, братья Сергеевы, учительница Серафима Егоровна, городские рабочие, беднота) и злобный, уходящий из жизни мир

фабрикантов, купцов, кулаков, эсеровских вожаков, белогвардейских офицеров.

Первая встреча читателя с Андреем Журовым происходит на станции Зауральск. Молодой прапорщик вступается за избиваемого штабс-капитаном солдата Сергеева и попадает на гауптвахту.

Стремительно развертываются дальнейшие события. Военно-полевой суд приговаривает Журова и Сергеева к многолетней каторге. Но Февральская революция приносит им свободу. Однако Журов хорошо понимает, что борьба не окончена, и полностью отдается партийной работе, выступает на митингах и собраниях, вместе со старым подпольщиком Горшковым создает сильную партийную организацию.

Учась умению верно решать выдвигаемые жизнью вопросы у старого партийца Горшкова, Журов вырастает в твердого, закаленного в борьбе ленинца. Сочетание трезвого расчета, жизненной практичности с возвышенной мечтой делают образ Журова особенно живым, убедительным, правдивым.

Интересен образ крестьянского бедняка Якова Сергеева. Он с восьми лет батрачил у кулака, потом ушел в город, работал учеником слесаря. Во время войны Сергеев был взят в армию и несколько лет провел в окопах. Как и тысячи солдат, Яков был против войны, но он не видел выхода из нее. Общение с Журовым, с большевиками открыло перед ним новый мир.

Большое чувство связывает Якова с Серафимой Егоровной, путь которой в революцию типичен для многих представителей интеллигенции. Скромная сельская учительница, ничего не понимающая в политике, она под влиянием речей Журова и большевистских газет начинает пристальнее вглядываться в жизнь, разбираться в происходящих событиях. Идейная близость к народу приводит ее в лагерь революции.

Привлекателен образ Нади, чистой в помыслах, доверчивой и умной девушки. Она восхищена волей и мужеством Андрея Журова, гордится знакомством с ним. Совместное участие в революционной борьбе делает Надю верной спутницей его в жизни.

Автор показывает полную изоляцию от народа фабриканта Галактиона Семиколенова, кулака Серапиона Белоглазова, их душевную опустошенность, нравственную и физическую гибель.

Зауральский колорит повести выражен и в названиях мест, где развиваются события, и в лексике героев, и в изображении города и сел, и в хорошо знакомом зауральскому читателю пейзаже.

Пейзаж Власова в большинстве случаев лиричен. Автор не только описывает яркими красками природу, но и открыто любуется ею. Характерно в этом отношении описание зауральской весны, заканчивающееся словами: «Хочется обнять землю и крикнуть на весь мир: «Как я люблю тебя, край отцов моих! Как прекрасна ты, моя родина!».

Есть в повести и недостатки. Кое-где показ человека в действии подменен рассказом о нем, есть прямолинейность в изображении отдельных персонажей (Ушаков, Чудинов). Не везде выразителен и чист язык авторского повествования.

Много лет работал Я. П. Власов над очерками о колхозном ученом Герое Социалистического Труда Т. С. Мальцеве. Они были опубликованы в 1955—1958 гг. в сборниках «На земле уральской» (Свердловск), «На земле курганской» (Курган), «Земля родная» (Челябинск). Сейчас он занимается инсценированием своей повести «На берегах Исети» для Шадринского драматического театра.

Я. П. Власов полон творческих замыслов, мечтает написать еще один большой очерк о знатном земляке Т. С. Мальцеве, о работе бригад коммунистического труда.

В заключение хочется привести слова самого Я. П. Власова: «Мне 56 лет. И когда я оглядываюсь назад, ищу те дни, когда я был счастлив, то убеждаюсь, что это были те дни и часы, когда у меня было по горло работы, когда я без устали трудился на благо общества. Шагать с товарищем в отряде ЧОН с винтовкой на плече, работать на коммунистическом субботнике — аж рубаха мокрая, долгими часами сидеть над рукописью, исписывать страницу за страницей, организовывать уборку и хлебосдачу в колхозе в качестве уполномо-

ченного партии, читать моим мальчишкам в часы досуга Лермонтова, Некрасова, Маяковского — все это наполняло меня величайшим, неповторимым счастьем.

А что может быть выше счастья жить в эпоху Ленина, в годы величайших исторических битв за счастье человечества?!».

С. С. СУХАЧЕВСКИЙ

Плодотворно работает над документальными повестями из революционного прошлого Зауралья Степан Степанович Сухачевский.

Он родился в 1909 г. на станции Варгаши, Курганской области, в семье рабочего - железнодорожника, в Кургане окончил семилетнюю школу и сельскохозяйственный техникум. Однако зоотехником он работал недолго. Любовь к литературе привела Сухачевского в школу — он становится учителем-словесником, а начиная с 1932 г. работает литературным сотрудником ряда республиканских, краевых и областных газет («Красный Крым», «Молот», «Советская Киргизия», «Красная Башкирия»), в которых публикует свои очерки, фельетоны, рассказы. Его первый большой рассказ «Рождение Тавриды» был напечатан в альманахе «Крым» в 1932 г.

С. С. Сухачевский

В годы Великой Отечественной войны Сухачевский был рядовым бойцом Советской Армии. Приехав после демобилизации в Курган, он стал работать в издательст-

ве газеты «Советское Зауралье» литературным секретарем, а позднее литературным редактором издательства.

В своей первой повести «Коля Мяготин» (Курган, 1955) Сухачевский рассказывает о пионере-герое, повторившем подвиг Павлика Морозова и павшем от руки озверевшего кулачья.

Автор несколько раз побывал на родине Коли Мяготина в селе Колесниково, Курганского района, записывал воспоминания колхозников, беседовал с сестрами, школьными товарищами юного героя, комсомольскими и партийными работниками тех лет. Им были тщательно изучены архивные материалы и публиковавшиеся в газетах отчеты о судебном процессе над убийцами пионера.

Большинство героев повести выведено под их настоящими именами, с сохранением портретного сходства. Лишь старый партизан Кузьма Матвеевич и учительница Александра Васильевна являются вымышленными образами. В них писатель стремился отразить типические черты поколения, с оружием в руках отстаивавшего Советскую власть.

Повесть привлекла к себе внимание. В городах и селах области книга обсуждалась на читательских конференциях, издательство получило на нее более трехсот письменных отзывов читателей. Это была критика строгая, но доброжелательная, взыскательная, но идущая от сердца. Отмечалось, что недостаточно динамичен сюжет повести, мало запоминающихся эпизодов из жизни Коли. Автор стремился опереться только на факты подлинной его биографии, но от этого повесть как художественное произведение, конечно, проиграла. Живое и образное изображение событий сменяется порою информационными сообщениями.

Замечания и советы читателей, критические отзывы печати помогли автору значительно улучшить второй вариант повести — по существу, написать новое произведение. Проще и стройнее стал ее сюжет. Устранены побочные эпизоды, тормозившие развитие действия, мешавшие целостному восприятию (эпизод со вступлением в колхоз Романова). Полностью переделана глава «Семья», изъята глава «Ужиха». Вновь написанная гла-

ва «Клубок разматывается» держит читателя в постоянном напряжении, помогая понять обстоятельства, при которых было раскрыто преступление.

Писатель снял длинноты, сократил лирические отступления, сделав их более яркими. Острее и глубже в новом варианте показан накал классовой борьбы начала тридцатых годов.

Книга подверглась и значительной литературной правке. В текст внесено более трехсот стилистических исправлений. Убраны ненужные авторские пояснения, сняты повторы, тяжелые фразы с деепричастными оборотами заменены более легкими, энергичными предложениями.

Много внимания уделил писатель углублению характеров: усилил в социальном плане образы врагов Фатея Сычева, Шушарина, Ивана Вахрушева, разностороннее и ярче показал старого большевика Кузьму Матвеевича, учительницу Александру Васильевну.

Иным стал и главный герой, Коля Мяготин. Читатели справедливо упрекали автора в том, что он в первом варианте повести овзрослил Колю, сделал его резонером, искусственно выделил из среды, в которой он вырос. Теперь многие из этих недостатков устранены.

Коля погиб от руки подлых убийц. Пафос книги направлен на утверждение благородства души героя. Образ смелый и гордый видит перед собою читатель.

Переработанная повесть потеряла в объеме, но выиграла в содержании. Она издана массовым тиражом в 1960 году издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Есть в Кургане улица Пичугина. Она названа в честь активного борца за утверждение Советской власти в Зауралье — Дмитрия Егоровича Пичугина, одного из героев повести С. С. Сухачевского «У Белого Яра» (1958 г.).

Темой нового произведения явилась гражданская война в Зауралье, героическая борьба рабочих и крестьян во главе с большевиками против белогвардейцев и иностранных интервентов. Так же кропотливо, по крупицам, автор собирал материалы для новой книги. Он

познакомился с архивами, беседовал с соратником героя Е. К. Пичугиной, живой свидетельницей тех героических лет. Немало интересного сообщил родной брат Дмитрия Пичугина, А. Е. Пичугин, ныне живущий в Магнитогорске. Писатель побывал в Омске, где находился колчаковский лагерь смерти, в котором томились курганские большевики.

В центре повествования две семьи революционеров — Пичугины и Аргентовские. Дмитрий и Андрей Пичугины — выходцы из трудового крестьянства, Лавр и Наташа Аргентовские — из рабочей семьи. Все они прошли суровую школу жизни, закалились в борьбе с произволом. Их взрастила революция, воспитала партия большевиков.

Мужественным, волевым человеком, убежденным большевиком показан в повести Дмитрий Пичугин. Угрозы и пытки врагов, в руки которых он попал, не могли сломить духа коммуниста. Он умирает героем, веря в победу новой жизни.

Духовно богатой натурой, с ясным умом и большим сердцем показана комсомолка Наташа Аргентовская, замученная в колчаковском застенке.

Лагерь врагов показан в повести довольно убедительно и правдиво. Но к недостаткам ее следует отнести некоторую прямолинейность, схематизм в изображении положительных героев. Повесть сильна драматизмом изображаемых событий, хотя справедливость требует отметить, что автор явно увлекается описанием истязаний революционеров.

Интерес читателя к книге, подтвердившийся на десятках конференций, на которых она обсуждалась, возросший спрос на повесть земляка-писателя потребовали повторного ее издания в 1959 г.

Перу С. С. Сухачевского принадлежит несколько очерков о жизни декабристов в Кургане, опубликованных в «Блокноте агитатора». Он работает над повестью о сельских комсомольцах Зауралья середины 20-х годов «Алеша», отдельные главы которой публиковались в газетах «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец». Сейчас пи-

сатель собирает материал для исторической повести «Сашок», посвященной детским и школьным годам великого русского ученого, изобретателя радио А. С. Попова, учившегося в Далматовском духовном училище.

А. В. ВАСИЛЬЕВ

В 1957 году в Кургане вышла небольшая повесть «Солдаты идут». Написал ее Александр Васильевич Васильев, директор одной из курганских школ.

А. Васильев родился в 1917 г. в селе Обухово, Глядянского района, Курганской области, в крестьянской семье. После окончания Курганского педучилища он работал учителем, а в 1939 году был призван в Советскую Армию. Великую Отечественную войну он провел на фронте. Там же он вступил в ряды КПСС, получил несколько правительственных наград. После демобилизации А. Васильев вновь занялся педагогической деятельностью. В 1952—1955 гг. на страницах газеты «Красный Курган» он опубликовал рассказы «Гитара», «Экзамен», «Испытания».

Повесть «Солдаты идут» — первая книга начинающего писателя. В ней рассказано о бессмертном подвиге Советской Армии, освободившей от фашистских полчищ ряд государств Западной Европы. Повествуя о завершающих боях за Будапешт, автор раскрывает мысли и чувства воинов, стремившихся быстрее разгромить ненавистного врага и вернуться к мирной жизни.

На фоне батальных сцен развертываются судьбы отдельных героев.

Постоянная опасность обнажает человеческие характеры, раскрывает подлинные чувства людей, сближает или разъединяет их. Рядом со смертью, нередко побеждая ее, идет любовь. В повести рассказано о большом и светлом чувстве, которое связывает капитана Зорина и медицинскую сестру Зою, помогая им переносить трудности войны, укрепляя их веру в победу. Под грохот сражений, в трудах партизанской войны находят свое многострадальное счастье старший лейтенант Кабальнов и врач Нина Сергеевна. Запоминается образ автоматчика Майбороды.

Не все равноценно в повести А. Васильева. Бледны некоторые образы (например, генерала Астахова, майора Шилова), слабо связаны между собою отдельные эпизоды, встречаются языковые штампы.

Вместе с тем повесть «Солдаты идут» знакомит читателя с мужественными и сильными людьми, в суровых испытаниях войны укрепившими большую любовь к матери-Родине, к мирному труду.

К произведению «Солдаты идут» тематически примыкает рассказ «В поисках матери», опубликованный в 1957 году в газете «Молодой ленинец».

Новая повесть А. Васильева «Вышли навстречу», над которой он сейчас работает и отрывки из которой печатались в молодежной газете и передавались по областному радио, посвящена жизни бригад коммунистического труда.

Л. И. КУЛИКОВ

Под влиянием тяжелой болезни одни люди замыкаются в себе, другие находят силы и мужество противостоять злому недугу и остаются в строю. К последним принадлежит поэт Леонид Иванович Куликов.

Л. И. Куликов родился в 1924 г. в городе Иванове. Детство его прошло неподалеку от Ленинграда, в Гатчине. Здесь он окончил семилетнюю школу, вступил в комсомол, начал учиться в восьмом классе. В 1940 году, когда юноше шел 16-й год, его поразил тяжелый, приковавший к постели на долгие годы недуг.

В начале Великой Отечественной войны семья Куликовых эвакуировалась в Зауралье и обосновалась в с. Половинном. В эти годы Куликов делает первую попытку серьезно заняться литературой. Юношу тяготило вынужденное бездействие в то время, как сверстники его с оружием в руках защищали Родину, стояли у станков, трудились на полях. И он обращается к поэзии, стремясь в стихах выразить свое желание быть полезным народу, Родине.

О причинах, побудивших Л. Куликова заняться литературной деятельностью, он писал позднее, отвечая

восьмиклассникам 434-й Сестрорецкой школы Ленинградской области.

«Вы пишете о своем желании брать пример с меня. Я бы советовал вам учиться мужеству у настоящих героев. Прежде всего у Николая Островского — прекрасного борца за счастливое будущее человечества. Я люблю этого замечательного человека, люблю за стойкость и принципиальность в борьбе, за искренность и талант, за ту правду, которая светит из каждой строки, написанной им.

Л. И. Куликов

Я никогда не подражал ему в том смысле, что не пытался создать «Книгу века», для этого у меня слишком мало сил, способностей и познаний. Но я многому научился у него, читая его произведения, статьи и письма, и в трудные минуты, которых немало было в жизни, вспоминал его слова: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Только этого я хотел, начиная несколько лет назад свою литературную учебу и литературную работу».

О своей любви к родной земле пишет Л. Куликов в одном из своих первых стихотворений — «Россия, милая Россия» (1944). В нем он говорит о бессмертном подвиге советской России, которая

Над планетой беспредельной
Знамена правды подняла
И в час опасности смертельной
Себя в обиду не дала.

После войны Куликов пишет стихи о мирной жизни («Зерна мира»), о возвращающихся фронтовиках («Домой»), о счастье свободного труда («Рожь цветет», «В сибирском селе»). Однако стихи эти были во многом риторичны, декларативны.

Свою настоящую тему Куликов нашел, когда стал писать стихи о детях и для детей. В 1946 г. «Пионерская правда» напечатала его стихотворение «На пустыре». Затем его стихи стали появляться на страницах газеты «Красный Курган», в альманахе «Уральские огоньки», в литературно-художественных сборниках «На земле курганской», «Южный Урал». Они передавались по радио, читались с эстрады. У поэта появились многочисленные друзья-читатели. В 1951 г. в Челябинске вышел первый маленький сборник его стихов — «Скоро в школу». Через год курганское издательство выпустило второй его сборник — «Кораблики», который трижды переиздавался. Вслед за ним последовала книжечка стихов «Младшая сестра» (Курган, 1956), а в 1958 г. Детгиз издал его стихотворение «Про кота». Отдельными изданиями в Челябинске и Кургане выходили сказки для юных читателей.

В этих стихах раскрывается мир повседневных интересов детей, показаны их радости и печали, маленькие дела и заботы, игры и забавы.

Вот детский садик с песней, с красными флажками едет на первомайский парад:

Гудят машины на ходу:
Дорогу нам давай!
Ведь только раз во всем году
Бывает Первомай!

(«Май»)

В день рождения мамы, который встречают «всей семьей», Сережа, по примеру старших, дарит ей самую дорогую для него вещь:

Мам, возьми мой самосвал,
Поиграй немножко!..

(«Мамин день»).

О неудачах маленького мастера, взявшегося чинить испортившиеся ходики, говорится в стихотворении «Часы».

О ясной дружбе, о заботливом внимании мальчика к своей младшей сестре Аленке пишет поэт в стихотворении «Младшая сестра».

Стихи о животных особенно нравятся малышам. Поэт умеет интересно рассказать о беседе двух мышек «про свои делишки» («Две мышки»), о хвастунишке-петушке, вздумавшем «куриц удивить» и чуть не поплатившемся жизнью («Петушок в беде»). А сколько юмора в начальных строчках стихотворения «Козел»!

Через плетень глядит козел
На зелень ярких грядок:
«Уж я бы грядки прополол,
Навел бы там порядок.

Горох заглох,
Салат засох,
И огурцы —
Не молодцы.

А там чеснок
Свалился с ног,
А я бы все поправить мог!..»

В некоторых стихах поэт осмеивает нерадивых учеников («Вдвое больше»), бездельников и лежебоков («Кто ленивей»). Яркой сатирой на верхоглядов, вечно спешащих и ни одного дела не доводящих до конца, является стихотворение «Торопей».

Несколько произведений посвящено жизни школы — «Песня школьных бригад», переложенная на музыку Б. Радченко, рассказ «Муки творчества».

Есть у Л. Куликова стихи о детях для взрослых. В них много душевного тепла, света. Самые обычные, повседневные явления поэт умеет показать так, что они надолго остаются в памяти. Таково, например, стихотворение «Читательница»:

Кудряшка села у окна
И, подражая маме,
Том Достоевского взяла,
Но только вверх ногами.

«Кудряшка, там картинок нет,—
Сказала мать. — Я знаю,
Я не ищу их, — был ответ. —
Ты видишь, я читаю!».

«Так почитай, — сказала мать, —
Про что там говорится?»
«В колхозах начали пахать,
Уже растет пшеница!».

Перевернула лист назад
И важно продолжает:
«Открылся новый детский сад,
Вся музыка играет!»

Она еще «читать» не прочь,
И мать ее погладила:
«Ты хорошо читаешь, дочь,
С тобой не надо радио».

В традициях народного эпоса написано Л. Куликовым несколько сказок: «Как ежик стал колючим», «Вася и Маша», «Храбрый Василек».

Широкую известность получила первая из названных сказок. В ней говорится о ежике, получившем с помощью «дедушки Игната» надежную защиту от врагов в виде острых иголок. Сказка проникнута характерным для устного творчества гуманизмом, в ней осуждаются хищничество и жадность, торжествует справедливость. Прозрачность образов, стройность композиции, простота и точность языка сближают ее с произведениями народного эпоса.

Успех не сразу пришел к поэту. С большим чувством юмора говорит об этом он сам в стихотворении «Почта»:

Вскрывая письма из газет, предчувствуешь отказ —
Который раз удачи нет в походе на Парнас!
На ровный ряд суровых слов посмотришь и вздохнешь.
И новый лист своих стихов в редакцию пошлешь.

Изучение лучших образцов отечественной поэзии, упорная работа помогли поэту освободиться от трафаретных образов, словесных штампов. «Я считаю, что поэт Вы для детей, у Вас есть чувство юмора, Вы чувствуете стих...»,—писал Л. Куликову Сергей Михалков, познакомившись со сборником его стихотворений.

Л. Куликов находится в поре творческой зрелости. Об этом свидетельствует успех его новых стихов, многочисленные письма читателей. Недавно поэт стал членом Союза писателей СССР. Продолжается жизнь, наполненная смыслом и горением:

Я брошен на обе лопатки,
От этого можно отчаяться.
Любая борцовская схватка
Таким приземленьем кончается.

Да, крепко прижаты лопатки,
Но песня — она не смиряется,
Окончена только тетрадка,
А жизнь и борьба продолжается!

(Из «Домашней тетради»).

Д. Ф. ГАЛЯМИН

Дмитрий Федорович Галямин выступает в жанре сатиры. Его произведения печатаются в газете «Советское Зауралье», литературных сборниках «Южный Урал», «На земле курганской», в журналах «Крокодил», «Молодой колхозник».

Галямин родился в 1921 году в деревне Глинки, Курганского района, Курганской области, в семье крестьянина. В 1940 г. он окончил Курганское педучилище и работал учителем. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. стал сотрудником газеты «Красный Курган». В 1955 г. окончил литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР. Участвовал в работе III Всесоюзного совещания молодых писателей.

Первые произведения Д. Галямина были напечатаны в 1949 г., а через два года в издательстве «Красный Курган» они вышли отдельным сборником, который дважды после этого переиздавался. В него вошло около двадцати басен.

Басни Д. Галямина осмеивают зазнайство («Тщеславный гусь»), способность упиваться мнимыми заслугами («Графин»), осуждают трусость, покрывающую преступление («Сор в избе»). В ряде басен обличаются лю-

ди, принимающие здоровую критику их недостатков как личную обиду и стремящиеся расправиться с критикующими («Медведь и Крот»), осмеиваются руководители, вверяющие разбор жалоб тем, на кого они написаны («Жалоба»). Осуждаются не в меру ретивые администраторы, сыплющие выговорами и распекающие подчиненных, вместо оказания помощи («Петух-администратор»).

Басни этого цикла свидетельствуют о пытливом внимании автора к жизни, об умении в живой форме предать осмеянию недостатки, мешающие утверждению и развитию нового в нашей действительности.

В некоторых баснях раскрывается характер человеческих отношений в капиталистическом мире. Продажность буржуазного искусства разоблачается в басне «Соловей и Свиньи». Лицемерие эксплуататоров обличается в басне «Гуманная Змея». В басне «Лев и Волк» удачно раскрыт характер «союза» Америки и Англии — двух империалистических хищников.

Героями басен Галямина являются издавна знакомые читателю жадный Волк, чванливая Свинья, глупый Осел, хитрая Лиса, вертлявая Мартышка, робкий Заяц и другие традиционные басенные образы со всеми присущими им чертами. Однако не все они нарисованы одинаково убедительно и живо. На отдельных баснях лежит печать литературного штампа.

Достоинством басен является живой диалог. Поэт смело пользуется народной лексикой, умеет разнообразить размер своих басен в зависимости от их содержания.

Современность — основная тема творчества Д. Галямина. Его произведения всегда злободневны, поэтому читаются с живым интересом.

Ю. В. СКОБЛИН

Юлиан Васильевич Скоблин родился в 1911 г. в г. Ашхабаде в семье железнодорожного рабочего. В 1932 г. окончил Московский редакционно-издательский инсти-

тут, работал в Казанском обкоме комсомола, Татгосиздате, преподавателем и завучем рабфака, а затем учителем русского языка и литературы и директором средней школы.

В 1937 г. в Казани вышла книга его очерков «Комсомол Татарии в годы гражданской войны».

В годы Великой Отечественной войны Ю. Скоблин был редактором дивизионной газеты.

После демобилизации Ю. Скоблин приехал в Курган и стал работать в областной газете, а с 1952 г. — ответственным секретарем «Блокнота агитатора».

Многолетняя газетная работа, близкое знакомство с сельским хозяйством раскрывали перед журналистом сложные вопросы жизни колхозного села.

В 1956 г. Ю. Скоблин написал очерк о выпускнице сельской школы Г. Череминой, которая, оставшись работать на ферме, обрела подлинное счастье в труде. Жизнь подтверждала важность поднятой темы, и у автора возникла мысль написать пьесу о молодых людях современной деревни, о путях молодежи в большую жизнь.

Результатом большой работы автора в содружестве с главным режиссером областного театра Л. Меерсоном и актерским коллективом появилась пьеса «Пути-дороги», сразу же завоевавшая симпатии зрителей. «Спектакль «Пути-дороги», — писала группа председателей колхозов в газете «Красный Курган» 22 января 1959 г., — поможет нашим юношам и девушкам, стоящим на пороге самостоятельной жизни, определить свое место в обществе, найти правильные пути-дороги к своему счастью».

Действие происходит в одном из сел Зауралья. Раскрывая внутренний мир двух девушек, по-разному относящихся к жизни, писатель требовательно ставит вопрос о роли и месте в жизни молодого человека.

Окончив десятилетку, Настя Охлопкина мечтает о юридическом образовании, но не проходит в институт

по конкурсу. Тяжело переживая неудачу, девушка находит в себе силы остаться работать в колхозе. Путь оказался нелегким. Было немало ошибок и неудач, прежде чем она почувствовала себя нужной в коллективе, ощутила всю полноту большого счастья.

Настя — обыкновенная советская девушка. Она естественна в своих влечениях, поступках, мечтах. Эта естественность и делает ее образ достоверным и художественным.

Противоположностью Насте является ее школьная подруга Варя. Круг интересов ее чрезвычайно узок. Потребительское отношениие к жизни — ее характерная черта. Но и люди типа Вари под воздействием жизни меняют свое отношение к коллективу, становятся полезными членами общества, — утверждает пьеса.

Взят из жизни и заведующий молочной фермой Заговеньев, «бывшая руководящая колхозная кадра», как он называет себя. Будучи председателем колхоза, Заговеньев развалил работу, спился, затем стал пройдохой и жуликом, которого до поры до времени не могут распознать колхозники.

Не все образы одинаково удачны. Бледно выписаны агроном Зорин, научный работник Пуговкин. Есть театральные условности (сон Заговеньева), растянуты некоторые сцены.

Однако пьеса держит читателя и зрителя в постоянном напряжении, заставляет жить судьбами героев, и это свидетельствует об удаче автора.

За два театральных сезона пьеса «Пути-дороги» прошла 129 раз. Об ее успехе свидетельствуют отзывы зрителей, рецензии в местных и центральных газетах. Отдел театров Министерства культуры РСФСР рекомендовал пьесу к постановке на сценах театров Российской Федерации.

Сейчас драматург работает над новой пьесой о нашем современнике.

Б. А. РУЧЬЕВ

Борис Александрович Ручьев (Кривощеков) родился в 1913 году в станице Еткульской, близ Челябинска, в семье учителя. Детство его прошло в селе Звериноголовском, Курганской области. По окончании девятилетки шестнадцатилетний Ручьев поехал в Магнитогорск строить металлургический комбинат: работал плотником, бетонщиком. Любовь к поэзии привела его в литературную группу при газете «Магнитогорский рабочий».

Уже первые стихи Б. Ручьева, публиковавшиеся на страницах уральских комсомольских газет и литературного журнала «Штурм», свидетельствовали о пристальном внимании поэта к нашей действительности, умении видеть характерные перемены в жизни и взглядах людей.

В 1933 году вышла первая книга его стихов — «Вторая родина», посвященная героике трудовых буден «Магнитки». С тех пор стихи поэта часто появляются в уральских и центральных изданиях, привлекая читателя силою чувства, выразительностью языка, радостным восприятием мира, пафосом творческого труда.

В годы Великой Отечественной войны Ручьев пишет поэму «Невидимка» о славных делах советских партизан. Опираясь на традиции былинного эпоса, он рисует русский народный характер, с особой яркостью раскрывшийся в годину испытаний.

Не оконченная еще «Индустриальная поэма» — новое свидетельство окрепшего таланта Б. Ручьева. В широком лирико-эпическом плане поэт рассказывает в ней о формировании человеческого характера в процессе труда и борьбы.

Стихи Б. Ручьева полны жизни. В них отражены дела, думы, чувства нашего современника — труженика и преобразователя жизни.

Я. Т. ВОХМЕ́НЦЕВ

Любовью к просторам родного Зауралья, к народу и его делам проникнуты стихи Якова Терентьевича Вохменцева.

Вохменцев родился в 1913 г. в деревне Вохменке, Юргамышского района Курганской области, в семье крестьянина; до 17 лет трудился в хозяйстве отца, а затем много бродил по стране, работал на рудниках, в совхозах, в геологоразведочных партиях. Весть о строительстве «Магнитки» привела его на Урал. На стройке металлургического комбината Вохменцев начал писать стихи. В 1933 г. в магнитогорской газете появилось его первое стихотворение. В 1938 г. Я. Вохменцев поступил в литературный институт имени Горького при СП СССР, позже участвовал в боях на Халкин-Голе, Великой Отечественной войны.

Первый сборник стихов Я. Вохменцева «Золотая долина» вышел в соавторстве с Н. Кутовым в Челябинске в 1951 г. За ним последовала книга «Степная песня» (1955), «Мы веселые подружки» (1957), «Не хмурьтесь, друзья!» (1959).

Живя в Челябинске, Я. Вохменцев по-прежнему тесно связан с Зауральем: часто навещает родные места, встречается с земляками-хлеборобами, и это получило отражение в его поэзии.

Природа и труд — главные темы Я. Вохменцева. Его стихи полны радости и тепла, они воспевают красоту советского человека.

Н. Е. АГЕЕВ

Николай Егорович Агеев родился в 1926 г. в деревне Старо-Панькино, Галкинского района, Курганской области, в семье крестьянина-батрака. Учился в ремесленном училище, восемь лет работал слесарем, затем поступил в литературный институт им. Горького и окончил его в 1957 году.

Работа на заводе дала Агееву интересный материал для творчества. Его стихи стали появляться в центральных газетах и журналах («Литературная газета», «Литература и жизнь», «Работница», «Октябрь» и другие). В 1959 году в издательстве «Советский писатель» вышел его первый сборник «Горное плечо», в ко-

торый вошли три поэмы: «Огни над Чусовой», «Утренняя смена», «Коммунистки». Агеев был принят в Союз писателей.

Поэма «Огни над Чусовой» рассказывает о том, как в труде и борьбе с классовым врагом создавался один из первенцев советской индустрии на Урале. На строительстве Трубстроя судьба сводит бывшего знаменосца красного эскадрона Тройнина и комиссара Лихачева. Подлинный вожак масс, коммунист Лихачев находит путь к сердцу Трофима Тройнина, не сразу понявшего смысл великих преобразований в стране. Живые образы, богатая и разнообразная ритмика, чеканная фраза, точные художественные детали — все это относится к достоинствам поэмы.

В автобиографической поэме «Утренняя смена» поэт с гордостью рассказывает о своем поколении, выросшем в тяжелые годы войны и закалившемся в труде.

В небольшой поэме «Коммунистки» поэт говорит о преемственности трех поколений советских женщин. Это они свершали и защищали революцию, поднимали леса новостроек, сражались с фашистскими ордами, выиграли «трудное сраженье на целинной, залежной земле».

Стихи Н. Агеева полны внутреннего пафоса, захватывают размахом больших дел советских людей.

С. Д. БАСКОВ

Степан Дмитриевич Басков (род. в 1905 г.), агроном по образованию, свободное время отдает литературе. Его стихи печатались в газетах, журналах и альманахах Курганской, Челябинской, Свердловской областей.

В 1938 г. в Челябинске вышла отдельной книжкой его небольшая поэма «Кама», в основу которой лег исторический факт, относящийся к первым годам Советской власти: героический подвиг бойцов Уральской речной флотилии, спасших от гибели несколько сот приговоренных к смерти советских людей. В переработанном виде поэма была издана в Кургане в 1957 г.

Драматические картины народной борьбы с колчаковцами переплетаются с лирическими отступлениями поэта о красавице Каме, несущей через века свои могучие волны.

К сожалению, поэма написана неровно. Наряду с сильными, выразительными эпизодами есть и очень слабые в художественном отношении. В поэме немало повторов, бледных, малозвучных рифм.

Перу С. Баскова принадлежат также несколько поэм: «Отчизна», «Юбилей», «Зоотехник приехал в колхоз» и ряд стихотворений из цикла «В родном колхозе».

А. С. КУКАРСКИЙ

Любители поэзии с интересом встретили появившийся в 1958 году на книжных прилавках Кургана новый поэтический сборник. Автор его, Анатолий Степанович Кукарский, молодой журналист и поэт. Он родился в 1934 году в Тюмени. Первые стихи Кукарского были напечатаны в газете «Тюменская правда» в 1949 году, а затем стали появляться в молодежной газете «Тюменский комсомолец», печатались в сборнике «Земляки» (Тюмень, 1957), альманахе «Сибирские просторы», в журнале «Урал».

В сборник вошло 25 небольших, преимущественно лирических стихотворений, разнообразных по тематике и форме. В одних раскрывается богатый мир советского человека, звучит радость жизни, пафос труда, в других поэт обращается к памяти тех, «кто жизнью отстаивал нашу судьбу — трудиться и жить коммунистом» («Жестокий и трудный закончился бой»). Многие стихотворные миниатюры отражают какой-либо один момент, оставшийся в памяти поэта надолго («Встречи», «На ветку клена над панелью»). Трепет жизни чувствуется в таких пейзажных миниатюрах, как «Тропинка», «Ночь».

Новые стихи Кукарского (например, поэма «В глухом переулке», посвященная отважным бригадмильцам) свидетельствуют о дальнейшем росте поэта, о продолжающихся поисках своего поэтического голоса.

А. Л. СТАРОБИНЕЦ

Алла Львовна Старобинец родилась в 1916 г. в г. Гомеле, здесь же закончила рабфак, а затем училась в Ленинградском институте иностранных языков. В годы войны жила в Башкирской АССР, в совхозе, и в 1945 г., переехав в Курган, стала работать в газете «Советское Зауралье», вступила в ряды КПСС.

Поэтическое дарование проявлялось у А. Старобинец еще с детства, однако только в 1947 г. в газете «Красный Курган» было опубликовано ее первое стихотворение «Учительница». С тех пор стихи А. Старобинец печатались в сборниках «На земле курганской», «Земля родная» (Челябинск), в журналах «Работница», «Урал». В конце 1959 г. в издательстве газеты «Советское Зауралье» вышел первый небольшой сборник ее стихотворений «Огни».

Поэзия А. Старобинец глубоко современна. Любовь советских людей к своей Родине воспевает она в стихотворении «Отчизна»:

Мы любим все в тебе: былое наше,
Рожденное в сраженьях и в труде.
И наш прекрасный настоящий день,
И завтра, что еще светлей и краше.

Борьба за преобразование жизни на земле, за коммунизм — тема стихотворения «Мечтатели». Об отважных людях, изменяющих облик суровой Сибири, говорится в стихотворении «Огни». Человеку, обновляющему бескрайние степные просторы, вдохнувшему в них жизнь, посвящено стихотворение «Начало».

Мы здесь учились побеждать
И научились жить...

О больших свершениях, о новом в нашей жизни рассказывается в стихотворении «Продолжая путь»:

Знайте,
            дней грядущих астронавты,
Люди новых судеб,
                        новых дат:

Пятьдесят восьмой
отправил в Завтра
Строй коммунистических
бригад...

Слова, идущие от сердца, посвящает поэтесса памяти комсомолки Наташи Аргентовской, замученной колчаковцами в Кургане.

...Стою подолгу в городском саду
У скромного, как подвиг, обелиска
И думаю:
столетия пройдут,
А ты —
для тех счастливых, что придут, —
Все так же будешь
и живой
и близкой.

Большим, теплым чувством проникнуто стихотворение «Мать».

Лучшие стихи А. Старобинец несут большую мысль, отличаются четкостью формы, образностью, сжатостью языка.

В. В. ПАШИН

Жанр юмористического рассказа труден. От автора требуется не только умение видеть и замечать забавное в жизни, но и рассказывать о виденном так, чтобы увлечь читателя, вызвать улыбку на его лице. Этой цели достигает сборник Виталия Васильевича Пашина «Юмористические рассказы» (Курган, 1960 г.).

Имя автора известно курганскому читателю по очеркам и рассказам, печатавшимся в областной газете. «Юмористические рассказы» — первая книга молодого писателя.

Путь В. Пашина в литературу характерен для многих наших литераторов. Родился он в 1926 году в г. Сасово, Рязанской области, учился в школе, работал на заводе, в 1943 году добровольцем ушел на фронт. После службы в армии поступил на факультет журналистики Московского государственного университета, ко-

торый окончил в 1957 году, и с тех пор работает в редакции областной газеты «Советское Зауралье».

Писать начал на университетской скамье. Его первый рассказ «Шутка природы» был напечатан в 1954 году в молодежной газете «На смену», издаваемой в городе Брно (Чехословакия).

«Юмористические рассказы» включают 11 произведений, разнообразных по тематике, но близких по стилю, за исключением завершающего сборник «рассказа для детей» — «История жизни одного кота».

Книгу открывает рассказ «Дедуктивный метод». Несложный эпизод с песней, которую стараются вспомнить советские туристы по дороге в Вену, раскрывает большое чувство дружбы народов.

Выразительно показано новое отношение к труду в рассказе «Ее день рождения». Полон теплого юмора рассказ «Перпетуум мобиле» — о пытливом мальчике, сыне колхозного пастуха, перед которым открыта большая дорога в жизнь.

Мягкий юмор автора сменяется язвительным смехом там, где речь идет о бездельниках и тунеядцах («Изобретатель»), безответственных людях («Отчет»), гонителях инициативы, свежей мысли («Знаете Крякина?»).

Рассказы В. Пашина читаются легко. В большинстве из них нет назойливого морализирования. Они отличаются простотою сюжетов, живостью диалогов, чистотой и ясностью слога. Лучшие из них, несомненно, свидетельствуют о верном пути, на котором стоит молодой писатель.

П. З. КОЧЕГИН

В середине 1960 года в Кургане вышла книга П. Кочегина «Под хмурым небом».

Павел Захарович Кочегин родился в 1916 г. в дер. Ново-Спасовке, Куртамышского района, Курганской области, в семье крестьянина. В годы Великой Отечественной войны служил в авиации, после демобилизации был на партийной, педагогической, газетной работе. В настоящее время — пенсионер.

Повесть «Под хмурым небом» — первая книга Кочегина. В основе ее лежат подлинные факты из истории героической борьбы Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков. В произведении показаны несгибаемая воля и мужество советских людей, оказавшихся на занятой врагом земле. Книгу пронизывает идея дружбы советского и норвежского народов, укрепившейся в совместной борьбе с фашизмом. Повесть увлекает драматизмом изображаемых событий, силою показанных в ней людей.

* * *

С каждым годом ширится литературное движение в городах и селах Зауралья, выявляя немало способных людей, любящих живое слово, стремящихся художественно рассказать «о времени и о себе».

На страницах газеты «Молодой ленинец» часто печатаются стихи и поэмы инженера Курганосельмаша Л. Бендика о жизни и людях родного завода. Сердечностью привлекают читателя стихи А. Баевой, А. Пляхина, А. Позднякова, А. Соловьева, Д. Меньшикова. Интересны стихотворения для детей Гр. Рогозина, собранные в сборнике «Чудесный столик» (Курган, 1958). Для маленького читателя предназначена книжка Н. Зиновьева «Елка в лесу» (Курган, 1957). Находят своего читателя стихи Вл. Генделя, Вл. Милютина, Ю. Воронцова, Дм. Белоусова, А. Виноградова и других молодых поэтов, пишущих о наших днях, о жизни и труде своих современников.

Рассказы С. Рудских, В. Потанина, сказы И. Шарова повествуют о сегодняшнем дне нашей Родины. Внимание читателей привлекла книга очерков о Китае А. А. Виноградова «В стране великой Янцзы» (Курган, 1959 г.). В живых эпизодах в ней показан сегодняшний день нашего друга, братского Китая.

Слабее развивается драматургический жанр. Небольшие пьесы для самодеятельного театра написаны П. Русых («Вовкина ошибка»), Н. Агафоновым («Узловой вопрос», «Шабаш шабашникам») и другими.

Рост художественного мастерства писателей и поэтов Зауралья несомненен. Однако многим из них недостает еще умения видеть жизнь во всей ее многогранности, не хватает образности, чувства слова.

Неустанные заботы Центрального Комитета Коммунистической партии о развитии литературы, беседы и выступления Н. С. Хрущева, величественные задачи семилетки вдохновляют писателей страны Советов на создание новых произведений, достойных нашей великой эпохи. Они зовут и писателей Зауралья к большому творческому труду на благо родной земли и народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агеев Н. Е.

Произведения

«Горное плечо». Поэмы. М., 1959.

Критика

Далада Н. «Огни над Чусовой». Москва, 1958, № 4.

Бирюков В. П.

Произведения

1. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердл., 1936.
2. Уральские сказки. Челябинск, 1940.
3. Фольклор Урала. Под общей редакцией И. Н. Розанова. Вып. I. Исторические сказы и песни. Челябинск, 1949.
4. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердл., 1953.
5. Урал советский. Народные рассказы и устное поэтическое творчество. Курган, 1958.
6. Крылатые слова на Урале. Свердл., 1960.

Критика

1. **Астафьев А.** Уральские сказки. «Литературное обозрение», 1941, № 1.
2. **Китайник М.** Новый сборник уральского фольклора. «Уральский рабочий», 1953, 24 декабря.
3. **Мясников Г.** «Урал в его живом слове». «Красный Курган». 1954, 13 июля.
4. **Тимофеев В.** «Урал в его живом слове», альманах «Уральский современник» № 3 (28), Свердл., 1954.

5. **Мыслина Т.** Пропагандист народного слова. «Урал», 1958, № 7.

6. **Гусев В. Е.** Владимир Павлович Бирюков. «Русский фольклор». Материалы и исследования, вып. III, М.—Л., 1958.

7. **Панов Д. А.** Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков. Шадринск, 1958.

8. **Янко М. Д.** Писатель и краевед. «Красный Курган», 1958, 18 июля.

9. **Янко М. Д.** Устное народное творчество советского Урала. «Красный Курган», 1958, 2 декабря.

10. **В. П. Тимофеев.** Завершение фольклорной трилогии В. П. Бирюкова. Ученые записки Шадринского пединститута, вып. III, г. Шадринск, 1959.

Басков С. Д.

Произведения

Кама. Поэма. Курган, 1957.

Критика

Е. Ружанский. Поэма о юном герое. «Красный Курган», 1957, 14 сентября.

Васильев А. В.

Произведения

Солдаты идут. Повесть. Курган, 1957.

Критика

П. Дунаев. Повесть о солдатах. «Красный Курган», 1957, 11 июля.

Васильев С. А.

Произведения

1. Лирика и сатира. Курган, 1955.

2. Стихи. М., 1958.

Критика

1. **Тарасенков А.** Стихи о родном городе. «Литературная газета», 1947, 6 сентября.

2. **Волков А. Н.** Сергей Васильев. Стихи и поэмы. «Звезда», 1946, № 4.

3. **Саянов Виссарион.** Путь поэта. «Знамя», 1958, № 6.

Власов Я. П.

Произведения

1. На берегах Исети. Повесть. М., Воениздат, 1958.
2. **Терентий Мальцев.** «На земле курганской», 1956, № 4.
3. «Академик и Герой». «Земля родная», Челябинск, 1958.

Критика

1. **Накоряков П.** На берегах Исети. «Красный Курган», 1952, 14 декабря.
2. **Фиш Г.** Писатель и наука. «Литературная газета», 1954, 26 ноября.
3. **Бауков Иван.** На берегах Исети. «Литература и жизнь», 1959, 6 марта.
4. **Мясников Г.** Рост писательского мастерства. «Красный Курган», 1959, 17 мая.

Вохменцев Я. Т.

Произведения

1. Золотая долина. Стихи. Челябинск, 1951.
2. Степная песня. Стихи. Челябинск, 1955.
3. Мы веселые подружки. Частушки. Челябинск, 1957.
4. Не хмурьтесь, друзья! Стихи, басни, фельетоны, эпиграммы. Челябинск, 1959.

Критика

1. **Грибачев Н.** Человек и степь. «Новый мир», 1956, № 4.

Галямин Д. Ф.

Произведения

Басни. Курган, 1953.

Критика

Сергеев П., Янко М. Первая книга молодого поэта. «Красный Курган», 1952, 27 января.

Глебов Н. А.

Произведения

1. Флаг над рощей. Сб. рассказов. Курган, 1954.
2. В степях Зауралья. Роман, Курган, 1956.
3. Повести и рассказы. Сб., Челябинск, 1959.

Критика

1. **Сарнов Б.** Молодой весны гонцы. «Литературная газета», 1951, 18 января.

2. **Янко М.** Повесть о боевой юности. «Красный Курган», 1956, 14 июня.

3. **Янко М., Сергеев П.** Детские рассказы Н. Глебова. «На земле курганской», 1956, № 4.

4. **Дзержинский Л.** В степях Зауралья. «Красный Курган», 1957, 7 февраля.

5. **Шепелева Л.** Юбилей писателя-земляка. «Красный Курган», 1959, 14 февраля.

6. **Погостина В.** Вестник весны. «Литература и жизнь», 1959, 3 июня.

7. **Сартаков Сергей, Баруздин Сергей.** Издано в Челябинске. «Урал», 1959, № 7.

Иванов В. В.

Произведения

1. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1958 и след.
2. История моих книг. «Наш современник», 1957, № 3, 1958, № 1.

Критика

1. **Яновский И. Н.** Всеволод Иванов. Новосибирск, 1956.

2. **Щеглов М.** Всеволод Иванов. «Вопросы литературы», 1957, № 3.

3. **Минокин М.** О раннем творчестве Всеволода Иванова. «Русская литература», 1959, № 3.

Кокосов В. Я.

Произведения

На карийской каторге. Рассказы и воспоминания, Чита, 1955.

Критика

Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита, 1954.

Коробейников И. Т.

Произведения

Голубая Елань. Роман. Курган, 1956.

Критика

Федоров Е. Правда жизни. «Красный Курган», 1956, 27 мая.
Колосков А. Общее дело. «Партийная жизнь», 1956, № 22.

Кочегин П. З.

Произведения

Под хмурым небом. Курган, 1960.

Критика

Борисов И. Подвиг не умирает. «Молодой ленинец», 1960 г., 21 сентября.

Куликов Л. И.

Произведения

1. Скоро в школу. Стихи. Челябинск, 1951.
2. Кораблики. Стихи. Курган, 1953.
3. Как ежик стал колючим. Сказки. Челябинск, 1955.
4. Младшая сестра. Стихи. Курган, 1956.
5. Храбрый Василек. Сказки. Челябинск, 1958.
6. Про кота. М., 1958.

Критика

1. **Сухачевский С.** Рождение поэта. «Красный Курган», 1955, 15 октября.
2. **Кардашова А.** Сила духа. «Огонек», 1956, № 16.
3. **Баруздин С.** Весело и поучительно. «Дошкольное воспитание», 1956, № 10.
4. **Соловьев А.** Для младших братьев и сестер. «Красный Курган», 1956, 15 мая.
5. **Румянцева П.** Его друзья. «Красный Курган», 1957, 14 мая.
6. **Пашин В.** Мужество поэта. «Молодой ленинец», 1958, 14 мая.

Кукарский А. С.

Произведения

Стихи. Курган, 1958.

Критика

1. **Котов В.** Первая книга. «Молодой ленинец», 1959, 1 февраля.
2. **Юровских В.** Стоило ли торопиться? «Литературная газета», 1959, 16 июня.

Кюхельбекер В. К.

Произведения

Избранные произведения. Библиотека поэта. Л., 1959.

Критика

1. **Базанов В. Г.** Поэты-декабристы: К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, М.—Л., 1950.
2. **Декабристы-литераторы.** «Литературное наследство», том 59, АН СССР, М., 1954.
3. **Мейлах Б.** В. К. Кюхельбекер. В кн. «В. К. Кюхельбекер Избранные произведения», Л., 1959.

Малютин И. П.

Произведения

1. Незабываемые встречи. Челябинск, 1957.
2. Воспоминания. М., 1958.

Критика

1. **Горянов П.** О книге «Незабываемые встречи». «Южный Урал», 1958, № 1.
2. **Усачев Г.** С любовью и душевной теплотой. «Урал», 1958, № 4.
3. **Назаров Иван.** Встречи и письма. Владимир, 1957.

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Произведения

Собрание сочинений в восьми томах. М., 1953—1955.

Критика

1. **Сержантов В. Г.** Писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Челябинск, 1952.

2. **Удинцев Б.** Из записных книжек Д. Н. Мамина-Сибиряка. «Южный Урал», 1952, № 8—9.

3. **Боголюбов Е. А.** Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. М., 1953.

4. **Груздев А. Д.** Д. Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. М., 1958.

Мерзляков А. Ф.

Произведения

Стихотворения. Л., 1958.

Критика

1. **Луначарский А. В.** Очерки по истории русской критики. Том 1, М., 1929.

2. **Лотман Ю. М.** А. Ф. Мерзляков как поэт. Сб. «Стихотворения А. Ф. Мерзлякова», Л., 1958.

Носилов К. Д.

Произведения

1. Северные рассказы. Свердл. Два издания, 1937—1938.

2. Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала, т. 1, Свердловск, 1956.

Критика

1. **Лысяков П.** Носилов. «Северные рассказы». «Детская литература», 1938, № 6.

2. **Мыслина Т. Н.** Ученый, писатель, путешественник. К 100-летию со дня рождения К. Д. Носилова. «Урал», 1958, № 9.

3. **Донских К.** Константин Дмитриевич Носилов. «Красный Курган», 1957, 10 января.

4. **Янко М.** Очерки и рассказы К. Д. Носилова. «Ученые записки Курганского пединститута», вып. I, 1958.

Петропавловский Н. Е. (С. Каронин)

Произведения

Сочинения в двух томах. М., 1958.

Критика

1. **Плеханов В. Г.** С. Каронин. В сб. «Искусство и литература», М., 1948.

2. **Горький М.** Н. Е. Каронин-Петропавловский. Сб. «О литературе». М., 1953.

3. **Бердников Г. П.** С. Каронин (Н. Е. Петропавловский). Вступительная статья к сочинениям в двух томах. М., 1958.

Пашин В. В.

Произведения

Юмористические рассказы. Курган, 1960.

Критика

1. **Богуславский И.** — Свежо, жизненно, волнующе. «Советское Зауралье», 21 августа 1960 г.
2. **Зеленой К.** — Первое слово. «Молодой ленинец», 7 сентября 1960 г.

Пляхин А. М.

Произведения

Зауралье мое. Стихи. Курган, 1960.

Критика

Баева А.—Начало пути. «Советское Зауралье», 1 сентября 1960.

Ручьев Б. А.

Произведения

Лирика. Челябинск, 1958.

Критика

1. **Куштум Н.** Светлый талант. «Урал», 1959. № 4.
2. **Павловский А.** Стихи Бориса Ручьева. «Нева», 1959, № 11.
3. **Кищинская Л., Старкова Р.** Поэзия мужества и народной мечты. «Урал», № 11.

Рогозин Г. Т.

Произведения

Чудесный столик. Курган, 1958.

Критика

Садовский Л. Первая книжка. «Красный Курган», 1958, 24 апреля.

Скоблин Ю. В.

Произведения

Пути-дороги. Пьеса. Курган, 1959.

Критика

1. **Богдзевич Ю.** «Пути-дороги», «Красный Курган», 1959, 13 февраля.

2. **Бадьева Э.** Это успех. «Литература и жизнь», 1959, 15 марта.

3. **Тер-Аванесова М.** Свои пути-дороги. «Театральная жизнь», 1959, № 10.

Старобинец А. Л.

Произведения

Огни. Стихи. Курган, 1959.

Критика

Котов В. Новый сборник стихов. «Советское Зауралье», 1960, 25 февраля.

Сухачевский С. С.

Произведения

1. Коля Мяготин. «Молодая гвардия», 1960.
2. У Белого Яра. Повесть. Курган, 1958. Изд. второе — 1959.

Критика

1. **Румянцев Л.** Повесть о юном герое. «Красный Курган», 1955, 23 сентября.
2. **Шебунин Павел.** У писателей Южного Урала. «Наш современник», 1958, № 3.
3. **Боголюбов К.** Невпечатляющие образы. «Урал», 1959, № 3.
4. **Янко М. Д.** Новая встреча с героями книги. «Советское Зауралье», 3 июля 1960.

Тимофеев Б. А.

Произведения

1. Последний приют. Рассказ. «Современник», 1911, № 7.
2. Сухие сучки. Повесть. Альманах «Стихи и проза». Челябинск, 1940, № 6.
3. Ковальчук. Рассказ. Сб. «В помощь пленным русским воинам», М., 1916.
4. Марийка. Рассказ. «Пролетарский сборник», кн. 1, М., 1918.
5. Чаша скорбная. М., 1918.

Критика

1. **Горький М.** Иван Вольнов. Собр. соч. в 30 томах, т. 17, М., 1952.

2. **Бирюков В. П.** Б. А. Тимофеев. Альманах «Стихи и проза», Челябинск, 1940, № 6.

3. **Янко М. Д.** Б. А. Тимофеев. Ученые записки Курганского педагогического института, вып. II, 1959.

Федоров Е. А.

Произведения

1. Избранное. Том I и II, Л., 1958.
2. Вдоль голубых Уральских гор. Свердловск, 1959.
3. Терентий Мальцев. «Ленинградский альманах». Кн. 16, Л., 1959.

Критика

1. **Воеводин В.** Трилогия о старом Урале. «Звезда», 1952, № 4.
2. **Абрамович Л.** Исторические романы Евг. Федорова. «Сибирские огни», 1958, № 5.
3. **Абрамович А.** О некоторых приемах мастерства Евгения Федорова в романах и повестях уральского цикла. «Енисей». Литературно-художественный альманах, кн. 23, Красноярск, 1959.
4. **Янко М.** Книга о народном героизме. «Советское Зауралье», 17 января 1960 г.

Худяков И. А.

Критика

1. **Клевенский М. М.** И. А. Худяков. Революционер и ученый. М., 1929.
2. **Пушкарев Л. Н.** Из истории революционно-демократической этнографии. И. А. Худяков. «Советская этнография», 1949, № 3.

Худяков К. К.

Произведения

Сибирь. Стихи. Курган, 1916.

Критика

1. **Иванов Вс.** История моих книг. «Наш современник», 1957, № 3.
2. **Малютин Ив.** Забытый поэт старого Кургана. «Красный Курган», 1958, 31 августа.

Якубович П. Ф.

Произведения

1. Стихотворения. Том I—II. СПБ, 1913.

2. В мире отверженных. Том I—II, под ред. и с прим. Д. П. Якубовича. М., 1933.

Критика

1. **Попов И. И.** Петр Филиппович Якубович. М., 1930.

2. **Двинянинов Б. Н.** О литературной традиции в образах поэта и поэзии у В. В. Маяковского (В. В. Маяковский и П. Ф. Якубович-Мельшин). «Ученые записки Тамбовского пединститута», вып. VII, 1955.

3. **Медведева Л. П.** Ранняя лирика П. Ф. Якубовича. «Ученые записки Саратовского университета», т. 56, 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

*

Михаил Данилович ЯНКО

Литературное Зауралье

Редактор **Н. Юрьина.**

Техн. редактор **В. Митрофанова.**

Корректор **Н. Исаева.**

Подписано к печати 23 сентября 1960 г. ОС 02467.
Тираж 6.000 экз. Объем 10,2 п. л. Уч.-изд. л. 9,9.
Бумага 60х92 1/16. Заказ № 9631.
Цена 4 руб., в переплете 5 руб.

Курган (обл.), ул. Куйбышева, 87
Типография изд-ва газеты
«Советское Зауралье»

ЦЕНА 5 рублей.

С 1/I-1961 г. — 40 коп.,
в переплете — 50 коп.